

Король Fantasy

ДЖОН
РАЙТ

ПОСЛЕДНИЙ
СТРАЖ
ЭВЕРНЕССА

Джон Райт
Последний страж Эвернесса
Серия «Эвернесс», книга 1

Вычитка – Георгий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157053

Последний страж Эвернесса: Эксмо; Домино; М.; СПб.; 2007

ISBN 978-5-699-22389-3

Оригинал: John Wright, "The Last Guardian of Everness"

Перевод:

Анастасия Кузнецова

Аннотация

Эвернесс... На земле это дом, затерявшийся в провинциальной глуши Америки. В царстве снов это место зовется Высоким домом, который высится на побережье моря Беспокойной Тьмы, последний бастион магии в нашем мире, сторожевой пост на границе яви и сна, воздвигнутый еще во времена Мерлина.

Стражи сновидений держат закрытыми врата между миром яви и миром кошмаров, вахта их длится которую сотню лет, а число стражей становится все меньше и меньше. Силы зла готовятся к решительному штурму последнего бастиона. Ведь если крепость падет и два мира сольются в одно, Земля ввергнется в пучину кошмаров...

Книга Джона Райта ближе всего по духу к творческой манере великого создателя миров Роджера Желязны.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	23
ГЛАВА 3	38
ГЛАВА 4	61
ГЛАВА 5	77
ГЛАВА 6	112
ГЛАВА 7	137
ГЛАВА 8	168
ГЛАВА 9	187
ГЛАВА 10	212
ГЛАВА 11	229
ГЛАВА 12	246
ГЛАВА 13	259
ГЛАВА 14	284
ГЛАВА 15	299
ГЛАВА 16	315
ГЛАВА 17	330
ГЛАВА 18	349
ГЛАВА 19	366
ГЛАВА 20	378
ГЛАВА 21	404
ГЛАВА 22	419
ГЛАВА 23	434

Джон Райт Последний страж Эвернесса

*Тем, кто от века хранит наш покой и не пускает
к нам ужас войны, с уважением посвящается эта
фантазия*

ГЛАВА 1 ЗАБЫТЫЕ ХРАНИТЕЛИ СНОВИДЕНИЙ

I

В полночь, в самую середину лета, на побережье, в древнем доме, не знающем перемен, Гален Уэйлок – уже не мальчик, но еще не мужчина – во сне услышал далекий размеренный звук морского колокола.

Он проснулся. Глаза юноши округлились от страха и изумления; он вцепился в пропитанные потом простыни,

скручивая их в тугие жгуты. Сквозь венецианские окна спальни на кровать падал лунный свет. Тени скрадывали темное дерево стен и потолка. Снаружи доносился мягкий не умолкающий говор волн, бьющихся о скалы внизу.

Печальный перезвон смолк; слух теперь улавливал только земные шумы.

– Это мне почудилось! – лихорадочно бормотал он. – Это не настоящее, не взаправдашнее, такого не может быть! Только не теперь! Не со мной!

Если верить преданию, минуло более пятнадцати сотен лет с тех пор, как первый хранитель ордена заснул под дубом в Гластонбери в ожидании загадочного неуловимого голоса волшебного колокола над осиянными звездным светом волнами океанов, известных одним сновидцам. За время, пока он спал, выросшие омела и плющ сплелись с его волосами.

Гален сбросил покрывало и попробовал зажечь свет. Пальцы задели стекло, и он услышал, как лампа перевернулась, покатила по ночному столику и свалилась на пол. Недовольно бормоча, юноша потянулся вниз, где на полу лежали брошенные возле постели джинсы, и нащупал в их кармане фонарик.

С минуты он сидел на краю кровати, лучом фонарика освещая себе левую руку и пристально разглядывая крохотный ожог на ладони. Он тяжело дышал, сгибал и разгибал пальцы, морщился от боли, а глаза его широко раскрылись от изумления.

Затем он с воплем вскочил на ноги.

Мгновение спустя Гален, задыхаясь, влетел в гостиную этажом ниже. В камине пылали, потрескивая, два толстых полена, а перед огнем сидел дедушка Галена Лемюэль. На каминной полке, по всей длине, стояли в ряд двенадцать зажженных свечей. Над полкой красовался высеченный в камне щит с изображением крылатого коня, вставшего на дыбы над двумя скрещенными ключами. Внизу был начертан девиз из двух слов: «Терпение и вера».

На противоположной стороне комнаты, напротив гербового щита, висел писанный маслом портрет темноволосого и темноглазого человека в черной сутане, с черной конической митрой на голове. На церемониальной нагрудной цепи у него висел тяжелый золотой ключ, а на коленях покоился конский череп цвета слоновой кости с единственным спиральным рогом во лбу. Портрет был выполнен в высокопарном, парадном стиле и перегружен тенями.

Дедушка Лемюэль пошевелился и отложил книгу, которую держал в руках.

– Убери этот свет. Если тебе приспичило выползти ночью, возьми лампу. После возвращения из колледжа ты стал крайне небрежно и беспечно относиться к правилам дома.

Гален выключил фонарик, и кружок света у его ног пропал.

– Дедушка, послушай! – нетерпеливо воскликнул он.

Дедушка Лемюэль веско продолжал:

– Твой отец тоже никогда не понимал, почему наша семья живет таким образом. Ему не хватало веры. Человек спокойно может обойтись без современной канализации и электричества.

Ярость Галена переборола его терпение.

– Не говори о нем так, словно он мертв! Он лишь вступил в армию и уехал.

– Не я, но высшие силы воспринимают недостаток веры у твоего отца как предательство древней клятвы нашей семьи. Он никогда не верил, что время придет... – Дедушка Лемюэль уронил голову, мрачно поджав губы.

– Дед! Оно пришло!

Дедушка Лемюэль выпрямился, моргая.

– Что такое, малыш?

– Я слышал морской колокол.

– Колокол?!

– Только что. Сегодня вечером. Когда держал вахту на внешней стене.

На лице у дедушки Лемюэля ничего не отразилось, но отблеск сдерживаемого возбуждения мелькнул в глазах.

– Мы должны быть осторожны. Явился ли в твоём сне хоть один из семи знаков Виндьямара?

– Я видел знак и получил зов. Видение морской птицы со светильником в клюве.

Лемюэль забормотал:

– Светильник? Светильник... Хм... Мм... Молот, кольцо,

жезл, лук, титан, Грааль... Рог? Странно. Факел мог бы символизировать кровь титанов, но фонарь?.. Светильник не является одним из семи... – Выпрямившись, дедушка Лемюэль спросил Галена: – Откуда ты знаешь, что это был истинный сон, прошедший через врата рога? Провел ли ты три испытания?

– Полет, чтение, рассматривание рук. Дедушка Лемюэль, ты же знаешь, что я помню про испытания! Я пребывал в глубоком сне. Это был настоящий сон. И я слышал сигнал тревоги, которого мы ждали все эти годы. Я слышал его. Я слышал морской колокол! – Все это выплеснулось разом, нервной скороговоркой.

Дедушка Лемюэль вскинул ладони.

– Мы не должны слишком торопиться. Когда-то Альфкинниг, третий страж Эвернесса, подумал, что услышал тревожный сигнал, и отозвал из Рима Неспящего Воина, чтобы защищать башню Вортигерна в Уэссексе. И оставшийся без охраны город пал перед готами Тотилы. Шестьдесят первый страж Сильваниус Уэйлок призвал князей бури, дабы потопить Армаду ради Елизаветы, и за такое самоуправство мы были с проклятием изгнаны из Англии Белым Кругом, чьи полномочия мы узурпировали. Нам пришлось камень за камнем перенести этот дом в Новый Свет. Когда семьдесят девятый страж, мой дед Финеас Уэйлок, услышал морской колокол, он пробудил камни и послал Высокий зов. Но это оказался не настоящий сигнал – просто левиафан запутал-

ся в призрачных сетях Виндьямара, хвостом пошатнул хрустальную колокольню и раскачал колокол. Камни Эвернесса разгневались, что их пробудили от дремоты по столь ничтожной причине, и мой дед лишился глаз, усмиряя их... Спроси он совета у королев, мог бы и сохранить зрение...

Гален поднялся и, несмотря на молодость, заговорил с той же нотой властности в голосе, что и у деда. Лица обоих приняли одинаковое выражение.

– Дедушка! Я знаю разницу между обычными и истинными снами. Я знаю ее не хуже тебя, а может быть, и лучше. Сон-лошадка приходит каждый раз, когда я позову! Так было уже трижды. И я знаю истинный голос морского колокола. Я слышал его сегодня ночью на море.

Дедушка Лемюэль не выразил неудовольствия, но и не улыбнулся. Возможно, он приветствовал проявление стойкости в молодом человеке. Тем не менее, тон его оставался холоден.

– Может быть. Но поводья еще не выскользнули из моих рук. Ты пока не страж Эвернесса, вне зависимости от твоих способностей.

– Дедушка, я слышал морской колокол. Пора пришла. Близится время трубить последний сигнал.

Тут дедушка Лемюэль улыбнулся, но улыбка вышла печальной и усталой.

– Терпение и вера суть добродетели, в которых должны упражняться смертные, когда держат оборону против бес-

смертных врагов. Гален, мы, каждый из нас, за все прошедшее время думали, или надеялись, или боялись, что час, когда прозвучит рог, близок. Но этого никогда не происходило. Ожидание длиною в жизнь кажется невыносимым, когда ты столь юн, не правда ли?

11-Гален было заговорил, но Лемюэль поднял руку:

– Терпение! Мы проделаем все в должной последовательности, но только в том случае, если (я говорю: «если»!) эта последняя тревога окажется знаком, которого мы ждали все эти долгие и утомительные годы. Столько ложных тревог бывало раньше.

Гален притих, и на лице у него проступила мальчишеская неуверенность.

– Ладно. А теперь что? Что нам делать сейчас? В старых инструкциях говорится, что следует предупредить короля или губернатора королевской колонии в Новом Амстердаме. Так что нам остается? Может, мне полагается позвонить президенту? В нашем допотопном музее даже чертова телефона нет! – Раздосадованный Гален стукнул по стене кулаком.

– Прежде всего, – спокойно произнес дедушка Лемюэль, – ты сядешь здесь, напротив меня. Затем подробно перечислишь все особенности сновидения. Не горбись.

– Я слышал колокол из-под воды. Что-то надвигается. Это что-то собирается совершить попытку подняться сквозь мглу.

– В какой части дома ты находился?

Гален отвернулся и уставился в огонь. Юноша ушел в себя, взгляд его сделался отрешенным.

– Снаружи, на выходящей к морю стене, где мы всегда стоим. Во сне она, разумеется, казалась больше, и громадные каменные блоки поблескивали в свете Луны.

– Как ты был одет? В современную одежду?

– Не помню...

– Это важно. Ты же знаешь, современные формы сновидениям неведомы. Если тебе трудно вспомнить, проделай мысленно первое упражнение. Представь себе кольцо времени. Произнеси про себя ключевое слово. Воздвигни башню и построй здание...

Гален закрыл глаза...

II

Ему снилось, что он стоит на мокрой от брызг стене, сложенной из черного камня. На нем серебряная кольчуга, а в руках длинное копьё со звездным отблеском на острие. В черном бескрайнем море ему виделась кавалькада утонувших всадников, в полном вооружении и в доспехах из перламутра. Эти слабо освещенные фигуры молча двигались из глубин к берегу, и гривы их боевых коней развевались в воде, как водоросли. Рты рыцарей-утопленников были откры-

ты, словно они пели, но над волнами не разносилось ни звука – вместо голоса изо рта воинов выплывали облачка крови.

Слева и справа от кавалькады мелькали в сумрачной глубине лоснящиеся черные тела, сияние звезд отражалось в их черных глазах и высвечивало белозубые улыбки.

Далеко-далеко над горизонтом в лунном свете вставали огромные тени. У колен их пенился темный океан, плечами они раздвигали всклокоченные грозовые тучи – это, выше всех на свете, шагали великаны.

Над головой реяли рваные знамена посеребрённых по краям черных облаков, несущихся в штормовых вихрях. Казалось, весь небосвод гудит и содрогается от раскатов великого колокола, который звонил и звонил...

Черная, как обрывок полуночного грозового облака, как бездонная пропасть, из темного неба метнулась вниз чайка. В когтях она несла сияющий, словно маленькая звезда, эльфийский светильник.

Голосом, похожим на человеческий, чайка произнесла: «Этот знак света скажет тебе, о страж Эвернесса Лемюэль, призванный стать последним стражем: меня послал тот, чье имя мы не произносим. Тот, кто основал орден, чья кровь течет в твоих жилах, чей титул и клятву ты несешь. Я зову тебя за край мира – в Тирион, на Кровавый Плач, ибо есть тайны, касающиеся повелителя ночи, нашего древнего и бессмертного врага, и тебе следует узнать их, прежде чем башни Ахерона поднимутся из моря. Не ходи ни в Виндьямар, ни

куда-либо еще, но немедленно явись по моему повелению».

И она выпустила из когтей светильник. Он полетел вниз падачей звездой, и пламя казалось серебряным и не двигалось, не дышало, не мерцало, в то время как его материальная оболочка кувыркалась и падала. Гален попытался поймать звезду, но она обожгла ему руку, выскользнула из пальцев, и свет исчез.

Внизу из моря с ревом поднялись сияющие рыцари, погрязшие в скверне, и темные ухмыляющиеся твари. За ними надвигались гигантские фигуры с глазами, как лампы, и длинными, словно башни, руками. Морская вода потоками стекала с них. Вот они достигли камней у подножия стены...

А сигнальный колокол все звонил и звонил...

III

Дедушка прислал ему в подарок из своей библиотеки маленькую старую книгу, которую Гален начал читать еще ребенком. Сделана она была из выделанной вручную кожи, а на обложке красовался герб: крылатые кони, танцующие на скрещенных ключах. Гален помнил стих, написанный на странице, разрисованной переплетенными фигурками фей и русалок, одноглазых великанов и крылатых коней. Старые буквы потускнели от времени, а заглавная пряталась в зави-

тушках, так что маленький Гален никак не мог ее угадать.

Если колокол морей прозвонит лишь раз —
Всадник явится один, ужас мертвых глаз;
Горе, если дважды он прозвонить готов —
Встанут великаны пламени и льдов;
Три удара над волной прозевать нельзя —
На него слетят с небес бурные князья;
Прозвонит четвертый раз первых трех страшней —
Скачет из моря табун моровых коней;
Пятый сэлки приведет, ненависть – шестой,
На седьмой и на восьмой выйдут смерть с судьбой.
Если ж прогудит набат целых девять раз,
Скорее Спящих разбуди,
Их мирам – всем девяти —
Настал последний час!

Гален так и не выяснил, есть ли у старинного стиха продолжение.

Когда отец застал Галена тайком читающим это под одеялом, подсвечивая себе скаутским фонариком, он вырвал книгу у сына из рук и долго его порол, пока громкие протесты мальчика не перешли в слезы. Потом он унес книгу – наверное, чтобы выбросить на помойку.

IV

– Сколько раз звонил морской колокол? – мягко спросил дедушка Лемюэль. Гален резко открыл глаза.

– Много.

– Больше девяти?

– Дед, это продолжалось всю ночь. Колокол звонил непрерывно.

В глазах у юноши металась тревога. Он оглядел гостиную, словно искал поддержки. Высокие стропила, толстые дубовые стены, пол из плотно пригнанных каменных плит, покрытый сотканными вручную потускневшими восточными коврами. Высокие окна на одной стороне были открыты, чтоб впустить соленый запах моря. Бормотание волн у скалы внизу служило фоном для остальных звуков ночи.

Снаружи, за поросшими сорной травой садами, Гален различал камни и трещины небольшой стены – там была выходящая на залив дамба. В реальной жизни она, разумеется, гораздо меньше и заросла мхом. Гален внезапно почувствовал острое желание начать ремонтировать ее, о чем давно говорил дедушка.

– Дед, – произнес Гален, – кажется, мне страшно. Что нам делать?

Дедушка Лемюэль вытащил старую трубку и привстал, по-

тянувшись за кисетом на каминной полке.

– Тебе кажется? Про себя я точно знаю. Но немного страха – это как ветер для цветов, понимаешь? От ветра цветы на мгновение склоняются. Ветер проходит. Цветы снова выпрямляются.

– Сейчас не время для твоих присказок. Разве нам не следует что-то предпринять?

Гален понимал: старик хочет, чтоб он ушел. Дед знал, что внук не выносит запаха табака. Юноша неохотно поднялся на ноги.

Дедушка Лемюэль спокойно улыбнулся.

– Во-первых, возвращайся в постель. Я отправлюсь спать в покои сновидений. Сегодня мне приснится Виндьямар. Мне приснятся три прекрасные королевы, чей долг охранять великий колокол, как наш долг – охранять рог. Таким образом я выясню, звонил ли он по истинной причине. В увиденном тобою знаке есть нечто странное.

Гален мрачно произнес:

– Ты мне не веришь. Но посмотри на это...

И он протянул свою левую руку. На ладони был крохотный ожог.

– Нас вызвали в Тирион. Это отметина от звездной лампы, которой я коснулся. Основатель в Тирионе.

Лемюэль тщательно оглядел отметину на ладони юноши. Он взял с каминной полки свечу и поднес ее поближе, пристально вглядываясь. Хотя воздух в комнате был неподви-

жен, пламя замерцало.

Лемюэль медленно кивнул.

– Она волшебная. Только кровь Эвернесса способна пересечь подобные барьеры и позволить пламени из сна оставить ожог наяву. Что бы там ни было в твоём сне, Ворон действительно прилетел от основателя. – Он выпрямился и покачал головой. – Но это ничего не меняет, парень. Мы отвечаем не на всякий призыв, доходящий до нас из ночного мира.

– Но, дедушка!..

Выражение приятного возбуждения исчезло с лица дедушки Лемюэля.

– Мы не следуем голосам ночного мира. Черная морская птица может оказаться сэлки в шкуре чайки. Да, светильник, которого ты коснулся, несомненно, сделан основателем. И что из этого?

– Как «что»? Основатель позвал меня в Тирион.

– Нет. Он звал меня. А я не пойду. И основатель не живет в Тирионе – он висит в клетке во мраке за краем мира. Он нарушил клятву. – Лемюэль указал мундштуком на девиз, высеченный на камнях над каминной полкой. – Возможно, он был неверен. Или всего лишь нетерпелив.

Гален понял намек и неохотно поплелся прочь. Но у дверей он обернулся. В глазах его сверкал юный мятежный дух.

– Где лежит рог, дедушка Лемюэль? Тебе не кажется, что мне пора знать?

– Терпение, тебе еще не пора.

– Что, если ты не вернешься? Кто останется, чтобы протрубить в рог?

– Ты еще не страж. А теперь отправляйся спать. Но не отвечай на зов черного поморника. Не мечтай о Тирионе. Вспомни младший ключ и ступай через ворота Малых снов в какие-нибудь приятные края. Может, в Кокэйн? Луйлеккерланд? Шларраффенланд?

Гален выпрямился. На лице его ясно читалась уязвленная гордость.

– Шларраффенланд? Это для малявок! Дедушка Лемюэль, я побывал в местах, какие ни одному стражу не снились. Я видел деревья Аркадии и рощи в тени темнейшей башни, я ступал по вершинам Зиммиамвии и пил из вечных водопадов Аттербола, чьи фонтаны бьют у моря! Я величайший сновидец, какого рождала эта семья, и ты это знаешь! Я не боюсь теней мертвых. Я могу отправиться в Тирион и вернуться невредимым. Зов предназначался мне!

Дедушка Лемюэль ответил ласково:

– Ты способный. Но несмотря на все твое хвастовство, ты еще очень молод, Гален. И тебе известно, что так же, как наука описывает физические законы, волшебные сказки отражают законы сновидений. И ни одному герою, ни в одной сказке не удалось пропустить мимо ушей дедушкино предостережение и уйти безнаказанным. Не ходи в Тирион. Не разговаривай с основателем. Тебе ясно?

И он прикурил трубку от свечи, которую держал в руке.

Гален отступил к двери, дерзко щелкнув фонариком, и с топотом поднялся по лестнице, бормоча себе под нос.

Дедушкина улыбка погасла, стоило Галену выйти из комнаты.

– Далеко лететь завтра ночью... – прошептал он и устался на резное изображение крылатой лошади. – И опасно. Придет ли ко мне сон-лошадка, когда прозвонит колокол? Сегодня в Виндьямар. Но куда завтра?..

Взгляд его пересек комнату и задержался на портрете мужчины с суровыми глазами, держащего череп на коленях.

– Станешь ли разговаривать со мной на этот раз, старый друг? И отпустишь ли назад? За краем мира так холодно, а я так стар...

Он выбил пепел из трубки о каминную полку. Настроение курить пропало. Думы его были мрачны.

– Предположим, на этот раз ты не отпустишь меня сквозь мглу назад к солнечному свету. Если я не проснусь, кто останется? Один перепуганный мальчик?

V

Гален, шумно поднимавшийся по лестнице, знал о привычке дедушки Лемюэля разговаривать с самим собой. Погасив фонарик, он быстро и тихо прокрался обратно вниз по

ступеням. Он присел на корточки в коридоре рядом с дверью в гостиную и как раз услышал последнюю реплику дедушки Лемюэля.

Позже, лежа без сна в кровати и наблюдая, как лунный свет играет тенями ветвей на потолке, Гален пришел к твердому решению.

«Первый из хранителей до сих пор несет наказание за нарушение долга, – подумал юноша. – Но дед все-таки собирается поговорить с ним. Он идет на такой риск. Когда я учился в шестом классе, это стоило ему комы. Я помню, как доктор называл это: кома».

Он фыркнул про себя. К нынешним врачам он не испытывал ничего, кроме презрения.

«Зов первого стража предназначался мне. Мне. Сон-лошадки приходят каждый раз, когда я зову, но к деду они приходили всего три раза. Может, он вообще не сумеет попасть в Тирион. А если я двинусь сейчас и справлюсь с опасностью самостоятельно, завтра ему не понадобится лететь».

Мысленным взором он нарисовал круг, чтобы выстроить башню времени, которую дедушка Лемюэль научил удерживать в сознании. Он вычертил четыре крыла, поместив в них определенные фазы луны, элементы и времена года. Вокруг он воздвиг статуи и символы, сады и гавани, переходы и стены – все со своим собственным именем и тайным значением. Через несколько минут воображаемое здание встало вокруг него так же реально, как и то, в котором он находился.

Он прошептал второе скрытое имя Морфея и шагнул в это здание, покинув свое тело на кровати, в которой спал. Он вышел через дверь, представлявшую нынешнюю фазу луны и время года.

В воображаемой садовой беседке пылал чистым белым огнем факел из стеблей нартекса. Воображаемый гриф на настесе терзал кусочек красной печени. Одна из арок беседки вела к лестнице, уходившей вверх к огромной черной дамбе на востоке. На стенах по обеим сторонам от арки пылали серебряные буквы заклинания для призыва сон-лошадки из глубоких сновидений.

Он взглянул на эти слова, гадая, произносить их или нет. Даже теперь он спал всего лишь наполовину: он ощущал тяжесть конечностей, смутно чувствовал подушки и простыни, подобные маленькой горной стране складок и морщин. Дедушка Лемюэль учил его никогда не призывать даже малые силы ночи, если никто не стоит рядом, чтобы разбудить в случае опасности.

А сон-лошадка – не самая малая сила.

– Если я не вернусь к утру, дед заметит, – попытался сказать себе Гален.

Прежде чем заснуть окончательно, позабыв о своем дремлющем теле, и полностью окунуться в сновидение, он успел подумать только одно: «Я не перепуганный мальчик».

ГЛАВА 2

ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ

I

Муж и жена сидели, освещенные солнцем. Он сидел на кровати и держал ее руки в своих. Она откинулась на подушки, глаза ее смотрели, как всегда, ясно и весело. Массивный, с густыми черными бровями и раздвоенной черной бородой, он казался громоздким по сравнению с ней, миниатюрной и изящной. Выражение ее лица все время менялось: она то улыбалась, то моргала, то задумчиво надувала губки, то стреляла туда-сюда любопытными глазами. Волосы у нее были длинные и очень темные, а глаза – синие-синие.

– Мне так грустно! – жизнерадостно воскликнула она.

Голос у нее был звонкий, как говорливый ручеек. Тем, кто слышал его, становилось легче.

– И что же так огорчает мою женушку?

Он попытался улыбнуться, но в голосе затаилась печаль. Он говорил с сильным акцентом.

– Похоже, из мира уходят все сказки. Пересыхают! – Она вскинула ладошки с растопыренными пальчиками и пожалала

плечами, обозначая это таинственное исчезновение. – Никто их больше не слушает и не рассказывает. Просто смотрят телевизор. Папа называет его «дурацкий ящик». Не знаю, оттого ли, что там показывают глупости вроде «Спасателей Малибу», или потому, что его смотрят только дураки... Хотя мамы иногда читают детям книжки перед сном.

Она вздохнула и внезапно сделалась очень сонной. Веки опустились. Оживление покинуло ее, словно погасили свет.

Он подался вперед с побелевшим от страха лицом и коснулся ее лба тыльной стороной ладони.

Венди? – шепнул он.

Глаза у Венди открылись.

– Расскажи мне сказку, – попросила она.

– Да какой из меня рассказчик, женушка. Я знаю только историю моего отца, я рассказал ее тебе давным-давно, когда мы были помолвлены. В ночь на озере, помнишь?

Она вздохнула и поглубже устроилась в подушках.

– Я сказала, что выйду за тебя, потому что ты – единственный из знакомых мне людей, кто побывал в волшебной сказке. Такая классная идея. Я страшно рада, что сделала это.

– Ты сделала? Это я сделал тебе предложение, женушка.

– Ну да, ты долго ходил вокруг да около! – Она восторженно рассмеялась, а затем сказала: – Расскажи еще раз.

– Ладно. Отец жил в Кавказских горах и ненавидел русское правительство лютой ненавистью...

– Нет, нет, нет! Не так! Она начинается со слов: «Я Вран

Вранович, что на твоём языке означает "Ворон, – 23-сын Ворона". Вот история о том, как я получил это имя».

– Ха! Кто рассказывает, ты или я? А теперь угомонись и дай мне говорить. Я Вран Вранович. На твоём языке я зовусь Ворон, сын Ворона. Это история о том, как я получил это имя.

– Почти правильно, – снизошла она. – Дальше говорится: «Мой отец излазал все горы, побывал в местах, куда и горные козлы не забираются, и его слава охотника и следопыта была такова, что... »

– Уймись уже. Когда правительственным чиновникам потребовался проводник, они пришли к моему отцу. Они предложили ему бумажные рубли, не имевшие ценности, поскольку не обеспечивались золотом, и показали приказ от правительства Грузинской ССР, который тоже не имел силы, но поддерживался ружьями и солдатами тбилисского гарнизона. За себя он не боялся. Он боялся за меня. Потому что я отнял жизнь у матери, входя в этот мир, а докторов, чтобы спасти ее, рядом не оказалось – мать была грузинка, а не русская, не имела друзей в столице и не могла получить помощь государственного врача. А я тогда был всего лишь младенцем в колыбели и никогда не видел зеленой травы. Ведь я родился зимой, а весна еще не настала.

– Обожаю эту часть.

– Тихо. Отец боялся, что власти сожгут деревню, если он откажется вести экспедицию на склоны Казбека. Он знал ме-

сто, куда они стремились попасть, хотя оно не было обозначено ни на одной из их карт. Но он спросил их, почему они не могут подождать до весны. Разве они не помнят, как русская зима совсем недавно разбила вторжение гитлеровских армий? Но нет, они требовали провести их к месту, указанному на их картах. Главный ученый экспедиции сказал, что они должны идти, поскольку такова воля советского народа, и только предатель станет чинить препятствия. Тогда отец ответил, что не может оставить малыша одного, поскольку молоко для ребенка он добывал у диких волчиц, которых ловил в снегах...

– Для тебя! Готова спорить, ты был очарователен. Но ты пропустил кусок. «Зима была такая холодная, что коровы давали лед, и птичьи песни замерзали в воздухе и оттаяли только весной, когда все их ноты выплеснулись на зеленую землю...»

– Нет, это из другой сказки. Ну, так вот. Экспедиция шла много дней, снег слепил, запасы таяли...

– Погоди. Правительственный ученый заставил отца взять тебя с собой. Отец посадил тебя в мешок из волчьей шкуры и привязал себе на спину.

– Да, это тоже.

– И ты забыл рассказать, как они все смеялись над твоим отцом из-за того, что тот взял лук и стрелы, а не их ружья, и как потом ружья замерзли.

– Это еще впереди. На чем я остановился? В небе не было

ничего, кроме одинокого черного грифа, и вокруг – лишь ледяные скалы и горные пропасти. Отец указал на черного грифа...

– Ты кое-что забыл.

– Да-да. Глупый ученый думал, что мы заблудились, и солдат угрожал убить отца. Так? Хорошо. Слушай: отец указал на черного грифа и сказал, что им надо просто следовать за птицей, и тогда они найдут то, что уже нашла птица посреди пустых гор. Он повел их туда, где к горе был прикован обнаженный человек. Он был высокий, выше церковной колокольни. На цепях из черного железа лежал иней, а от громадной раны в боку по всей скале, на которой он висел, веером расходились красные льдинки. Лицо его было спокойно и мрачно, как у статуи короля, но при этом исполнено страдания, как у святого на иконе. «Что вы видите?» – спросил мой отец. Ибо он знал, что русские не похожи на нас, уроженцев Грузии, и не способны видеть то, что находится у них прямо под носом. «Я вижу лед», – сказал один солдат. «Я вижу скалу», – сказал другой. «Что вы слышите?» – спросил мой отец. «Я не слышу ничего, кроме ветра», – сказал один солдат. «Я слышу, как скулит твой щенок!» – рявкнул другой. А ученый взглянул наверх и сказал: «Я слышу могучий низкий голос. Он просит нас застрелить грифа, который мучает его». Но ружья у солдат замерзли, и они не могли подстрелить большого черного грифа.

– Но твой отец застрелил его из лука! – радостно проше-

бетала Венди.

Ворон кивнул.

– Именно. Громадная птица падала вниз, а могучий голос сказал отцу, что птица оживет снова, как только взойдет солнце, но на сегодня пытка закончена. И поскольку это сделал отец, он может просить любой мудрости мира.

– Но ученый заставил его спросить...

– Да, да. Ученый заставил моего отца говорить с титаном. «У американцев есть бомба, которую они сделали путем расщепления атома. Этот огонь слишком опасный, чтобы им мог управлять кто-либо из смертных, кроме членов Верховного Совета». Вот что заставил его сказать ученый.

– И про ракеты.

– Да. «Американцы забрали немецких ученых-ракетчиков из Пеннемюнде. И они узнают тайну небесного огня. То есть узнают, как построить большую ракету, больше "Фау-один" и "Фау-два". Мы должны запустить спутник раньше американцев, чтобы показать всему миру мощь советской науки. Так повелел наш великий вождь Сталин».

Ворон приостановился.

– Ты не слишком устала для этой истории? Мне уже почти пора.

Он взглянул на часы и нахмурился.

– Что было дальше?

– Гигант взглянул на отца мудрыми и печальными глазами и сказал: «Сын гор, я расскажу этим людям, поработив-

шим тебя, обо всем, о чем ты у меня спросил. Но мое сердце ненавидит любое рабство, ибо человек не создан для него. Ты знаешь, что это правда. Существа, созданные служить – домашний скот и птица, – они пресмыкаются на земле, никогда не поднимая глаз к небу, они не тоскуют о свободе. Свободы желает лишь человек. Я открою тебе тайну, неведомую остальным, если ты пообещаешь никому ее не выдавать, даже собственному сыну. Из этих гор есть выход на другую сторону, мимо всех дозоров, через стены и мимо караульных постов – в земли свободы на западе. Я покажу тебе эту дорогу, если ты пообещаешь тут же ступить на нее и уйти». «Чем мне отплатить тебе, старейший праотец?» – спросил отец. «Чтобы стать свободным, ты должен отринуть страх. Ни ты, ни твой сын больше никогда не изведаете страха. Чтобы начать жизнь заново, ты должен отказаться от своего старого имени. Ты можешь назваться Вороном, ибо он – мудрая птица и ему ведомы границы между жизнью и смертью. А если кто-нибудь спросит тебя, как ты пробрался через непроходимые горы мимо дозоров и заграждений, ты можешь отвечать, что улетел подобно ворону». И это все, что отец рассказывал мне о том, как мы попали в эту страну. Я никогда не узнал правды. Я понимаю, что он не стал бы называть ребенка имен тех, кто помог ему тайно выбраться. Лишь полное молчание сохранит этот путь открытым для других. Отец повторял, что улетел подобно ворону из земли, занятой смертью и трупами.

II

Ворон помолчал минуту и снова взял в свои ладони руки жены.

– А потом я встретил тебя и влюбился, моя прекрасная странная маленькая Венди.

– Хочешь еще раз услышать мою историю? Ту, которую я рассказала, когда ты сделал предложение? Она тоже про полет. Мне раньше снились полеты, и я недоумевала, почему наяву я никогда не могу вспомнить, как это делается. Когда мне было девять лет, я заболела и не пошла в школу, играла дома с одной из маминых кошек. И вдруг я вспомнила: просто надо встать на одну ногу, то есть на обе одновременно, но так, чтобы каждая нога думала, будто на земле стоит другая. Я выпорхнула из окна и полетела к школе, и никто меня не видел, как бы громко я ни кричала. Помню, я жалела, что не прихватила с собой ничего, чем можно бросаться в ребят на школьном дворе. Даже бабушка меня не заметила, когда я на обратном пути летела мимо кухонного окна. Я спустилась, чтоб рассказать обо всем бабушке, но она дала мне куриный бульон и велела идти обратно в кровать. Когда я поправилась, то попробовала снова. Но у меня больше не получалось. Однажды в колледже, в спортзале, я испытала

ла похожее плывущее состояние. Возможно, это оно и было. Но мне никто никогда не верил. Мне говорили, что я выдумываю, хотя я совершенно отчетливо все помнила. Почему люди так говорят? Только потому, что никогда не испытали ничего подобного. Они делают вид, будто этого не могло произойти со мной, потому что этого никогда не случилось с ними! Взрослые забывают большую часть того, какво быть ребенком. Почему нельзя оставаться одновременно и ребенком, и взрослым, беря лучшее от обоих? Дети не боятся умирать. Они ничего не боятся, кроме чудовищ. А взрослые не боятся чудовищ. Понимаешь?

– Да, милая. Понимаю, – кивнул Ворон.

– Я как раз сегодня вспоминала, как летала над школьной площадкой. Потому что это приснилось мне прошлой ночью. Я летела вдоль маршрута школьного автобуса, чтобы не заблудиться (так и было на самом деле), но на обратном пути (это мне приснилось) я увидела пони, стоящего на облаке и поедающего облачную мякоть, словно траву. Я знаю, как едят лошади. Странное дело: мне кажется, я самом деле видела таких лошадок возле моего окна, когда засыпала.

Ворон выпрямился.

– Ты раньше об этом не рассказывала.

– Наверное, только что вспомнила. Но другая часть была сном. Слушай. Лошадка была белая, как звездный свет, а глаза как звезды. Я спросила пони: как получилось, что я никогда не видела его раньше? А он ответил, что его народ

создан из звездного вещества и им заказано появляться при солнечном свете так же, как и ночному небу. «Ты видела меня миллион раз, – сказал он, – только каждый день, когда ты возвращаешься в мир яви, мгла Эвернесса заставляет нашу дружбу рассеиваться, словно сон, и я не могу следовать за тобой. Но на востоке есть дом... »

III

В эту минуту вошла медсестра, чтобы дать Венди лекарства, а при посторонних Венди не хотела рассказывать секрет. Медсестра мягко напомнила Ворону, что время посещения истекло и что его голос, даже при закрытых дверях, может беспокоить других пациентов отделения для неизлечимых больных.

От лекарств Венди потянуло в сон.

– Я вспоминаю разные странные вещи из прошлого, о которых раньше забывала, – проговорила она. – И такие занятные сны!

Ворон наклонился поцеловать ее на прощание, но шепнул:

– Я нашел одно не закрывающееся окно и сегодня проберусь обратно. Им не удержать меня вдали от тебя, моя маленькая...

– Не печалься, – чуть слышно откликнулась она. – У меня есть ощущение, что я, возможно, отправляюсь в лучшее место. Иногда в полусне я вижу его у себя в голове. Оно словно теплый свет. Если я могу выносить это, то ты можешь и по-прежнему, ты большой мальчик. Перестань волноваться! Или я тоже разволнуюсь.

И Ворон яростно обнял жену, боясь оторвать лицо от ее щеки. Ему было стыдно показать ей свои слезы.

IV

Той же ночью Ворон вернулся в больницу тайными путями. В реанимационном отсеке царила суматоха и оживление, бегали сестры. Никто не помешал ему, когда он прокрался к палате жены, сгорбившись под длинным белым халатом, который заранее стащил в прачечной. Под халатом он прятал красную розу в прозрачном пластиковом кульке.

Он думал о том, как ненавидит запах дезинфекции, мертвенный свет неоновых ламп и звукоизоляцию на потолке. Здесь неуютно. Это не дом. Женщине не следует лежать здесь и умирать вдали от дома, а ее муж не должен прокрадываться к ней, точно вор.

Поскольку он ступал очень тихо, как научил его отец, Ворон услышал в палате жены странный тонкий голос – злове-

щий, холодный и горький.

– .. . даже если ты не ведаешь ни о своем наследии, ни о пророчестве, я знаю о них. Волшебная кровь, пусть смешанная и разбавленная, течет в твоих жилах. Ты не такая, как другие люди. Разве ты не заметила, что они не могут ни видеть, ни слышать меня?

И голос Венди, спокойный и сильный:

– Уходи! Ты злое создание. Я не хочу иметь с тобой ничего общего.

– Восемь ночей я приходил предложить тебе жизнь. Это девятая и последняя.

– Не желаю слушать. Уходи.

– Я некромант. Я могу восстановить в тебе жизнь. Ты будешь здорова и невредима, будешь петь и танцевать под солнцем. Ты родишь много детей и состаришься в положенный тебе срок.

– Уходи. Это то же, что убийство. Я бы не стала никого убивать, окажись я на спасательном плоту.

– Единственная цена такова: равновесие равнодушной вселенной требует, чтобы за твою жизнь было заплачено жизнью. Ты никогда не узнаешь, на кого падет этот рок. Никто из твоих родных или друзей не уйдет. Это будет незнакомец. Если ты, обреченная умереть, должна быть магией возвращена к жизни, то другой, обреченный жить, должен умереть.

– Если ты такой великий, почему не выходишь на свет, где

я могла бы тебя увидеть?

– Это зрелище не для тебя.

Ворон вцепился в косяк, в голове у него вихрем пронеслись странные мысли. Кто приходит к его жене? Для чего?

Снова даровать ей жизнь...

Он сморгнул внезапные слезы, вызванные надеждой и яростью. Он не верит в такие вещи. Бред сумасшедших!

В сознание мягко закралась мысль: а какое ему дело, если умрет какой-то незнакомец?

Ворон распахнул дверь.

Внутри была только его жена, спящая глубоким сном в затемненной комнате. Больше никого. Окна закрыты. Других выходов нет. В комнате спокойно и тихо.

Ворон осторожно приблизился к кровати, гадая, не притворяется ли она, что спит.

Он нежно коснулся щеки жены, но та не проснулась.

Ворон задумался, какова была его жизнь, пока он не встретил ее – чудеснейшую из женщин. Пустота. Он помнил, как часто погружался во мрак, как часто ему становилось тошно от одиночества, как неудачно складывались его отношения с другими женщинами. Он всегда был иностранцем, нездешним. Но он встретил это восхитительное создание (он почти верил, что она наполовину эльф), и она заставила его, чужака, почувствовать себя желанным гостем. Она дала ему дом.

– Проснись, моя Венди, – негромко произнес он. – Я при-

нес тебе розу.

Но она не проснулась. Он сложил ее руки на груди и вложил в них цветок, чтобы она нашла его, когда очнется.

Он смотрел на ее фигурку со скрещенными руками...

И тут внезапный ужас заставил его выхватить розу. Венди была бледна и не шевелилась. Он потрогал ее лоб, но не мог определить, жива ли она. Возле тумбочки находилась кнопка вызова медсестры. Ворон снова и снова давил на нее большим пальцем, звал врачей громким и хриплым голосом.

Венди заворочалась и открыла глаза.

– Что за шум?

Снаружи донесся топот и голоса, словно больные выкрикивали жалобы и вопросы.

– У тебя получилось! – радостно улыбнулась Венди. – Лучше спрячься в чулане! Кыш!

Смеясь от облегчения, Ворон запрыгнул в маленький стенной шкафчик и прикрыл дверцу, оставив щелку. Сквозь нее он в течение нескольких минут виновато наблюдал, как мечутся по палате сестры и дежурные врачи.

Прошло немало времени, пока его жена разыгрывала дурочку и задавала идиотские вопросы, улыбаясь смущению медиков. Ворон наблюдал за Венди. Она была очаровательна, она улыбалась, веселилась...

Его пронзило воспоминание о том, как она выглядела в то мгновение, когда на ее неподвижном теле лежал цветок.

Он шепнул про себя: «Дьявол или светлый дух, кто бы ты

ни был! Если она не согласна, соглашаюсь я. Убей, кого тебе надо. Я хочу, чтобы моя жена жила».

У Ворона зашевелились волосы на затылке. Внезапная уверенность, что за ним наблюдают, мешала обернуться и посмотреть.

За спиной у него холодный голос произнес:

– Да будет так.

ГЛАВА 3

ГОРОД НА КРАЮ МИРА

I

Некоторое время назад (здесь, в безвременье, нельзя измерить, долго ли, коротко ли) облаченный в блестящую серебряную кольчугу молодой человек, чьи глаза сияли, стоял с копьем в руке на темных гигантских камнях стены между миром яви и миром сна. Запрокинув голову так, что шарфы на шлеме заструились вокруг его плеч и шеи, он сильным чистым голосом посылал свою песнь к звездам:

Дочь Эвриномы, что парит В краях летучих снов, Титан мне клялся на крови, И я бросаю зов.

Как некогда он звал в беде, Так я теперь зову Те крылья, что святых высот Превыше вознесут.

Закон богов он преступил, И ты теперь мой конь. Во мне по-прежнему горит Тот яростный огонь!

Пускай навек заключена Во прах душа моя – Чиста божественно она, Бессмертна, как твоя.

Она сквозь времени поток, Сквозь сон о вечности-весне, Не уставая, помнит, *что* Зовет тебя сейчас ко мне.

Пока он пел, в глубине бескрайнего небесного сумрака родилось движение, словно падающая звезда, словно растущий на глазах яркий метеор алмазного света. Юноша увидел, что из света вырвалось вперед летучее создание, изящное и быстрое, как антилопа, гордое, как испытанный в сражениях боевой конь в расцвете сил, и при этом более утонченное, чем фавн. Его окружало сияние. Оно несло к зовущему по гребням волн из океана тьмы, попирая пенные шапки, танцуя на волнах над кругом света, и там, где свет касался воды, чернота волн на мгновение становилась изумрудной, глубокой и прозрачной.

Одно удивительное мгновение сон-лошадка мчалась вместе с неистовым прибоем, чтобы разбиться о железную стену, но в последний миг легко прыгнула и остановилась перед смеющимся юношей, окруженная сияющими брызгами. В развевающейся гриве еще путалась звездная пыль.

– Я позабыл, кто я такой, – сказал юноша, которого ослепила всемогущая красота появления сон-лошадки.

– Это одна из опасностей сновидения, от которых я поклялась оберегать тебя, любимый, – откликнулась она и на-

помнила юноше его имя. Она назвала его младшим из тех, кто верен свету. Голос ее был певучим, как ликование струн эоловой арфы. – Помни также, сын народа, происходящего от Адама и Титании, что я обязана отнести тебя, куда захочешь – к отдаленной звезде, или в миры, давно затерянные в краю бесконечной ночи, или через заводи времени к незапамятным эпохам, или дальше, в никем еще не виданные страны и сны. Садись и скажи мне, куда ты поедешь. Только за грань неподвижных звезд я не могу отнести тебя – запрещает непреложный закон.

II

Гален Уэйлок осторожно положил руку ей на гриву, и мягкость длинной шерсти звездного цвета пронзила его пальцы восторгом.

– Зачем я позвал тебя, я тоже забыл... Но я помню, что мной двигала гордость и необходимость сделать нечто, достойное мужчины.

Тут он услышал низкий удар колокола далеко за пустынными волнами и все вспомнил.

– Я должен найти дорогу в Тирион, где отбывает наказание основатель нашего ордена.

– Мы зовем его Азраилом. Он находится за краем мира,

за пределами безопасности, здравого рассудка и звездного света. Я не смею отнести тебя туда.

Но Гален не выказывал ни нетерпения, ни отчаяния. Он стоял в тихой задумчивости. Ибо он был сведущ в мудрости сновидений, а в припоминании забытых вещей заключались смысл и тайна его искусства.

Он произнес по памяти:

– Четыре крепости хранят миров покойный сон, Четвероликою луной там правит Оберон. На вечный круг в земле людей поставлен Эвернесс, Высокий дом под куполом изменчивых небес.

– На полнолуние светел, чист, встает Келебрадон, До дня суда его сыны вкушают сладкий сон; Как полумесяц, Виндьямар без пристани плывет, Свободный, крепко он хранит покой соленых вод. На новолуние на краю был создан Тирион. Кто не раскаялся, предав, – его там слышен стон.

На этом месте Гален прервался и, сурово взглянув на сонлошадку, сказал:

– Моя память создана вечной. Я припоминаю, что Азраила де Грэй держат именно в Тирионе. А поскольку серебряные башни Тириона вздымаются под луной, значит, на самом деле они находятся не за краем мира, но под звездными небесами. И смертным не заказано посещать сей город во

сне. Почему ты скрываешь это от меня? Почему утверждаешь, что Азраил в другом месте?

– Он не в Тирионе, но за его пределами – в месте, которое называется Кровавый Плач. Мне не позволено относить тебя в безымянные места. Если ты отправишься в Кровавый Плач, мне придется отстать.

– Он за краем мира? Далеко ли?

– Далеко, ибо велико расстояние между добродетелью и преступлением! Я не могу отнести тебя в такую даль.

– Тогда доставь меня в Тирион. Я взываю к твоей древней клятве. А запредельное место, называемое Кровавым Плачем, я разыщу сам.

– Там опасно, – предупредила, испуганно отпрянув, сонлошадка. – Тот, кто залетает слишком высоко или слишком низко, может заблудиться в сновидении и забыть, как вернуться в дневной мир.

– Я готов рискнуть.

Она печально опустила изящную голову.

– Тогда ты обречен. Ты собственными устами произнес это. Я могу отнести тебя в Тирион, но дальше я идти не должна.

III

Он забрался ей на спину, и со скоростью падающей звезды они ринулись вниз с великой стены. Свет окутал его, пока они поднимались в лиловый сумрак. Сквозь прорехи в посеребренных лунной облаках он видел море снов внизу, высокие волны, увенчанные пеной, пробегающие по лику глубин. Лунный свет плясал на них, словно холодное пламя, искры и отблески света мерцали по гребням волн.

Он произнес слово силы, и луна зашла за облако. Когда она показалась снова, это была новая луна – без света.

Во тьме океан казался еще бездонней под осязаемой мглой облаков внизу. Юноша двигался сквозь распахнутую ночь.

Один раз на них налетел шторм – он успокоил его именем одного из князей бури, верного Эвернессу. В другой раз за ними погнались крылатые кошмары – он использовал оберегающую руну, и его серебряный скакун оставил кошмары позади. Потом бесплотный призрак пересек ветер по звездному лучу, чтобы потревожить их, его длинные паучьи конечности мерцали, словно дым, глаза светились. Но Гален сотворил знак Воора, и тварь дрогнула, убралась в другие сферы и края сновидений.

Они прибыли туда, где из моря вздымался в заоблачную высь горный хребет. Всадник различал приглушенный огромным расстоянием рокот грома и странную музыку водопадов на краю мира.

На вершинах гор были высечены мрачные и задумчивые

узкоглазые лица. На всем протяжении горной цепи от края до края высились над облаками эти громадные темные лики. Звездный свет, тени, расстояние и туманы скрывали их черты от Галена. Он различал только блеск прищуренных огромных, словно озера, глаз, контуры угловатых скул, уши с длинными мочками, нахмуренные лбы. Одно или два лица увенчивали многобашенные короны. А может, это были крепости, то ли покинутые многие столетия назад, то ли занятые молчаливыми армиями какого-то народа, которому не требовалось ни света, ни огня.

Сон-лошадка не согласилась бы лететь за эти горы – она сказала, что на них лежит печать Оберона.

Она невесомо опустилась на лесную дорогу под сенью двух вершин. Здесь проход в форме седла сначала поднялся, а затем уходил вниз в обжитые земли на той стороне. По бокам тихонько шелестели на ночном ветру сосны, там и тут между ними виднелись обелиски и менгиры выше самих деревьев. Гален не мог припомнить, кто воздвиг эти молчаливые памятники и зачем, хотя его грызло неприятное ощущение, что когда-то он это знал.

Он пешком подошел к проходу. Единственным источником света было копье в его руке. Глубокие тени следовали за ним между скал.

На вершине перевала между двумя высокими горами Гален остановился и глянул вниз. При свете звезд он очень смутно разглядел – или подумал, что разглядел, – широкую

долину, изрезанную девятью реками. Окруженный стеной, на мостах и причалах вокруг рек раскинулся город стройных башен. На башнях пылали сигнальные огни, однако цвет их был странен, словно горело не земное дерево.

За башнями простиралось небо, ибо на краю долины мир кончался.

– Ветер! Я заклинаю тебя твоими тайными именами – Борей, Эол, Зефир, Нот, – заклинаю четырьмя ветрами, принеси мне четыре вести с этих земель!

Ибо Гален припомнил, что порой спящим открываются странные знания и тайны.

Тихий голос у него над головой произнес:

– Я слышу вопли пытаемых, их стоны, всхлипы и сдавленные рыдания. Я слышу смех и веселье праведных, и по их приветствиям и речам я знаю, что этот народ живет безбедно и добродетельно. Я слышу шепот вод, пробегающих сквозь широкие сети, и догадываюсь о причине их благоденствия. Рыбаки закидывают огромные сети из человеческих волос в устья великих водопадов, срывающихся с края мира, и течение приносит в сети все потерянные сокровища из всех кораблекрушений в мировых океанах, о которых уже не помнит ни одна земная власть. Причина добродетели здешних жителей, как я слышал, в том, что один из властителей Моммура, града Бесконечного, назначил их тюремщиками обреченных и проклятых по законам безвременья. Постоянное и публичное напоминание о сверхъестественной справедливости.

вности подвигает народ к честности и открытости.

– Расскажи мне об этих проклятых, дух, – повелел Гален.

– Метод, применяемый тирионитами для исполнения своего долга, одновременно прост и жесток. Проклятые помещены в клетки, которые слишком малы для того, чтоб заключенный мог стоять или сидеть. Клетки целиком сделаны из утыканных шипами прутьев и на длинных цепях спущены со скал за край мира. В определенное время, в зависимости от периода обращения этих маятников, клетки пролетают на пути падающей воды, низвергающейся с края девятью водопадами. Она и питает, и мучает узников, ибо, пока они пребывают в полузатопленном состоянии, некоторых рыб, несомненно падающих в потоке, привлекает кровь на шипах клетки. Рыбы подплывают, чтобы испить крови из ран и ссадин, и сами накалываются на шипы. Пленник, если ему хватает ловкости рук, может поесть рыбы. По утрам вода превращается в обжигающий пар, а по вечерам в лед.

– Как называется это место?

– Я слышал, оно называется Кровавый Плач. Гален кивнул: так он и предполагал. Сон-лошадка говорила загадками, хотя и не лгала напрямую. Кровавый Плач находился за краем мира, это правда – но на расстоянии всего лишь длины цепи.

– Заключен ли там Азраил Эвернесский?

– Что до этого, юный маг, я не могу сказать, поскольку никогда не слышал от него ни крика, ни вздоха. Может, его

там нет. А может, он просто не кричит от боли. Я ответил на четыре вопроса и сказал все. Но ты не спросил, да я и не ответил бы, какую опасность представляет край мира и что может спасти тебя, если свалишься за него.

И ветер стих.

Гален топнул ногой по камням.

– Земля! Говори! Из твоего лона вышел Адам, вышел Ясень, вышли Алалкомен и Мешия. Поведай мне теперь, что мне нужно знать об этой стране на твоём краю.

И голос, похожий на землетрясение, зашевелил почву под ногами, и путник услышал слова, отозвавшиеся дрожью в костях:

– Юный глупец, я чувствую стук копыт на моей широкой спине. Это едет рыцарь, чтоб убить тебя. Берегись! Он настагает!

При этих словах призывный перезвон тысяч сладкогласных колоколов вознесся мощной волной от города в долине, и по небу разлились красные сумерки. Внезапно небосвод за восточными башнями заполнило огромное золотое новорожденное солнце.

Громадный шар проплыл в нескольких сотнях футов над самыми высокими шпилями, и юноша видел, как их камни добела обожгло при прохождении этой гигантской сферы, а золотые лучи словно омыли утренние улицы потоками чистейшего огня.

В слепящем свете утра он увидел, что лес вокруг него

состоял вовсе не из сосен. По обе стороны раскинулось кладбище колонн, тонких обелисков и стоячих камней, и лишь немногие из них оставались голыми. Большинство были оплетены и покрыты множеством благовонных нитей и палочек, которые Гален впотьмах по ошибке принял за сосновые иглы. Огненные лучи солнца прокатывались по горной стране и поджигали ритуальные благовония, так что огромный шар вставал посреди лесного пожара священных курений. Юноша вспомнил, что это солнечные обелиски, которые притягивают мощь светила.

Со струящимися по пепельно-бледным щекам слезами, ослепленный, без плана и цели заковылял он, кашляя, вниз по дороге. Со всех сторон в дыму клубилось ревущее пламя.

Впереди на дороге среди огня внезапно возник закованный в латы рыцарь на чалом скакуне. Обжигающие блики слепящего света зари вспыхивали на его броне. Он исходил дымом и паром, и от него шел ужасный жар, будто от печи. Когда он выхватил меч, тот вспыхнул огнем. Воин был одет в красное, узоры из меди и красного золота бежали по сияющей стали его кирасы, а на рубиновом шишаке шлема развевался гордый кроваво-алый плюмаж. Лицо он скрывал, и под этим шлемом мог оказаться кто угодно. На пылающем щите рдело изображение жаворонка.

Прибывший прогремел:

– Стой! Я воин зари. Это место – запретное как для смертных, всю жизнь не ведающих о кипящей вокруг войне, так

и для слуг тьмы. Все, кто похоронен здесь, пытались пройти мимо меня.

И он повел мечом налево и направо. Насколько хватало глаз, могильные камни и памятники украшала надпись: «Убит на заре».

– Мы служим одному делу! – выкрикнул Гален. – Ибо я подданный Келебрадона, цитадели Света, и провел всю жизнь у нее на службе.

– Подданный? Подданные повинуются. Ступай назад. Ты не пройдешь.

– Мой мир в опасности, и только Азраил знает причину этого. Я приказываю тебе отойти и пропустить меня!

– Знаешь ли ты какое-нибудь имя или слова, чтобы приказывать мне? Если не знаешь, ты не властен пройти мимо меня, какие бы причины ни выдумал. Уходи, или я ударю тебя!

Дедушка наверняка знал нужные слова, но Галена им еще не обучили. Он был один.

– Ха! Ударишь меня? Меня?! Я один из стражей Эвернесса! Я владею силами, о каких ты и не догадываешься, малый дух! Я побеждал и худшие сны, чем ты!

Гален почувствовал, как от гнева и гордости покраснело лицо, а конечности задрожали от прилива энергии.

Без дальнейших препирательств красный рыцарь вонзил шпоры в бока своего чалого и, вращая дымящийся меч большими кругами над головой, устремился на дерзкого, словно

намеревался затоптать его.

Но Гален наставил копьё на противника и выкрикнул:

– Именем, данным Адамом прародителю вашей расы, – Уинрохим, Рохир, Эквус, Гиппос! Повелеваю, замри!

И конь остановился, споткнувшись, словно налетел на невидимую стену. Красный рыцарь был выброшен из седла головой вперед и рухнул кучей, но поднялся на одно колено, вскинув красный меч.

– Подлость! Какая низость! – воскликнул рыцарь. – Ты станешь сражаться копьем со мной, у которого нет равного оружия, а только меч в руке? Пощади меня лишь настолько, чтобы я мог подняться на ноги!

– Где были эти рыцарственные разговоры, когда ты собирался топтать меня конем?! – крикнул Гален. И провел длинный выпад копьем, одной рукой направляя удар, а другой усиливая его мощь, как учили.

Красный рыцарь, вставая на ноги, отбил первый и второй натиск своим дымящимся клинком, но он не мог перейти в контратаку, так как длина копья делала противника недосыгаемым.

Воин зари широкими шагами двинулся вперед, коротко и часто взмахивая мечом, а Гален стремительно колол копьем. Искры от меча падали на щепки и осколки, стесанные клинком с древка копья, но пламя еще не возгорелось. Юноша был вынужден отступать все дальше, чтобы сохранять преимущество дистанции, но отступить бесконечно он не мог,

ибо за спиной по-прежнему дымились кладбищенские камни.

Гален бил вправо, и красный рыцарь парировал мечом; бил влево, и рыцарский щит отбивал удары.

В ярости и нетерпении юный маг воззвал:

– Эскалибур! Галатин! Бальмунг! Нотханг! Я призываю проклятие четырех королей мечей на противостоящий мне клинок!

Меч красного рыцаря с громоподобным треском разлетелся вдребезги прямо у него в перчатке. Пока обломки сыпались с разбитой рукояти, Гален пробил защиту рыцаря справа и поразил его в горло.

Воротник рыцарских лат лопнул, сияющий наконечник Галенова копья пронзил кольчужный капюшон. У воина хлынула горлом кровь, и он рухнул ничком.

– Трусливый и подлый удар, недостойный рыцаря! Знай же, что я – сын стража Тириона. Мой род восходит к Юдхиштхире, справедливейшему из людей, сыну космического закона. Я призываю этот закон исполнить мое предсмертное проклятие, которое не коснулось бы тебя, поведи ты себя благородно: ты заплатишься жизнью еще до заката этого дня!

Но голос исходил не из тела красного рыцаря, неподвижно распростертого лицом вниз в расползающейся луже крови, но из точки в воздухе над ним.

Гален стоял над трупом, промокая лицо ламбрекеном.

– Я не убоюсь твоего проклятия, призрак, ибо мне ведомо искусство изгнания теней...

Но голос его прозвучал менее уверенно, чем ему бы хотелось.

Он выполнил ритуалы упокоения призрака: вылил вино, положил в рот трупку нужную травку, монеты на глаза и завалил тело большими камнями, дабы ограничить его передвижения. На кладбище хватало камней, разбитых крестов, фрагментов чаш и прочего, подходящего для этой цели.

Уже прошла половина утра, и Гален различал вдалеке облаченных в тончайший шелк жителей Тириона, высыпавших на улицы в широкополых шляпах, с зонтами от солнца в руках.

К полудню солнце съежилось, уйдя далеко на запад, и теперь плыло маленьким мутным пятнышком среди нагромождения облаков. Гален проехал через внешние пригороды и добрался до городских ворот.

Горожане в это прохладное время облачились в длинные плащи, а женщины, направляющиеся к фонтанам с высокими кувшинами на головах, прятали ноги под длинными струящимися многоцветными юбками.

Одна дама вежливо предложила Галену напиток из ее кувшина. Он так и сделал, потом намочил шарф и протер латы от дыма и копоти. Негромко рассмеявшись, женщина посоветовала ему не попадаться под Руку силам рассвета.

Ее слова показали Галену зловещими.

– А как насчет заката?

Она снова улыбнулась и покачала головой.

– Ни один житель Тириона никогда не видел сумерек, ибо вечер здесь переходит в ночь совершенно неувливаемо. Перед тобой Полуденные врата с оком столь же ярким, что и око дня. Сможешь ли ты пройти через них живым, еще предстоит узнать. Но заката ты не увидишь!

И она указала на ворота неподалеку, которые Гален хмуро оглядел. Стража отсутствовала, но и арка и столбы дышали магией.

Гален обернулся, чтобы задать женщине очередной вопрос, но та исчезла, словно сон.

Левая колонна у ворот была белая, правая – черная, а на замковом камне арки начертан ведический глаз. Остальные камни отображали пять символов пятерых панданов. Гален попытался пройти сквозь ворота, но обнаружил, что не может этого сделать, ибо враждебная воля, излучаемая ведическим глазом, не пускала его.

Младший Уэйлок не был новичком в искусстве сновидения. Он повернулся и проделал обратно весь путь до того места, где лежал труп красного рыцаря. На раскопки ушел час. При приближении убийцы из ран на трупе хлынула свежая кровь. С некоторым трудом юноша снял с мертвеца красный плащ, снова провел все церемонии и совершил захоронение в точности как утром.

Затем юноша скинул собственный плащ (глубокого сереб-

ристо-серого оттенка, с меховым воротником) и скатал его. Он взял красный плащ и завернулся в него, скрыв лицо под капюшоном. Пятна крови не бросались в глаза среди алых, красных и красновато-коричневых переливов ткани.

Он проделал все мили обратно. На сей раз ворота удалось миновать без труда.

Гален шагал среди высоких зданий, музеев, залов и соборов внутренних кварталов Тириона. Уже близился вечер, и клонящееся к западу солнце казалось мутной точкой, чуть более яркой звездой среди множества других, уже начавших появляться на обретающей глубину темной синеве небосвода. Падал снег, и по мере приближения вечера складывалось впечатление, что дел у жителей Тириона совсем немного.

Гален видел мальчишек в меховых шапках, собиравшихся покататься на коньках по замерзшим общественным фонтанам, молодежь постарше, едущую в золоченых каретах и санных на бал или какое-то торжество, что угадывалось по свету свечей в огромных окнах. Все мужчины облачились в длинные черные тяжелые плащи и высокие шляпы, женщины кутались в меха, прятали нежные ручки в муфты, а их смеющиеся лица, румяные от холода и веселья, скрывались под тенью глубоких меховых капюшонов. Прекрасные лица казались юноше легкими тенями, он улавливал лишь намек на улыбку или блеск ярких веселых глаз, выхваченные светом разноцветных фонарей в руках факельщиков, сопровождавших дам на свидания.

Чем дальше он шел, тем больше свечей появлялось в бесчисленных дымчатых окнах тесно стоящих зданий. Но постепенно он забрел в район, где дома были особенно высокие и очень темные, музеи пустовали, а храмы стояли запертые и покинутые.

Чем больше сгущались сумерки, тем холоднее становилось. Гален избавился от красного плаща на ступенях пустующего храма и надел свой теплый серебристо-серый плащ.

Величественные улицы, по которым он шел, производили мрачное впечатление. Огромные изваяния стояли на пустых площадях или маячили на высоких пьедесталах в покинутых дворах. Их грозные лица походили на высеченные в скалах по ту сторону гор: глаза узкие, скулы высокие, странные длинные мочки ушей. Попадалось все больше фигур в боевых позах, с мечом и щитом, или вскинувших руку, и все они смотрели туда же, куда и направлявшийся к краю мира Гален.

Он миновал вереницу исполненных мрачной решимости статуй, венчавших ряд колонн в конце проспекта. Налево и направо, слабо различимые в свете звезд, вставали высокие черные каменные фигуры со вскинутыми руками и оружием. Все они смотрели наружу, во мрак.

Гален прошел несколько футов по темному мосту между двумя колоннами и тут сообразил, что это не мост, а причал, выдающийся в пустоту и обрывающийся без намека на бортик или перила.

Он сделал еще шаг вперед.

В сердце Галена вполз ужас, и юноша замер. Он осторожно посмотрел налево и направо, ища источник страха. Затем обернулся.

Позади него среди статуй обозначилась неподвижная тень в плаще с капюшоном. Капюшон смотрел на Галена. Юный маг медленно поднял сияющее звездным светом копьё.

Фигура по-прежнему не двигалась. Гален осторожно приближался, шаг за шагом. Свет от наконечника копья упал на ткань плаща, в который завернулось существо.

Это был тот самый заляпанный кровью плащ, который он снял с трупа красного рыцаря.

И вот из-под капюшона раздался негромкий голос. Гален не смог определить, принадлежал он мужчине или женщине.

– Я вижу все в мире суда так же, как ты видишь все в мире сновидений, и ты не можешь скрыть от меня свои преступления, как я не могу скрыть от тебя свои сны.

– Кто ты? – спросил Гален. Голос ответил:

– Мой народ назначен следить за тем, чтоб никто не проник в мир с коварных берегов Настроила, так же как Эвернесс поставлен, чтобы не пропустить вторжение из кошмарного Ахерона. Однако наша раса была здесь до того, как возник город Тирион, ибо это место создано для содержания одного-единственного предателя, проклятого самим Обероном. Всех последующих заключенных отдавали нам только потому, что тюрьма уже существовала. Первый узник тоже

из дома Эвернесса. Тоже предатель.

– Я не предатель, – сказал Гален.

– Будь моя воля, эти каменные статуи ожили бы и разорвали тебя на части. Однако я не стану препятствовать тебе. Ты идешь навстречу судьбе гораздо худшей, чем любая, на какую способно обречь тебя мое правосудие. Иди! Все, что ты сделал, вернется к тебе, и в охраняемое тобой место вторгнется некто в твоём плаще, как ты, надев плащ моего сына, вошел ко мне.

Пустой плащ опал на землю. Может, под ним никогда никого и не было.

– погоди! – крикнул Гален. – Страж Тириона, послушай меня! Я сражался только потому, что на меня напали! Я пришел сюда только потому, что меня призвали! Я верен делу Света!

Он взывал к пустоте. Он посмотрел налево и направо, но ничего не увидел. Ткнул плащ концом копья, но ничего не произошло, голос не зазвучал.

Юноша произнес заклинание, которым его научили смягчать проклятия. Слова слетели с его губ глухо и медленно, и он не знал, подействовали ли они. Следует ли продолжать путь? Причины для задержки вроде бы отсутствовали. Он неуверенно пошел обратно по каменному мосту.

Там, где край моста обрывался в пустоту, три с лишним дюжины колец, каждое по двенадцать футов в диаметре, удерживали огромные звенья. Галену не доводилось ви-

деть такого ни во сне, ни наяву – во тьму дугой уходили гигантские цепи, блестящие в звездном свете. Из центрального кольца ныряла вниз дальше всех остальных самая толстая и прямая цепь.

Сам того не заметив, Гален миновал береговые скалы и оказался за краем мира: полумост нависал над бездной. Под ногами был только воздух.

Недобрый знак. Когда он вышел за край мира – когда страж Тириона проклял его? Или раньше? Дурное место. Вещи здесь, в нескольких футах за границей мира, не связаны мирскими законами. Престолы и власти, к которым он обращался, теперь слишком далеко, чтобы услышать его, а простые предметы могут не откликнуться на свои истинные имена. Его молитва, призванная отклонить проклятия, рискует оказаться бессмысленной.

И все же нет причин ждать.

Он опустился на колени на краю причала, затем поставил ноги на громадные звенья длинной центральной цепи и перекинул тело через кромку мира.

V

Крутой спуск не отпечатался в памяти. В следующий момент Гален обнаружил, что стоит, балансируя, словно кана-

тоходец, на звеньях гигантской цепи, ведущей к утопленному в нагромождении ледяных сталактитов замерзшего водопада кольцу. С этого кольца, оплетенная сосульками и наполовину погруженная в толстый лед, свисала жуткая клетка — сплошь из лезвий и шипов.

С обеих сторон и высоко над ней неподвижно и безмолвно висели в пустоте или застыли и вмерзли в лед железные клетки других не прощенных. Девять широких ледяных дорог сбегали с титанических скал, где оказался Гален. Место напоминало обнимающий бездну залив, ибо слева и справа юноша различал громадные, больше гор, утесы и вздымающиеся в пустоту скалистые пики, которые были испещрены мелкими уступами и расселинами. На них из занесенных ветром семян проросла жесткая трава и одинокие деревца.

Под ногами плыли несколько одиноких облаков, мерцала россыпь звезд, а дальше внизу простиралась бесконечная темнота.

Однако ближе находились окровавленные клетки, и стоял он на самой длинной цепи самой нижней из всех. Вечерние морозы застigli ее в высшей точке амплитуды и погрузили в стену водопада.

Вода еще сочилась со льдин, капая на скорчившуюся внутри клетки черную фигуру. Одна капля громко шлепнулась на склоненную голову, узник зашевелился и поднял голову. Он перегнулся пополам в клетке, которая не позволяла ему выпрямиться.

Сквозь спутанные пряди волос смотрели темные и властные глаза, запавшие от долгих страданий. Ястребиный нос, жестокий и твердый рот – горькое, суровое и безжалостное лицо. Тело узника прикрывали жалкие отрепья некогда парадного одеяния, словно его арестовали посреди праздника и не позволили переодеться. Кожа, иссеченная множеством шрамов и колотых ран, почернела от обморожений и уродливых ожогов.

– Я Азраил де Грэй Уэйлок, – произнес человек мрачно и негромко. И, протянув руку сквозь прутья, наложил ладонь на цепь. – Ты, посмевший прервать мои размышления, знай: стоит мне пожелать, и движение моей ладони опрокинет тебя в бездонный мрак за пределами сновидений. И твое тело никогда не проснется. А теперь говори и убеди меня удерживать мою руку в неподвижности.

По его кисти и предплечью текла кровь: он ободрал плоть о крючья и железные когти своей тюрьмы.

Гален округлившимися глазами смотрел, как капли крови улетают вниз, прочь из глаз в бескрайнюю тьму под ногами, где, возможно, превращаются в лед, а может быть, падают вечно.

Юношу заполнил холодный ужас. Он понимал: того, что он сейчас сделает, уже не исправить.

ГЛАВА 4

СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ

I

– Ступай впереди меня, Ворон, сын Ворона, – скомандовал ледяной голос. – Никто в комнате не заметит тебя. Мгла моего плаща сделает их слепыми.

Ворон открыл дверцу чулана и прошел мимо кучки практикантов. Они не обернулись и не окликнули его. Он вышел в коридор. За спиной чиркали по плиткам пола тихие шаги.

Когда-то, еще мальчиком в Северной Греции, после побега из Советского Союза, Ворон ночью играл на кладбище за местной греческой церковью, которая в юности служила храмом языческих богов. Внезапно он наткнулся на волка, выдирающего труп из мягкой земли между могильными плитами.

Тощий оголодавший зверь, ворча, поднял на него взгляд – тень с глазами, как зеленое пламя. На мгновение мальчик почувствовал горячее дыхание хищника, смрадное от жуткой трапезы. Затем волк отвернулся и удрал.

Ворон так и не забыл дыхания этого смрада. И теперь в

больнице он снова почувствовал за спиной тот самый запах – запах пожирателя падали.

Ворон обернулся.

Позади, задевая потолок костяными зубцами короны, высилась тощая черная фигура.

Поверх струящихся одежд из дыма и тьмы царственный призрак был облачен в сплетенный из костей доспех. Венец украшало кольцо из скелетов кистей рук пальцами вверх. Длинные серые ногти все еще росли из заостренных фаланг. Нашечные пластины шлема были сделаны из челюстей мертвецов. Заходящие друг на друга лопаточные кости веером расходились от короны, защищая шею; наплечники сделаны из рассеченных коленных чашечек; кольчужные соединения доспеха – из нескольких слоев желтых зубов; поножи и латные рукавицы – из берцовых и локтевых костей; переплетающиеся грудные клетки заменяли кирасу. Рукава и подол коты и широкий черный плащ казались сотканными из рваных теней.

Лицо у этого существа было тощее и голодное, ввалившиеся серые щеки туго обтягивали высокие скулы. Под сенью густых бровей глаз не было видно – только два бледных огонька, словно зависшие в глазницах звездочки. Когда оно заговорило, во рту не оказалось ни зубов, ни языка, одна пустая темнота.

– Выбирай, – нараспев произнесло существо.

– Что? Что выбрать? – переспросил Ворон.

Призрак поднял руку и широким жестом обвел коридор отделения для безнадежных больных, указывая на двери.

– Ты имеешь в виду, что надо выбрать, кто умрет вместо моей жены? – уточнил Ворон. – Нет, мы так не договаривались. Ты сказал, это будет незнакомец. Никого из знакомых мне!

– Очень хорошо, – выдохнул холодный голос. – Когда люди отказываются решать сами, закон позволяет мне взять выбор на себя. Идем.

Шелестя дымчатыми одеждами, существо поплыло по коридору. Ворон сделал несколько шагов следом, затем остановился.

– Стой! – крикнул он.

Существо затормозило и посмотрело через выложенное костью плечо глазами, напоминающими мерцание болотного газа.

Ворон сказал:

– Что ты такое?! Ты обязан сказать.

– Иди по моим следам и узнаешь меня, – нараспев произнесло видение и снова заскользило по коридору, задевая костяной короной потолочные панели.

– Почему другие тебя не видят? – спросил Ворон.

Они вышли в коридор перед реанимационным отделением. Здесь было множество бегающих сестер и вопящих людей. Все они сторонились и уступали дорогу высокой тощей фигуре, а глаза их на мгновение становились пустыми.

Существо вздохнуло:

– Люди часто забывают свои кошмары, когда просыпаются.

– Но я-то тебя вижу.

– Ты не боишься.

– Что ты такое? Почему никто не подозревает о существовании тебе подобных? Уж кто-нибудь в нынешней Америке должен знать о тварях вроде тебя! Они же умные люди! Ученые!

– Даже мудрые умолкают перед бесконечной тайной ночи. Звездный свет нельзя вынести для изучения на холодный и открытый недобрый свет дня.

– Назови себя!

У дверей реанимационной палаты существо остановилось и обернулось. Человек взгляделся в смутный силуэт.

– Ты меня знаешь.

Ворон припомнил имя из русских народных сказок.

– Кощей Бессмертный.

– Это одно из моих имен.

– В сказке герой нашел, где ты прячешь сердце, и убил тебя.

– Что не живет, то и не умирает, его можно лишь изгнать на время, – ответил Кощей. Он говорил, положив руку на стеклянные панели двери в реанимационную. – Я первый вестник повелителя снов, который скоро будет править и вашим миром. Для меня морской колокол звонит всего раз,

ибо сила моя – в этом мире – невелика.

– В чем твоя сила?

– Я знаю, в какой части себя люди несут смерть. Я вынул эту часть из себя и сбросил свою человечность, как змея сбрасывает кожу. Никто не может изгнать меня – только те, кто понимает, что у меня на сердце.

Ворон произнес, словно человек в подпитии, пытающийся сосредоточиться на одной мысли:

– Значит, ты можешь спасти мою жену?

– Я заберу ее смерть оттуда, где она прячется, и отдам другому.

Ворон сообразил, что Кощей собирается убить лежащего за этой дверью – пациента, над которым хлопотали так отчаянно все эти доктора и сестры. Он слышал, как они торопятся, окликают друг друга напряженными глухими голосами, произносят ругательства от радости или отчаяния.

– Сними меч у меня с перевязи, Ворон, сын Ворона. Он связан в ножнах узлом, который я развязать не смею. Держа меч перед собой, войди в эту палату. Затем ты должен встать на колени и перечислить все, что ты больше всего любишь в своей жене, которую так скоро потеряешь. Невидимая сила развяжет узел. Когда это произойдет, вынь меч и передай мне. От тебя больше ничего не требуется.

Ворон снял ножны с длинной перевязи. Руки у него онемели от ужасного холода там, где он коснулся твари.

Бородач открыл дверь. Отвратительная смесь гнилостной

вони и дезинфекции встретила его. Внутри он увидел кучку врачей и сестер, склонившихся над полуобнаженным юношей на столе. Один из медиков закачивал в рот молодому человеку кислород. Другой держал в руках электроды, потирая их друг о друга. Вторая сестра крикнула: «Поберегись!» – и приложила электроды к телу. Юноша на мгновение подскочил и заметался на столе.

– Пульс есть! – выкрикнул голос, и одна из стоящих в комнате машин ровно запищала.

– Нет! – отпрянул Ворон. – Мы так не договаривались! Я не говорил, что помогу тебе убить человека.

– Да. Да, говорил.

Бородач застыл, держа ножны. Ледяное онемение пульсировало в руке, словно пламя, подбиралось к локтю.

Кощей сказал:

– Выбирай. Умрет ли этот человек, который для тебя ничто? Или твоя жена, которую ты якобы любишь?

Ворон прищурился.

– В комнате есть кто-то еще. Какая-то сила, которая не позволяет тебе подойти к мальчику, так? Вам, бесам, нужны смертные, чтобы выполнять вашу работу, если нет никакого подвоха.

– На колени. Молись за спасение своей жены. Твоя молитва будет услышана.

– Что в этой комнате?

– Хотя ты и не можешь ее видеть, умный смертный, здесь

присутствует единорог, охраняющий Галена Уэйлока. Каждый раз, когда мои яды достигают мальчишкиного сердца, она, тайный его хранитель, слегка прикасается к нему своим серебряным рогом и исцеляет. Я могу изгнать или ранить ее только этим оружием – единственным, перед которым она уязвима. Это страшное оружие, и она должна сама развязать узлы, чтобы позволить обратить его против себя.

Ворон оглядел ножны. Рукоять меча была простая и черная, а сами ножны сшиты из белой кожи и перехвачены похожими на позвонки костяными кольцами. Через эти кольца проходили белые шнуры, привязывающие рукоять к ножнам сложным узлом из петель и свисающих кистей.

– Как называется этот меч?

Кощей негромко ответил:

– Мое оружие называется Жалость.

Затем Кощей произнес:

– Вперед, Ворон. Если ты оставишь Жалость в ножнах, никакой жалости не будет явлено твоей умирающей жене.

Бородач как деревянный шагнул вперед, широко раскрыв остановившиеся глаза. Лицо его кривилось от боли и нерешительности.

Он оказался в комнате. Врачи не обращали на него внимания. По еле уловимому движению воздуха перед лицом, по внезапному сладкому, словно дыхание весеннего ветерка, запаху он понял, что единорог здесь, невидимый, наблюдающий за ним широко раскрытыми глазами. Ворон печально

рухнул на колени.

II

– Я не мастер говорить. А женщина, которую я люблю, – для нее нужны стихи и песни. Необходимы самые прекрасные слова, чтобы говорить о ней. Несравненные. Я не знаю, как рассказать, насколько глубока моя любовь к ней. Глаза у нее яркие, улыбка как весна. А как она смеется! Думаю, так должны смеяться ангелы. Большинство людей хохочут над смешными убогими вещами, хихикают над тем, что кажется им глупым. Понимаешь? Но ее смех – это смех от радости. Как пузырьки в стакане с газировкой – встряхнешь, и они устремляются вверх... Однажды я дрейфовал в море на спасательном плоту. Сухогруз «Павопоподолус» из Афин, на котором я служил, потонул, когда взрывом машины пробило обшивку ниже ватерлинии. Мы провели на плоту множество жарких дней и не знали, успел ли радист вовремя передать наши координаты. Когда подходил к концу запас воды, нам пришлось кидать жребий, кто сегодня пьет, а кто мучается жаждой. Один человек сошел с ума, оттого что пил из моря, и попытался разбить наши бутылки с водой. Мы оглушили его и выкинули за борт. Это был худший поступок в моей жизни. Я думал, что лучше умру, чем сделаю нечто подоб-

ное.

Ворон содрогнулся, его перекосило. Он вспомнил, что его жена говорила Кощею насчет того, как бы она вела себя на спасательном плоту. Он сказал себе, что Венди никогда не была на спасательном плоту, что она не знает жестокости мира. Но он хмурился, ибо понимал: она знает, но душа ее устроена так, что никогда не позволит жестокости прикасаться к себе. Мужчина закрыл глаза и продолжил:

– Когда нас спасли и мы прибыли в безопасную бухту, я опустился на колени и поцеловал твердую землю. Она была такая неподвижная, такая надежная. Я вырвался из мертвой пустыни моря, и это было как возвращение домой. Спасение пришло ко мне, когда я потерял всякую надежду. Именно таким спасением стала для меня моя жена. И даже больше.

Не открывая глаз, он почувствовал тепло, движение воздуха перед собой. Ощутил взгляд мудрых древних глаз, наблюдающих за ним. Сверхъестественное существо было подобно живому лучу света. Ворон гадал, посмел бы он протянуть руку и коснуться ее нежной шкурки, похожей на оленью. Его била дрожь.

– Я должен рассказать тебе, дух, как мы встретились. В Нью-Йорке у меня друзей не было. Я работал грузчиком в порту. Но я не состоял в профсоюзе и не имел законного права на работу. Единственное, что я мог законно сделать в Америке, это умереть с голоду. Когда меня обманывали, когда не платили зарплату, мне некуда было жаловаться. Я был

силен и быстр. Я мог заставить людей бояться меня. Но меня пинали все кому не лень. Без моей жены жизнь снова станет такой. Исполненной ненависти... Акт об амнистии позволил мне получить грин-карту, и я отправился искать свою мечту. Город казался мне таким уродливым! Я хотел, чтобы меня окружали деревья. Я чувствовал себя, как жаждущий в пустыне. Глаза мои изголодались по красивым вещам. Без жены я снова буду алкать и жаждать, как тогда, и никогда не получу удовлетворения. Никогда. Ибо во всем мире для меня не останется красоты... Я прошел тест на должность рейнджера в полицейском корпусе национальной лесной службы. Это федеральная контора. Мне выдали форму и ружье и отвели восхитительное место для жилья – глубоко в лесах. Обязанностей у меня оказалось всего ничего: считать поваленные лесорубами деревья и застреленных охотниками оленей да заполнять пачку за пачкой разноцветных бланков. Стопки бумаги доходили до подбородка, а я должен был заполнить их все. В трех экземплярах. Тогда-то мы и встретились. Сначала я подумал, что она русалка, дева-лебедь или дриада. Потому что она бегала по лесам голышом. Она была невероятно юной, полной жизни! Юные, они так хотят быть живыми...

Ворон открыл глаза и посмотрел на полуобнаженного молодого человека, безвольно раскинувшегося на столе на другой стороне комнаты.

Он прищурился, на лице его отразилось страдание и

неуверенность. Не закрывая глаз, он заговорил:

– Я видел ее в таком виде в лесу дважды или трижды. Заполнил по этому поводу бланки, в трех экземплярах. В штабе велели арестовать ее: она бежит нагишом в знак протеста; она нарушает закон. И я стал охотиться за ней по лесам, где ее легкие шаги примяли траву, перевернули листок. У меня острый глаз, и мне терпения не занимать. Я не люблю упускать добычу. Я не хотел упустить ее... Я охотился на нее, и я ее поймал. Она не стеснялась, даже когда была голой, как птичка. Стояла, уперев руки в бока, насмехалась и отказывалась следовать за мной. Она позволила мне надеть на нее наручники и, даже скованная, заставила бороться с ней. Поэтому я нес ее на плече, а она пыталась меня пнуть. И хохотала, и воображала, будто я романтический разбойник, который похитил ее и заковал в цепи, и она должна подчиняться мне. Знаешь, по-моему, она не особенно притворялась... А бумаги для ареста, вся эта писанина, в трех экземплярах! На второй день ее пребывания в моей хижине я решил, что арестовывать ее – дурацкая мысль. Понимаешь? Совершенно идиотская мысль! Лучше я на ней женюсь... Ее отец (мы с ним так и не познакомились) – очень могущественный юрист в Вашингтоне. Она говорила, ему не нравится, что она вышла за меня. Что мы должны бежать и ей придется соврать про возраст для нашей свадьбы, потому что она слишком юная. Но она такая хорошая. Она может заставить оленя подойти и есть у нее из рук, такая она хорошая. Звери чувствуют, что

она не причинит вреда ничему живому. Она не стала бы помогать убивать ни одно живое существо... Ворон поднялся, страшно хмурый.

– Она такая хорошая, и поэтому в ней нет ни капли жалости. Ее чувство справедливости – как острый нож. Моя жена не простила бы никого, кто поступил бы несправедливо. Она никогда не позволила бы приблизиться к себе никому, кто сотворил бы подобное зло.

Ворон обернулся.

– Кощей! Я не могу сделать того, о чем ты просишь...

Чудовищу пришлось наклонить голову, чтобы войти в комнату, его одежды втекали в открытую дверь волнами дыма. Когда он вошел, показалось, что его тело выросло и заполнило реанимационную палату. Глаза его горели, словно зловещие звезды.

– Поздно, сын Прометея. Ты слишком медленно думал. Смотри.

И он указал на меч, который Ворон до сих пор сжимал в руке. Узлы шевелились и расплетались по собственной воле, разматывались, распутывались – медленный и невесомый танец веревки. Шнуры развязывались, высвобождались рывками. Узлы расправились и распутались.

Руки у Кощей были тонкие и серые, ногти желтые, длиннее самих пальцев. Медленно взмахнув черным рукавом, сухо хрустнув наручами, бессмертная тварь протянула руку раскрытой ладонью вверх.

Поддай мне мое оружие, смертный.

Холодный ужас наполнил Ворона. Он понимал, что совершает непоправимое.

III

Ворон, сын Ворона, необычайно ясно видел реанимационную палату вокруг себя, будто каждая крохотная деталь была увеличена маленькой прозрачной линзой. Это было современное, хорошо освещенное помещение, заполненное врачами и сестрами, людьми науки, которых Ворон уважал. Дверной проем занял темный древний злой дух – существо, о котором он ничего не знал и о котором люди, при всей их мудрости, никогда не будут знать больше его. Кощей Бессмертный протягивал руку за мечом.

– Отдай мне мое оружие, – прогремел усиленный эхом голос призрака, – чтобы я мог забрать жизнь этого мальчика и отдать ее твоей жене.

У Ворона голова разрывалась от мыслей. Он видел, как его рука поднялась и протянула меч хозяину рукоятью вперед.

«Руки! Что вы делаете?! – удивился он. – Почему вы отдадите меч этой ужасной твари? Вы хотите стать руками убийцы? Вы хотите обагриться кровью? »

Кощей проплыл вперед, его узкое лицо парило под потолком, холодное и лишенное выражения. Две точки света в темноте глазниц ярко сияли.

«Еще не поздно, – подумал Ворон. – Отдерни меч, прежде чем зло возьмет его! Я не буду преступником. Я не стану убийцей. Венди бы так мной гордилась... А затем Венди уйдет. Уйдет, и моя жизнь уйдет вместе с ней. Где же благодать? Разве не должна благодать прийти и остановить меня? Некоторые люди говорят, что Господь на небесах является источником благодати. Но небеса так далеко. Богу следовало бы поразить меня насмерть молнией, прежде чем моя рука отдаст меч Кощей! Но Бог не остановит мою руку. Некоторые утверждают, что источник благодати – наше сердце, что милосердие и доброта не дают нам убивать друг друга. Если бы мое сердце перестало сейчас качать кровь, рука побледнела бы и отвалилась. Другие считают, что благодать помещается в сознании, а философы показывают, насколько убийство противоречит нашим "долгосрочным интересам" (как звучит!), нашему "просвещенному эгоизму". Если бы мой мозг взорвался в эту секунду, нервы отказались повиноваться – я избежал бы этой вины... Но нет благодати, чтобы остановить меня. Ни в моей совести, ни в моих чувствах, ни в моих мыслях. Моя совесть – не более чем кусачая муха: она раздражает, жалит, но не способна отвести мою руку. И я проклинаяю свою душу, свое сердце и мозг. Ибо все они слишком слабы, чтоб укрепить меня в час испытания».

И он протянул меч Кощею.

IV

Когда Ворон отпустил меч, стылое онемение от его ладони распространилось вверх по руке и собралось в груди тяжелым куском льда. Оно казалось твердым, словно навеки поселилось в его сердце.

Кощей склонился над мальчиком на столе, рассек ему грудь клинком и сунул внутрь разреза свою закованную в доспех ладонь.

Подожди! – крикнул Ворон.

Призрак не обернулся, занятый своим делом.

– Что тебе еще нужно от меня, смертный дурак? Благодарности и признательности?

– Я должен был поразить этим мечом тебя!

– Я некромант. Я знаю, в какой части себя человек прячет жизнь. Моя спрятана у меня в сердце, поэтому я вынул сердце. Да, я не испытываю ни радости, ни любви, ни удовольствия и должен забирать радость у других, чтобы разогнать свою кровь, но при этом ни одно оружие не в силах причинить мне вреда. У меня нет сердца, и Жалость не может коснуться меня.

Кощей вынул руку из груди мальчика, и у него на ладони

засияла хрустальная жемчужина, в середине которой порхал яркий и радостный огонь, словно осенние листья или трепещущие крылья красно-золотой бабочки.

– Стой! погоди! – закричал Ворон.

Он неуверенно шагнул вперед, но его голова доходила Кошю только до локтя, и он не мог заставить себя схватить покрытое костяными латами тощее тело твари. То же отвращение, которое не дает человеку прикоснуться к трупам, остановило его.

Некромант оттолкнул его в сторону и поплыл к двери, его доспехи скрипели и похрустывали, огромные черные одежды раздувались, словно паруса.

Не поворачивая увенчанной шлемом головы, он негромко произнес:

– Почему ты жалеешь о содеянном, смертный? Старейший и первый из всего вашего племени позволил своей любви к жене изгнать его из райского сада, а его старший сын совершил то же преступление, что и ты. Твой первый предок был прекрасный и мужественный человек, гораздо храбрее, мудрее и лучше тебя, однако даже он, отец вашей расы, не был защищен от жалости к своей жене. Я скажу тебе то же, что сказал тогда ему. Твоя жена испытает к тебе глубочайшее презрение. Но, по крайней мере, она останется здесь, чтобы ненавидеть тебя. Утешайся этим.

И Кошей пропал.

ГЛАВА 5

ПО ТУ СТОРОНУ ВРАТ ВЕЛИКОГО СНА

I

Под действием таблеток она спала глубоко, без сновидений. Поэтому ни во сне, ни наяву не видела, как склонилась над нею тощая тень, не почувствовала исходящего от сухих костяных лат холода, не знала, с какой болью и неохотой он отпустил маленький хрустальный шарик трепещущего пламени, не ощутила, что хрупкая жемчужина, теплая, как летний солнечный свет, благоуханная и мягкая, поплыла вниз к ее разомкнутым губам. Но она улыбнулась, когда этот шарик лопнул, и теплые духи заиграли на ее улыбающихся устах, принесли розовый блеск на ее щеки. Глаза ее задвигались под нежными лепестками век – ей снова снились сны.

Шипя от злобы, жажды, зависти и отчаяния, ибо живой свет покинул Кощея (а чудовищу так хотелось сохранить его для себя, хотя он никогда бы не смог почувствовать это тепло), тонкая тень некроманта отодвинулась от постели, шаг-

нула в дверь, завернулась в туман и застыла неподвижно.

Уронив руки, с мертвым лицом, не имея сил даже на то, чтоб испытывать муки зависти, некромант ждал. Он с ненавистью ощущал поселившийся в костях холод.

II

Венди, лежащую на больничной койке, внезапно затопило ощущение блаженства. Боль, гнездившаяся в ее теле уже много недель, запульсировала, потускнела и совсем пропала.

Она подняла руки, закатала рукава и рассмотрела предплечья в лунном свете: они были чистые, без синяков. Даже крохотный шрам от внутривенной иглы исчез.

Душная ватная дремота, которой окутывали ее транквилизаторы и обезболивающие, ушла, оставив ясное ощущение покоя.

Венди посмотрела из окна на луну, на звезды, летящие в глубокой черноте неба над серебристыми облаками.

– Кто бы ни присматривал за мной оттуда сверху, – произнесла она, – я бы хотела от души его поблагодарить и сказать, что никогда не теряла веру в него. Я всегда знала, что чудеса случаются, что бы ни говорили люди. Они случаются каждый день: рассветы, рождение детей, любовь. Люди не считают их чудесами, потому что это происходит каждый день.

А в исцеления или полеты люди не верят оттого, что никогда их не видели, поскольку такое не часто случается. – Она устроилась в подушках. – Но я всегда знала, что это может произойти.

III

Спустя всего лишь секунду – или час, или бесконечность – Венди увидела юношу в серебряных доспехах, с копьем в руке. Сотканная из звездного блеска сеть развевалась, словно шарф, у него на шлеме. Он шагнул через окно по лунному лучу.

– Я, наверное, сплю! – воскликнула Венди. Юноша в панике озирался в больничной палате.

– Должно быть, я прошел сквозь врата Малых снов. Похоже на наше земное время. Где мое тело?!

– Ты потерял свое тело? – озабоченно спросила Венди. – Это ужасно. Ты ведь не призрак, верно? Бедняга! – И, подумав секунду, приставив пальчик к щеке, радостно продолжила: – Если я могу как-нибудь помочь вернуть твое тело, я с радостью помогу.

Юноша оглядывал комнату, его лицо стало озадаченным.

– С чего бы мне приснилась больница? Женщина, которая разговаривает, как девочка, видимо, символизирует невин-

ность, а может быть, утраченные надежды. Но почему больница? Словно мои надежды мертвы или умирают. Какая пугающая мысль.

– Я только что поправилась, – услужливо сообщила Венди. – Кроме того, это ты мне снишься.

– Ненавижу, когда сны так говорят.

Он уселся на край кровати, поставив локти на колени, и задумчиво уставился в окно. Простыни не сморщились и матрас не прогнулся там, где он сел, словно гость не имел веса. Копье, без дела болтавшееся в руке, мерцало, будто хрустальное, оттенки капель предрассветной росы дрожали на узком клинке.

– Я правда ненавижу, когда сны так говорят. Но полагаю, это символизирует мое желание снова вернуться в реальный мир. Хорошо бы дедушка поднялся по лестнице, чтобы меня разбудить. Мне нужно рассказать ему, что происходит. Виндьямар пал; морской колокол разбит; черные корабли Настронда вышли в плавание. Нас предали. Проклятье! Ненавижу этот символический мусор! В глубинных снах легче. Там все гораздо... – Он махнул копьем на луну. – Как бы, ну, древнее. Величественнее. Огромнее.

Венди сказала:

– Мне снилось, что я разговариваю с летучим пони. Он напоминал стройную лошадку с головой оленя. Представь себе лошадь-балерину. Вот какой он был.

Он невесело фыркнул:

– Разумеется, мне снилась сон-лошадка. Она сказала, что отнесла бы меня к моему телу, но это не похоже на мой дом. Наверное, она тоже обратилась против нас. Где мой дом?

– Она говорила мне, что есть такой дом на востоке под названием Эвернесс. Забытые последние стражи сновидений держат закрытыми врата между миром яви и миром кошмаров. Она сказала, что врата разбиты и первый слуга императора ночи вошел в наши земли. – Венди призадумалась. – Но почему мне снилось, что это произошло, когда я была ребенком?

– Детские воспоминания сами по себе наполовину из того мира, – рассеянно ответил юноша. – По этой причине дети и невинные безумцы могут играть с воображаемыми товарищами. На самом деле они общаются наяву с людьми из сна.

Юноша выпрямился, повернулся к ней, глаза его потрясенно округлились.

– Боже мой! Вы настоящая! Не... не вставайте! Не двигайтесь и не пытайтесь включить свет или еще что-нибудь. Вы пребываете в состоянии полусна, которое называется сомнамбулизмом. Вы можете окончательно проснуться, шевельнувшись. Если вы все запишете – а я имею в виду все полностью, сразу, как только проснетесь, прежде чем встанете с постели или сделаете что-нибудь еще, – тогда, быть может, вы не забудете нашу беседу. Вы обещаете сделать это для меня? Обещаете? Это действительно важно. Возможно, это самая важная вещь на свете.

– Обещаю, – серьезно ответила Венди. – Но только если ты расскажешь мне историю целиком. Понимаешь, – добавила она доверительным шепотом, – я обожаю истории.

– Ладно. Ладно. – Он моргнул. – Гх-м... Меня зовут Гален Уэйлок. В данный момент я сплю в старом неудобном доме без канализации в северной части штата Мэн, на побережье около Бата.

– Очень приятно. Меня зовут Венди Воронсон. На самом деле в моих водительских правах написано «Венди Вранович», но это трудновато выговорить, вам не кажется?

– Ага. Точно. Гм... Ну, во-первых, рог, который предназначен, чтобы пробудить спящих стражей Запада... Нет, погодите... Ладно. Первый страж Эвернесса появился, когда Зенон был императором, а святой Гормидас – Папой. Его люди победили саксов в битве при Бадон-Хилл. Саксы молились драконам, которые были херувимами и возницами Утренней Звезды, притянутыми в мир через башню Вортигерна. Один дракон был белый, а другой – красный, и основатель связал их...

Нет. Давайте я перейду сразу к главному. Основатель отбывает наказание, потому что нарушил клятву. Он открыл черный ход в царство снов и впустил заразу, безумие, похитителей душ и домашних духов в души бодрствующих людей. На всем протяжении Темных веков повторялись массовые помешательства, ведьмины бунты, возникали одержимые деревни, видения призраков, чертей и демонов – это по-

следствия его преступления. Второй страж Донблэз ле Фэй захватил контроль над башней, когда его отца заковали в цепи, а друидов выгнали с Авалона... Погодите. Я должен вернуться немного назад. Башня находится там, где были врата. Были и есть. Это башня Хроноса на оси времен года, с четырьмя крыльями и двенадцатью портиками. Но вы не знаете, какие они, врата. Гм... Ладно. В старину не было границы между миром реальности и миром сновидений, поэтому люди служили рабами и игрушками богов, фей и духов. И вот, дабы создать двухкамерную структуру сознания, была устроена сумеречная зона, позволяющая людям забывать страхи и ложные надежды при свете солнца. Но один из повелителей снов взбунтовался и ушел из Моммура, града Бесконечного, и увел с собой треть воинства старших сил. Их предводителя назвали в честь утренней звезды, а еще его называют императором ночи. Он со своими войсками погрузился в глубины моря, которых не достигают солнечные лучи, – в Ахерон, затонувший город из несокрушимого металла, утопленный в черном провале морского дна. Единственный свет там – бледное сияние чудовищных люминесцентных рыб. На самом деле город называется Дис, но произнесение этого имени может навлечь несчастье, поэтому мы называем его по имени реки, вытекающей из его забранных решеткой окон, реки из слез тамошних узников. И вот император ночи отправил послов к девяти расам девяти миров, включая сэлки из Хизер-Блезер... Нет, погоди. Этого тебе

знать не надо. Гм... Правитель Солнца, Бельфан, по приказу Оберона послал единорога гонцом к королю Логриса. Единорог Эвринома учредила устав ордена Эвернесса и отворила врата между царствами Пана и Морфея: царством природы и царством снов. Морфей... не важно, кто это. Эвринома дала нам рог, или, может, основатель нашел рог, последовав за ней в ее собственное царство – оно не в этой стране и не в царстве снов, где-то совсем в другом месте. Или было когда-то там... Нет... Гм...

Он встал и принялся мерить шагами комнату, звеня кольчугой и размахивая руками. В такт взмахам вверх-вниз по копыю пробегало мягкое, как лунный свет, мерцание.

– Ты не очень-то во всем этом разбираешься, да? – спросила Венди, невинно хлопая ресницами.

– Я просто не знаю, с чего начать! Ясно?

– Ясно, – согласилась она, с важным видом сложив руки на покрывале. – Почему бы мне не попробовать задавать тебе вопросы, чтоб ты по очереди отвечал на них?

– Здорово, – пробурчал Гален. – Просто отлично.

– У тебя есть идея получше?

– Нет-нет. Продолжай.

– Во-первых, почему мне снился сон, который я помню с детства, с участием лошадки?

Гален уселся и глубоко вздохнул. Потом заговорил медленно, с принужденным терпением.

– Скорее всего, твои детские воспоминания – это един-

ственное, до чего ей удалось достучаться. Подобные существа могут говорить только с людьми под воздействием наркотиков или с теми, у которых не все в порядке с головой. Семьдесят третий страж Альберт Уэйлок написал об этом монографию, и его теория гласит, что таким людям дозволено хранить свои воспоминания о скрытых вещах, поскольку другие все равно не станут их слушать, просто засунут в психушку или еще куда-нибудь. Мы же сейчас в больнице? – Гален бросил на Венди скептический взгляд.

– Кто такая «она»?

– Эвриаль, дочь Эвриномы, одна из сон-лошадок, детей единорога. Мы ездим на них верхом. Они летают.

– Почему ты так одет? – Венди жестом обвела его отливающую серебром кольчугу, складчатые одежды из тонкой дорогой ткани и струящийся, словно туман, ламбрекен на вершухе остроконечного шлема.

– Это униформа, она является символом. А это доспехи. Они не дают острым предметам проткнуть тебя. А вот это копьё. Им можно ткнуть кого-нибудь. Ты собираешься задавать вопросы по существу? Сквозь мглу в этот мир пытается пробраться некая тварь. Может, она уже здесь.

Венди погрозила ему пальчиком.

– Но-но. Давай по порядку. Где ты живешь?

– Ой, ради бога!

Венди принялась теревить простыни.

– Ну, если ты не готов сотрудничать, полагаю, я просто

проснись и забуду этот глупый сон...

– Нет, нет, нет! Не просыпайся! Э, ты выглядишь усталой, тебе явно надо поспать, и я расскажу тебе, что происходит! Я отвечу на твои глупые вопросы. То есть нет, я не хотел сказать, что они глупые... Какой был вопрос?

– Я хочу знать, где ты живешь, одетый таким образом, – весело сказала Венди. И хихикнула.

– Ага. Я живу в Эвернессе. На земле это дом по проселочной дороге номер четырнадцать в округе Сагадахок, штат Мэн. В царстве снов это место, называемое Высоким домом, на побережье моря Беспokoйной Тьмы, последний бастион града Бесконечного, в первой сфере на этой стороне Утгарда и Нидвеллира, где высятся несокрушимые серебряные башни Тириона, под Глубинными вратами, в центре четырех четвертей луны. Не заблудишься.

– Как ты меня нашел?

– Послушай. Я тебя не искал. Я отправился поговорить с первым стражем. Он живет под сенью Тириона Несокрушимого, под темной луной, где океан вечно обрушивается в беззвездность. С края последней бездны низвергаются девять водопадов, а на скалах под ними помещается место пытки, называемое Кровавый Плач. Я отправился к нему, потому что мне так велела птица с эльфийской лампой. Во сне.

– Я понимаю, это очень важно, – сказала Венди. – Но сначала мне бы очень хотелось узнать кое-что другое. Что привело тебя сюда?

– Есть специальная молитва для призывания сон-лошадки. Заклинание. Они могут летать через море от одной луны к другой или спускаться в иные сферы.

– И сон-лошадка безо всякой причины принесла тебя сюда вместо того, чтобы отнести домой, как ты просил?

– Я вижу, к чему ты клонишь. Ты и я, должно быть, как-то связаны. Общая судьба или общее дело – иначе наши сны не соприкоснулись бы. Сорок третий страж написал трактат об этом. Он говорил о... Погоди минутку... Боже. Возможно, я не могу вернуться домой. Возможно, все, что я могу, это разговаривать с тобой. Возможно, я... Слушай, какой сегодня день? Месяц? Боже ты мой. Какой год?

Венди назвала ему число.

На лице Галена отразилось отчаяние.

– Я проспал шесть месяцев...

Он уселся на кровать, положив поблескивающее копьё на колени. Затем медленно, словно падающая башня, наклонился вперед и спрятал лицо в ладонях.

Венди протянула руку и ласково погладила его по коленке.

– Ну, ну. Не расстраивайся. В море случаются вещи похуже. Я знаю. Мой муж раньше ходил в море, там творились жуткие вещи. А теперь выпрямись. Вдохни поглубже. Успокойся и расскажи мне, что случилось с тобой. Ты отправился повидать первого стража, которого за что-то наказывают у водопадов на краю мира в царстве снов. Расскажи мне по

порядку, как ты туда попал и о чем ты с ним говорил. Твои первые слова, когда ты добрался туда.

– Он первым делом заявил, что сбросит меня в бездну...

IV

Гален, испуганный угрозой, пытался вернуть себе самообладание. Он посмотрел Азраилу де Грэю в глаза и поднял руку, чтобы показать крохотный шрам на ладони.

– Видишь? Я пришел по твоему посланию. Я здесь, потому что призван. Ты позвал, я запомнил, я пришел. Ты не имеешь права угрожать мне. У тебя нет причин ненавидеть меня.

Только тишина была ему ответом.

Проползли неуютные полминуты. Юноша собрался с духом и заговорил снова.

– Э... Сэр, я пришел, потому что услышал набат морского колокола. Столько лет мы ждали его.

Молчание.

Он попытался снова.

– Вы основали наш дом! Вы оставили нас ждать. Мы делали, как вы велели, мой дед, мой прадед и все остальные, вплоть до самого истока. Разве это ничего не значит? Сейчас весь мир в опасности, и воинства тьмы уже на марше. Я при-

шел к вам за помощью. Вы сказали, что у вас есть нечто, что нам следует знать. Даже если вам нет дела до собственной семьи, неужели мир ничего не стоит?

Он говорил с достоинством и силой, на какие только был способен. Проходили мгновения, Азраил смотрел на него ровно, холодно, надменно, и Гален начал чувствовать себя маленьким и глупым.

Темное лицо основателя не выражало ни малейшего намека на смягчение, ни искры сочувствия. Наконец он произнес тихим ледяным голосом:

– Нет причин ненавидеть, говоришь? Назови мне, говорю я тебе, имена тех, кто на Земле с благодарностью вспоминает мои дела или хотя бы знает, что некогда и я жил среди них. Никто не помог хоть немного облегчить бесконечное страдание, которое я претерпеваю ради людей.

– Ну, честно говоря, сэр, гм... не думаю, что хоть один человек знает, кто вы такой. – Стоило этим словам слететь с языка, как Гален зажмурился. «Дурак, дурак! Не то говоришь». – Кроме меня и дедушки, конечно, – вяло продолжил он.

Снова повисло долгое молчание, пока юноша, неловко балансируя на цепи, сгорал от стыда под темным, величавым, бесстрастным взглядом старейшего Уэйлока. Лицо древнего существа казалось бесформенным сгущением теней. Гален мало что различал, кроме широких скул под грозовой тучей волос, двух озер еще более глубокой тьмы под черными бро-

вями и ниже – ломаных линий, горьких и суровых, образующих какой-то намек на усмешку.

Гален в удивлении и тревоге подумал про себя: «Какие великие деяния? Я думал, этот парень – предатель, имевший дела с врагом».

Из клетки донеслись слова:

– Именно я первым вынес серебряный ключ из Моммура, несмотря на то, что Оберон и все его эльфийские рыцари поднялись в серебряном свете, чтоб помешать мне. Гордец Утренняя Звезда и все его дьявольское воинство гнались за мной по пятам до последних врат дня, предпочитая проклятие отступлению. Кровь бессмертных была пролита, чтобы завоевать ключ для этого мира. Благодаря ему врата в ад и чуждые царства снов были заперты накрепко – ценой неизмеримого терпения, мужества и боли. Моя жертва не ценится, говоришь? Забыта? Всеми? Неужели никто не помнит, где теперь спрятан ключ?

Ключ? Какой ключ?..

Нотка легкого удивления:

– Серебряный ключ Эвернесса, разумеется, – Клаваргент. Он запирает и отпирает врата. Ты его охраняешь. Ключ, делающий воинов сна осязаемыми и отбрасывающими тень под ясным солнцем. Ключ, с помощью которого можно сделать так, что все нормальные и осязаемые вещи растают, как туманный сон. Ключ, являющийся источником всей силы Эвернесса и единственной надеждой на победу челове-

ства. Неужели ты никогда о нем не слышал?

Гален неохотно покачал головой.

Фигура слегка обмякла. Плечи поникли. Юноша различал шрамы и пятна крови там, где железные шипы порезали руки и плечи.

– Тогда ты не страж. – Голос стал горьким от тяжести поражения.

– Н-нет. Страж – мой дедушка Лемюэль. Но ваша птица прилетела ко мне. Я слышал послание. Я пришел. Он не придет.

Негромкий смешок.

– Как мило. Мальчик, не имеющий ни силы, ни власти, выслушает мое предостережение – и окажется слишком слабым, глупым и юным, чтобы последовать ему. Услышит мой план – и будет не в силах выполнить. Какой невероятной милостью является твое внимание! Без тебя я поделился бы своим знанием с морскими птицами или ползущим льдом. С тем же успехом я мог бы говорить с ними!

Гален ощутил ярость, словно желчь в горле.

– Я здесь. Я могу что-то сделать.

– Правда? А страж не говорил тебе, почему он не придет? Нет? Ты знаешь, какая сила приказала ему не отвечать мне? И тебе никогда не рассказывали, где спрятан серебряный ключ, да?

Юноша попытался ответить с достоинством, но почувствовал, как горит лицо.

– Он... не много мне рассказывал...

– Твоя гордость уязвлена, не так ли, дитя?

Голос из темноты клетки сделался ласковее. В нем слышалась нотка доброты. Однако окровавленная рука по-прежнему сжимала цепь.

– Как будто он не доверяет мне или вроде того.

– Тебе еще нет двадцати четырех лет, и ты еще не совершеннолетний.

– Я взрослый!

– Достаточно взрослый, чтобы держать серебряный ключ, который может, если его неразумно применить, необратимо уничтожить Землю?

Гален молчал. Снизу налетел холодный ветерок, заставивший его поежиться. Он плотнее завернулся в серый меховой плащ, гадая, из каких мест прилетел ветер и что за странный запах он принес.

Он недоумевал, что это за серебряный ключ и где он спрятан.

Азраил произнес:

– Может, тебе и удастся уговорить своего деда, мой потомок, открыть тебе тайное знание Эвернесса, если ты выразишь себя благородным, мудрым и достойным. Какое-нибудь серьезное деяние в защиту дома может вызвать его доверие.

Это было так близко к невысказанной тайной надежде Галена, что он не смел проронить ни слова. Только кивнул,

удивляясь: неужели его помыслы настолько очевидны?

Юноша вздрогнул от ветра и, почти чувствуя вину, потянул завязки плаща. Он скатал теплую ткань и осторожно протянул сверток в сторону клетки.

– Вот, – произнес он. – Вы, должно быть, замерзли. Фигура в клетке не шелохнулась.

– Ну же! Возьмите! – Гален помахал свернутым плащом в сторону клетки.

– Просунь свой плащ сквозь эти жестокие прутья ко мне, и я отблагодарю тебя сторицей.

Гален колебался.

– Или ты боишься приблизиться на расстояние вытянутой руки?

– Вы и сами могли бы дотянуться, – громко ответил юноша. – В чем дело? Бойтесь отпустить цепь? Вы готовы сбросить меня в бездну, но не желаете принять подарок?

Молчание.

– Прекрасно! – воскликнул Гален. – Просто замечательно! Я собирался заключить с вами сделку, чтобы вам пришлось рассказать мне и про послание, и про ваш план, и про то, кто намерен вторгнуться к нам и как его остановить, прежде чем я отдам вам плащ. Но вместо этого я буду хорошим парнем и отдам его просто так. Если же вы не хотите дать шанс своей плоти и крови... Ладно! Ладно, мне и так хорошо!

И он швырнул разматывающийся сверток в клетку.

Плащ соскользнул и упал на окровавленную руку, а концы

его хлопали на ветру, повиснув по обе стороны цепи.

– Неудивительно, что никто не пришел облегчить ваши «бесконечные страдания», если вы так себя ведете... – про- бурчал Гален.

Почерневшие и испещренные шрамами пальцы медленно разжались, отпуская цепь, и осторожно втянули плащ сквозь прутья внутрь. Азраил останавливался, чтобы высвободить каждый кусочек, когда ткань прокалывала игла или цеплял крюк.

– Спасибо тебе. Я не стал бы продавать мудрость за плащ, какие бы муки холода ни испытывал. Я не изменил себе и за королевство, так чего стоит одежда? Но я искренне благодарю тебя. Я раскрою тебе свои тайны, юноша.

V

Азраил говорил, и его слова плыли в холодной бескрайней ветреной тьме вокруг. Ночное небо было сверху над ними, ночное небо внизу.

– Ты помнишь, чему тебя учили? Оберон и дети Света не могли поддерживать сторожевой пост в запятнанном и грешном земном мире. Однако они не хотели, чтобы Утренняя Звезда легко завладел всем, дождавшись кончины своих смертных врагов. Но и смертным нельзя было полностью до-

верить оборону против врага. Некоторые люди, великие воины и рыцари, были опутаны сетями зачарованного сна, их доблесть и чистота сохранялись неизменными, чтобы проходящее время не дало бы преимущества вечному врагу мира. Другие – те, кто хранил серебряный ключ, не имели иного выбора, кроме как стоять на страже против наступления тьмы. Ибо только они могли пробудить Спящих.

– Я знаю. Нам полагается протрубить в рог и разбудить Спящих.

– Ага. Но знаешь ли, какой ценой? Спящие почивают не в этом мире, но в Келебрадоне. Когда Эвернесс разбудит Спящего короля и всех его рыцарей, Келебрадон победоносно спустится из круга Осенних Звезд. Ангелы и светлые альвы на его бастионах будут поднимать бледные знамена и петь хвалы Оберону. Оружие, хранившееся для последней битвы, выкованное в оружейнях небес, выйдет из укрытия и уничтожит слуг тьмы.

Битва грянет столь яростно, что запыхают и содрогнутся небо и земля, а после победы Оберон заново создаст мир, основанный на самых прекрасных мечтах человечества – а может быть, на представлениях самого Оберона, – чтобы им правили верные ему люди. Гален кивнул.

– Да. Я слышал об этом. Нам обещали место в этом новом мире.

– Со слугами Света обращаются лучше, чем со слугами Тьмы. Низшие рабы, которые служат черной башне Ахеро-

на, боятся и ненавидят перспективу победы тьмы так же отчаянно, как и мы. Последняя война означает приговор для тех, кто процветал до нее, – для шпионов, лазутчиков и предателей.

– Вы имеете в виду похитителей облика.

– Я имею в виду похитителей облика. Сэлки. Они коварный народ, и они боятся и ненавидят своего хозяина Утреннюю Звезду не меньше, а то и больше, чем ты. Властитель черного Ахерона перестанет нуждаться в шпионах и сэлки, если тьма победит, а если падет, сэлки будут сожжены светом. Среди народа сэлки один знает об этом, и он обещал нам помочь.

Перебежчик говорил со мной и рассказал, что Ахерон обязательно пошлет в битву на земле своих низших рабов, прежде чем призвать внешних богов или злого серафима, ибо Утренняя Звезда не может знать, где и когда проснутся Спящие в Келебрадоне. Шпион служит в авангарде, брошенном в горнило войны, и обещал сделать так, что передовой отряд падет, если те, кто сторожит в Эвернессе, смогут хотя бы показать, что располагают оружием иного мира. Один вид этого оружия отгонит наиболее слабых рабов Ахерона. Если это получится, предатель клянется ложью и обманом преувеличить все победы Света, отравить своими речами советников Ахерона, лишить их мужества, подготовить отступление и если не победу, то мир.

– Что это за оружие?

– Девять талисманов. Ты что, совсем ничего не знаешь, мальчик?

Гален умолк, стыдясь своего невежества. Он уговаривал себя, что у него нет причин для этого, но все равно сторал от стыда.

Азраил помолчал минуту и мягко продолжил:

– Чтобы победить девять великих зол, порожденных затонувшим Ахероном, в Каэр Леон из иного мира были принесены семь великих талисманов. Три хранились в Каэр Леоне у его величества Пендрагона; два были посланы его святейшеству Папе в Рим; один отправили императору в неприступный Константинополь, дом цезарей. Все они были могущественны, шесть талисманов памяти, но седьмой и самый могущественный из них был Клаваргент, серебряный ключ. Ни королю, ни священнику, ни императору не доверили серебряный ключ. Он был вручен Эвернессу, там скрыт и позабыт в доме памяти.

Азраил умолк. Гален ждал, не последует ли продолжение.

Затем Гален произнес:

– Ну, короля у нас больше нет... Папа по-прежнему в Риме. Мы не католики, но, наверное, он все равно поможет. И я даже не знаю, что за император имеется в виду. А Константинополь переименовали в Стамбул.

– Мрачные вести. Значит, талисманы рассеяны. Рассеяны, ибо уничтожить их нельзя. И только трем королевам ведомо, где они лежат теперь.

Основатель помолчал. Неуклюжими, медленными движениями он завернулся в плащ Галена.

– Нет императора? Да, мрачные вести.

Снова долгое молчание.

– Ну, а мне-то что делать? – спросил Гален. – Что мне сделать, чтобы найти эти талисманы?

Старший Уэйлок на некоторое время погрузился в глубокое раздумье, словно припоминая давний урок. Затем сказал:

– Смертным не положено ими пользоваться, ибо каждый из них проклят. Вот почему я говорил, что они должны быть показаны, но не применены. Каждый борется с одним из девяти зол, чье нашествие предсказывает морской колокол Виндьямара. Слушай, слушай внимательно и в здании твоей памяти помести каждую из этих вещей в центральный неф, на колонну, постамент или окно, чтобы вспомнить их, когда проснешься. Учти, я не могу повторять дважды.

VI

Азраил говорил:

– Первый – искусный в ворожбе
Могучий некромант.

Ни зверь, ни человек, себе
Он сердце вырвал сам.
Чтоб отогнать сию напасть,
Не нужен талисман:
Лишь тот, кто меч ему подаст,
Во власть его отдан.

Второе зло – гиганты тьмы,
Их плоть огонь и лед,
И жезл молнии один Погибель им несет.
Но возвращается назад Суровый Торков дар.
Лишь тот, кому неведом страх,
Сей выдержит удар.

И третье зло – князя штормов
В мятежной буре крыл.
Из них бечевкой и ключом
Один стреножен был.
Маг Франклин молнию хранить
Людской заставил кров,
Но гром и ветер грозových
Седлают скакунов.
Кольцо нибелунгов без хлопот,
Их бешенство смирит.
Сумеет взять его лишь тот,
Кто от любви бежит.

И зло четвертое – лгуны
Смеющиеся – сэлки.
Крадут у смертных плоть они,
Жестоки их проделки.
Лицо их истинное вмиг Откроет жезл Моли,
Но правда смертному сулит Пучину слез и боли.
Терять всего большее то,
Во что всем сердцем верил,
Но для невинного ничто Бесплотные потери.

Пятое – кэлпи табуны,
Сочатся гноем раны.
Грехом питаются они,
Им страшен лук Бельфана.
Ни гордый дух, ни сила рук
Ни долгое упорство —
Сгибает этот мощный лук Смиранных непокорство.

Шестое зло – могучий зверь
По имени война.
Богами в множество цепей
Закована она.
Но люди зверя из оков
Впускают сами в мир,
Победе, дочери его,
Готова сладкий пир.

Лишь светозарный Калибурн,
Меч праведных, уймет
Чудовище, копь вещей рун
Достойного найдет.
Меч похоронен глубоко
И крепко спит, доколь,
Восстав во славе ото сна,
Не явится король.

VII

Азраил умолк. Во тьме под ногами завывал ветер, и цепь слегка покачивалась. Гален, старательно сохраняя равновесие и внимательно ловя каждое слово, ждал продолжения, но молчание затягивалось.

Теперь юношу терзало двойное смущение. В конце концов, он и раньше слышал об этих талисманах; он всю жизнь про них знал, но называл их иначе. Семь знаков Виндьямара (как его учили) были начертаны на стенах башни под названием Два Дракона – старейшей части Эвернесского поместья, которую называли сердцем дома. Барельефы в замысловатом готическом стиле изображали нескольких чудищ, людей-тюленей и великанов, каждый из них держал знак, предвещающий их приход: молот, кольцо, жезл, лук, меч. А еще два знака Азраил пока не упомянул: чашу и, разумеет-

ся, рог.

Гален и не подозревал, что эти знаки являлись изображением настоящего оружия. Его учили, что они служат иной цели. Он пытался придумать, как бы непринужденно упомянуть, что он знал, о каких талисманах идет речь, дабы показать Азраилу, что он не настолько невежествен. Но это следовало поднести так, чтобы не показаться пустым хвастуном.

– Ну? Это лишь шесть ударов колокола, – заметил юноша. – Пять талисманов. А как насчет чаши? И рога?

– Ни один талисман не может встретить то, что поднимается из моря при семи ударах, кроме самого Титана. А если колокол прозвонит восьмой или последний раз, явится такое, что тебе не по силам. Ты не совладал бы с предназначенными для этого талисманами. Ответь мне, страж, сколько раз прозвонил колокол?

– Он звонил, не переставая.

– Дошло ли до сорока пяти? Это сумма всех зол, о которых предостерегает морской колокол. Это значит, что сам Ахерон, цитадель Утренней Звезды, готовится подняться из неизмеримых глубин.

– Я... Я не знаю. Может быть...

– Или стражи Эвернесса позабыли искусство счета? Это не так сложно, если есть пальцы на руках – для чисел меньше десяти и пальцы на ногах – для ровного счета. Не важно. Какой знак послал страж Виндьямара?

– Я видел черную чайку, держащую светильник эльфов.

– Это моя птица, мною пойманная и прирученная, и этот фонарь могло создать лишь мое искусство – в знак того, что она прилетела именно от меня. Разве ты не видишь, что мой знак пришел не из Виндьямара? Страж Виндьямара прислал бы тебе сон-предостережение, и Нимуэ подняла бы из чрева волн знак, какой талисман готовить: меч или кольцо, жезл или чашу, в соответствии с тем, какую форму примет нападение – войны или ветра, обмана или смерти. Какой знак показали тебе? Или ты не страж Эвернесса? Или ты не смотрел?

Младший Уэйлок едва не умирал от стыда. Больше всего в жизни ему хотелось, чтобы из всех людей на свете хорошо думал о нем именно Азраил де Грэй, основатель его рода, дома и ордена.

Дедушка говорил ему, что должен быть знак из Виндьямара, где в хрустальной гавани хранится морской колокол. А он решил, будто черная чайка и есть знак, и приперся сюда, чтобы услышать от самого основателя, что дедушка был прав.

Но затем смущение превратилось в ужас.

– Знак? Знака не было.

– А-а. Значит, Виндьямар захвачен врагом. – Очень холодный тон, которым это было произнесено, и блеск в глазах Азраила Галену не понравились. – Есть чему ужаснуться. Стражи Виндьямара не могли не послать знак, от которого столько зависит. Только предательство могло помешать им.

Только у врага достаточно сил, чтобы побороть их стойкость. Значит, трех королев схватили и увезли. В Настронд, в ужасный Настроил, к берегам, сложенным из костей убийц...

Холодный голос угас в молчании...

– И... и... что мне делать? Азраил склонил свою гордую голову.

– Нечего делать. Дело проиграно. Возвращайся домой и готовься погибнуть достойно. Самоубийство благороднее, чем пыточные ямы Ахерона.

– Должно быть что-то, что мы еще можем сделать!

– Лишь талисманы могут напугать авангард тьмы. Если передовой отряд победит, останется только разбудить Спящих и призвать на землю конец времен. Ты знаешь, где хранятся талисманы иного мира?

– Н-нет.

– И я не знаю.

– А кто знает?

– Три королевы Виндьямара. Но раз они не послали знак, призывающий тебя к войне, их можно считать захваченными или убитыми.

Гален долго стоял на цепи, глядя вниз между своих ступней. Головокружительная бескрайняя пустота, темнее полночи, бесконечно проваливалась под его взглядом.

Но она не казалась темнее или глубже, чем бездна у него внутри. Слова основателя эхом отдавались у него в мозгу: «захвачены или убиты»...

Вдруг младший Уэйлок поднял глаза.

– Если их схватили, куда их увезли? – Он выпрямился, голос его был чист и резок. – Если они в плену, кто их охраняет? Где?

Азраил негромко произнес:

– Ага. Теперь я слышу речь не мальчика, но мужа.

VIII

Азраил заговорил негромко и мрачно, и Галену пришлось наклониться ближе, чтобы расслышать его:

– Немногие знают, где лежит Настронд, что служит гаванью и местом встречи ужасного народа сэлки, но мне ведомо это скрытое место. Они могут унести трех пленных королев в затонувший и лишенный солнца Ахерон, или на замерзшие северные шхеры в Хизер-Блезер, или в башни без окон на унылых плоскогорьях Ухнумана на дальней стороне Луны – но сначала тюлениды волокут всех без исключения пленников на берег Настронда. Ибо так они проходят тайными путями в миры по ту сторону лунной сферы, в запретную верхнюю ночь, куда люди не могут попасть даже во сне. И ради этого сэлки обязаны угождать кровожадным нечеловеческим богам, охраняющим края, в которые никто в здравом уме соваться не смеет. Они подкупают богов, дабы те

закрывали глаза на незаконные перемещения. Каждый пленник подготовлен – опутан песней, словно гусеница шелком, и эта песня сэлки, пусть и исполненная ужаса, своими звуками заглушает пение того, что обитает по ту сторону стоячих звезд. Говорят, что из тех, кто слышал нечеловеческую музыку потусторонних краев, лишь сновидец Куран сумел очнуться от сна, сохранив рассудок. И даже ему не позволили возвратиться в свое тело на земле, и его тело умерло. Но ему была дарована в королевское владение вневременная и несокрушимая цитадель Келефес в облаках над внутренним морем – одновременно и в утешение, и в награду за беспримерную храбрость и стойкость его души и разума.

И мне не доставляет удовольствия рассказывать, откуда я это знаю, поскольку дело я имел с существом не вполне человеческим и заключал с ним страшные сделки. А пришло оно ко мне, потому что я увидел в темноте одну вещь.

Я видел то, что неведомо больше никому, будь то люди бодрствующие, окутанные сновидениями или перешедшие в великие сновидения истинной смерти. Ибо злоба тюремщиков Тириона подвесила мою маленькую клетку на гораздо более длинную цепь, чем у остальных, и на рассвете я гораздо ближе к пылающему дыханию солнца, когда оно поднимается снизу, а в сумерки гораздо дальше отодвинут от его тепла и гораздо глубже погружен в холодную бездну под нами.

Благодаря этому заливы за краем мира открываются мне шире, чем другим. Я вижу дальше, чем мои собратья-заключо-

ченные, и дальше, сдается мне, чем астрономы, робко выглядывающие со своими телескопами и зеркалами из-за кромки над нами. Они слишком близко к солнцу, чтобы как следует видеть во мраке. В темном одиночестве возрастает темная мудрость. Ибо я видел, откуда приходят черные корабли.

Надо ли мне рассказывать вам о черных кораблях, молодой человек? В разное время они посетили каждый порт в стране сновидений: верные Моммуру хрустально-облачные гавани, управляемые эльфами, рядом с океанами света; порты из кирпича и дерева, населенные теми, кого мы признали бы за людей; и громадные укрепленные железные мысы Нидвеллира над океанами кипящего камня – на протяжении всех циклов и эонов записанного времени они страшились черных кораблей и никогда не знали, с какой стороны света или с какого уровня сновидений они пожалуют. Но я знаю. Они приходят не с Земли, а из-за ее пределов.

Раз, и два, и три видел я их: чудовищно огромные, идут они под парусами вверх из бездны, невесомые, как грозовые облака. Обросшую льдом громаду парусов надувают безмянные ветра дальних глубин. Когда они поднимаются, фонари на них горят блуждающими огоньками болотного газа или тем сиянием, которое носят на хвосте светляки. Через заливы ночного воздуха я иногда слышал одинокие воющие голоса, распеваящие гимны тьме и боли – пеаны радости, какую находят в страданиях другого. И это доносящееся с кораблей пение перемежалось зловещим лающим смехом, рез-

кими командами, щелканьем бичей и воплями муки. И ни в одном из этих голосов не было ничего человеческого.

Когда бы ни поднялся корабль, на определенном расстоянии от кромки мира все огни на нем мгновенно гаснут, а все певцы умолкают. Бесшумнее мотылька плывет судно по тщательно выверенному курсу, проложенному так, чтобы спустаться только по самой темной части ночного неба, вдали от созвездий, дабы громада корабля не заслонила ни одну звезду, предупредив тем самым гарнизон Тириона о своем появлении.

Однажды, осмелев от безнадежности и отчаяния, при виде поднимающегося черного корабля я принялся распевать услышанные ранее грубые гимны. Я не умолк, когда корабль погасил все огни, но орал еще громче, выкрикивая богохульства вверх, в сторону моих почивающих тюремщиков.

Черный корабль убрал паруса и лег в дрейф, не зажигая огней, от южной оконечности Ориона, мимо Ригеля, который тогда стоял вровень с горизонтом. Спустили лоцманский бот, и темные горбатые фигуры склонились над заглушёнными веслами и погнали лодку через сумрачный воздух ко мне.

Лоцманский ботик подплыл туда, где в пустоте висела моя клетка, и я увидел на корме человеческую фигуру без лица. Между кружевным шейным платком и треуголкой виднелись нос и усы, как у кошки, и большие темные и влажные глаза – веселые глаза зверя, полные жестокости и смеха.

Шкура у него была черная и лоснящаяся. И когда он заговорил, обнажились острые клыки, белые и чистые, как у лисицы. Его теплое дыхание пахло сырой рыбой.

Он поднял руку в приветствии, и из кружевного рукава его роскошного морского камзола высунулась когтистая лапа, покрытая шерстью с тыльной стороны. Ладонь была бледная, с черными перепонками между фалангами пальцев.

Фыркая от смеха, наблюдал он жестокую пытку моего заключения и даже потрогал зазубренные крючья, украшающие эти прутья.

«Видать, народ наверху рыбачит, – заметил он. – Они оставили тебя висеть тут приманкой для левиафанов, что вращаются в безымянных океанах, куда впадают эти ледяные воды. Но, по-моему, ты слишком маленький кусочек, чтобы заставить их проглотить столько крючков. Ха! Или ты по дружбе обещал тамошним рыбакам пиццать и верещать, пока мы готовим свой милый сюрприз, обходя их незамысловатую оборону? Ты должен быть осторожен, мой тощий кусочек мяса, а то добрые люди, которые поместили тебя сюда, лишатся возможности ловить на живую приманку».

Я насмешливо посоветовал ему не рисковать и не бросаться угрозами. Он расхохотался и принялся описывать, каким пыткам он подверг бы меня, и наклонился к прутьям со своей саблей. Оружие оказалось в пределах моей досягаемости.

Следующая лодка с корабля принесла офицера рангом повыше и сохраняла почтительное расстояние, пока они со

мною торговались. Не стану утомлять тебя рассказом о том, какие клятвы были принесены в ту ночь и к каким ужасным силам они обращались. Но я признаюсь, что получил очень много тайной информации, которая может принести огромную пользу моему делу, имей я возможность открыть все своему племени. Морской народ оставил мне саблю и тюленью шкуру моего первого собеседника, да и не посмели они подойти достаточно близко, чтобы снять его тело с прутьев клетки. Я неплохо питался почти месяц.

Гален слушал и разглядывал теперь кровавые пятна на прутьях клетки с новым ужасом.

А затем Азраил негромко велел ему:

– Подойди ближе.

IX

Гален понимал, что мог в тот же миг повернуться, уйти и оказаться далеко от заключенного в клетке человека, вернуться к дедушке и больше не иметь ничего общего с этими темными делами. Но если он даже не попытается вызволить трех королев Виндьямара, если ничего не сделает, как сможет он стать достойным стражем?

Юноша наклонился ближе. Окровавленная рука Азраила протянулась и вцепилась ему в плечо. Гален поразился, ка-

кие это холодные и сильные пальцы. Ледяная длань протащила его вниз, пока лицо мальчика едва не коснулось шипов на прутьях. Юный маг в ужасе устался на шипы и крючья в нескольких дюймах от своих глаз.

Азраил прошептал:

– Предатель – сам тюлений царь. Его тайное имя Мананнан. Его эмиссар и посредник Дилан Ньёрдинг, ты узнаешь его по приметам, которые я тебе опишу. Они не посмеют причинить вред королевам древнего Виндьямара. Тюлений царь отдаст тебе трех королев. У них ты узнаешь местонахождение талисманов. Ты прикинешься сэлки с помощью темного искусства, которому я научился. Вот тебе шкура, натяни ее на себя: теперь ты станешь сэлки...

ГЛАВА 6

ПЕСНЬ СЭЛКИ

I

Гален продолжал рассказ:

– Основатель разъяснил мне, как найти берег Настроила. Тюленья шкура лежала у него в клетке, и он протянул ее мне, сказав, что отдает ее в обмен на плащ. Мне пришлось подобраться к самой клетке, прежде чем он передал мне шкуру через прутья. С ее помощью мне предстояло обрести способность прикидываться сэлки, чтоб подобраться к ним незамеченным. Азраил сказал, что к его клетке приходил советник и заместитель тюленьего царя. Он описал большого белого тюленя в пятнистой шкуре. В человеческом обличе тюлень предстает седовласым стариком, борода у которого тоже с проседью, «соль с перцем». Одевается он в зеленое и серое и носит на пальце серебряное кольцо с лунным камнем. Зовут этого сэлки Дилан, сын Нерея из дома Ньёрда. Существуют три племени сэлки: из колдовского города Ис, из Атлантиды и из Кантриф Гвиллодд... Ладно. Для тебя это не важно... Я спросил, как я докажу Дилану, что явился от Азраила, что

это не ловушка? Азраил обещал доверить мне тайну своей жизни, нечто, чему он научился у некроманта, с которым его познакомили сэлки. А затем он вытащил из-за пазухи – словно из самой грудной клетки, но при этом не вскрикнул и не поморщился – маленький хрустальный шарик, внутри которого сиял свет, похожий на цветок, который мерцал и пульсировал. Размером он был с детский мраморный шарик. Основатель велел мне его беречь и иметь при себе, когда прибуду к Дилану. Связной поймет, что это такое, и данное обстоятельство обеспечит успех делу, которому Азраил посвятил себя. С моей помощью Дилан позаботится, чтобы несправедливо заключенные были освобождены и те, кто должен вернуться на Землю, вернулись. Таковы были его слова.

Венди, слушавшая рассказ с огромным интересом, нетерпеливо зашелестела простынями.

– Но почему ты ему поверил? Я думала, сэлки – ваши враги! Плохие парни.

– Это правда. Но, в конце концов, один из трех князей бури работает на нас, так почему бы и не сэлки?

– Сам додумался?

– Нет, честно говоря, это он мне сказал. Азраил.

– Я бы задала ему гораздо больше вопросов относительно этого Дилана. Поинтересовалась бы, кто предал Виндьямар... Как мне нравится это название! Ну? Разве ты ничего такого у него не выяснил?

– Ну, я пытался, но как только он передал мне сияющий

мраморный шарик, то сразу словно заснул, рухнул на пол клетки. К тому же он сказал, что приближается рассвет и я должен отправляться немедля. Мне пришлось прыгать.

– С края мира?

– С края мира.

– И?.. – подтолкнула Венди.

– Что? – заморгал Га лен.

– И почему ты не сказал ему «нет»?

– Ну, не сказал, потому что... я хотел показать себя. А он был без сознания.

– Прыжки с края мира вряд ли полезны для здоровья. Неудивительно, что теперь ты призрак!

– Все было по-другому!

Венди вскинула бровь с выражением чрезвычайного недоверия. (Она тренировала этот взгляд перед зеркалом: так Вивьен Ли в «Унесенных ветром» смотрела на солдата армии северян перед тем, как его пристрелить. Это была одна из любимых гримас Венди.)

– Что ж, полагаю, ты исключительно юн и доверчив. Ой, не делай такое лицо – можно подумать, ты лягушку проглотил!

– Не глотал я лягушек... в смысле, ничего подобного я не делаю. – Гален покраснел как рак.

Он заметил, как хороша Венди в лунном свете, и ему больно было думать, что она старше него, тем более что вела она себя как младшая.

– Ты выглядишь именно так! – твердо заявила Венди, под-

крепив слова кивком.

– Как?

– Словно у тебя совесть нечиста. Для начала, почему этот парень оказался в клетке? Потому что ему стоит доверять или потому что... Погоди, Ему нельзя доверять?

– Он сказал, что знает, как мне выжить при падении! Ну, и он основатель моего ордена, и моего рода, и...

– И если бы он велел тебе спрыгнуть с моста, ты бы его послушался? Ой, погоди, – поправила она себя с важным видом, – тебе же не надо отвечать именно на этот вопрос, верно?

– Черные корабли плавают! Сэлки знают секрет.

– Правда? – Теперь Венди села на кровати. – Когда-то я умела летать. Хотелось бы вспомнить, как это делается. В чем же секрет?

– Если окунуть судно в кровь и желчь тринадцати юных эльфиек, убитых одним ударом серебряного ножа, можно...

– Блин. Круто.

– В смысле, это заклинание.

– Круто. Блин.

– Понимаешь, основатель – настоящий волшебник!

– И первым делом он наколдовал, чтобы ты перестал различать, что такое «хорошо» и что такое «плохо», так?

– О чем ты?

– Магия! Все это очень весело, пока кто-нибудь себе глаз не выколет, как говорит моя мама. Ты начинаешь считать

невероятные вещи абсолютно нормальными и недоумеваешь, что это все на тебя пялятся. Это как когда видишь слишком много убийств по телевизору и начинаешь думать, что убийство – это нормально. Мой папа убивает убийц. Твой волшебник просил тебя убивать фей?

– Красный рыцарь напал на меня первым! – возмутился юноша. – В смысле, нет. Я не убивал никаких... гм... фей.

– Тебе повезло!

– Нужды не было. У Азраила уже имелась бутылка крови и мозговой жидкости от...

– Пожалуйста. Выразить не могу, как мне не хочется слышать окончания этой фразы.

– Ладно. Основатель сказал мне, что он вымачивал плащ в крови достаточно долго и если я его надену...

– Круто. Ты полностью закутываешься в окровавленный плащ.

– Но ради доброго дела! Ну, типа того. Я думал, что спасу трех королев Виндьямара!

– Он велел тебе натянуть эту кровавую штуку и прыгнуть с края мира. И ты поверил ему.

– Дедушка тоже волшебник! Мы все волшебники.

– И если бы дедушка велел тебе утереть лицо кровавой простыней и прыгнуть с края мира, ты бы тоже послушался?

– Я всегда дедушку слушаюсь! Ну, как правило. Там была чрезвычайная ситуация, и мне надо было показать ему, что я знаю, что делаю, и...

– На самом деле? – весело спросила Венди.

– Что «на самом деле»?

– Ты знал, что делаешь?

– Ну, нет... Но основатель мне помогал.

Венди оставила эту реплику без комментария, хотя поджала алые губки с выражением девчачьего скептицизма. Она подалась вперед, приподняла подбородок, дабы иметь возможность взглянуть на своего призрачного посетителя снизу вверх сквозь путаницу черных кудрей, и вздернула бровь.

Под ее испытующим взглядом Гален повертел свое сияющее копьё, пожал плечами и произнес:

– Ну, может, идея была и не самая хорошая, но иногда приходится действовать на удачу и прыгать.

– Ты прыгнул?

– Прыгнул.

II

Гален падал сквозь незнакомые небеса и звездные системы, мимо проносились все знаки зодиака, а земные скалы слились в неясное пятно высоко за спиной. Час за часом, стремительно падая вниз, он наблюдал, как рассыпанные по бокам и под ногами созвездия становятся все четче, наполняются глубиной и оттенками за счет невидимых с родной

планеты звезд: Рак теперь выглядел крабом с ногами и клешнями и похожими на хлысты усами; ясно различались мерцающие звездным светом борода и суровые глаза Ориона-охотника; Большой Пес оказался волкодавом, поджарым и рычащим, а Малый Пес – веселым колли.

Однако вскоре даже зимние созвездия остались позади, и Гален очутился среди неведомых людям светил, где разворачивались картины странные, словно не поддающиеся расшифровке иероглифы на древних ацтекских пирамидах. Здесь были задумчивые фигуры в капюшонах, проекции заляпанных комками грязи зиккуратов и развалин, морские чудовища со множеством щупалец, паукообразные твари, насекомые королевы, пожирающие своих возлюбленных, сциллоногие матриархи с отверстым лоном и кровавым последом, пожираемым их собственным чудовищным потомством.

Гален защелкнул застежки тюленьей шкуры, и его ноги мгновенно стали сильными плавниками, а руки – лапами. Потом он дернул носом и увидел качающиеся перед глазами длинные вибриссы.

Он в восторге принялся бултыхаться и плескаться в окружающем океане ночи, который каким-то образом сделался темным и соленым, иссеченным несущимися наперерез друг другу волнами. Он обнаружил, что может теперь скакать, нырять и мчаться сквозь пенящуюся воду с головокружительной скоростью.

Некоторое время он потренировался, стремясь усовершенствовать свою маскировку, и испытал звериную радость и детский восторг от новообретенного умения плавать.

Как можно находиться в океане и при этом по-прежнему падать, словно кругом воздух, он так и не понял, но принял данное противоречие с логикой сновидца.

А моря вокруг него по мере падения истончались. И вот уже внизу остались только одно или два созвездия, а за ними темнота, где проплывали неясные огромные формы и грузно ворочались чудовищные необъятные твари.

Слева Гален снова увидел серые крутые лики земных скал и у их подножия на маленькой полоске земли, прежде чем оборваться в беззвездную тьму безымянных океанов нижнего неба, – берег, где швартовались высокие корабли.

Он изо всех сил поплыл туда, разгребая тугие волны. Перед ним высокими утесами вставали корни земли. По обе стороны покоились на якоре флотилии черных кораблей, ряды широких черных парусов, убранных на время стоянки. Дюны под его тюленьим брюхом состояли из бледно-желтого песка, перемешанного с острыми осколками костей, россыпью зубов, там и сям виднелись фрагменты кисти или скалилась округлость черепа. В сумраке казалось, будто кости сложены в кучки и выстроены ветром в ряды, а между ними залегли глубокие темные тени.

Гален с помощью плавников вытянул тело на берег, и стоило ему это проделать, как море за спиной исчезло. По-

лоска дюн теперь была козырьком перед длинным обрывом во тьму. И уже не осталось возможности уплыть вверх навстречу приливам ночи, чтобы вернуться в верхний мир. Покинуть этот берег – значит немедленно кануть в преисподнюю. Он оказался в ловушке.

Когда глаза привыкли к сумраку, юный маг разглядел у основания гигантского скального выступа трех связанных коронованных женщин в белых, черных и красных одеяниях: руки прикручены к щиколоткам, цепи железных ошейников захлестнуты вокруг колен.

Здесь были и другие, не принадлежащие человеческой расе. В черной тени дюн, как он видел теперь, горбились мохнатые округлые тела. Так могли бы выглядеть жирные люди с кошачьими мордами и обрубками вместо рук и ног.

Это были сэлки. Они лежали, как и он, на брюхе, а если двигались, то мучительно и неуклюже переваливались по песку с боку на бок. Некоторые – немногие – размером не отличались от него, прочие же оказались гигантскими быками, чье глубокое дыхание напоминало свист ветра в подземных пещерах.

Но они не просто дышали. Во мраке, лежа среди бесчисленных перемолотых человеческих костей, сэлки распевали:

В тиши глубин мы клича ждем,
Чтоб плоть живую снова рвать;
Нас ничему не удержать,
Когда во мраке канет все.

Конец голодной полосе!
Их жизнь и облик мы возьмем,
Их жен насильно заберем,
Когда во мраке канет все.

Среди людей во всей красе,
Лицом – как ты, но зверь умом,
Вдруг обернется друг врагом,
Когда во мраке канет все.

Гален слушал с растущим беспокойством. Неуклюже горбясь, он пополз было по песку к пленницам, затем остановился, заметив, что на него направлен блеск множества темных глаз с тупых концов массивных тюленьих тел.

Он едва не сомлел от облегчения, заметив рядом гигантского пятнистого альбиноса. Когда огромный тюлень повернулся к нему, его звериная голова украдкой откинулась назад и из небольшого отверстия на шее выглянула человеческая. Волосы у человека были седые, а борода – «соль с перцем».

Правая лапа тюленя внезапно обмякла, из щелки на брюхе появилась человеческая рука и незаметным движением нетерпеливо поманила его.

На руке Гален заметил серебряное кольцо с геммой из лунного камня – символ дома Ньёрда.

Стараясь не потревожить тюленью личину, юноша осто-

рожно выпростал руку из-под плаща. В высунувшейся из-под круглого пуза ладони был зажат мраморный шарик. Го-нец плотно стискивал кулак, опасаясь пропустить меж паль-цев хоть малейший лучик серебряного света, чтоб не сверк-нул в темноте.

Внезапно громким и радостным крещендо грянул припев:

Восстанет древний Ахерон
Увлечь людишек к их судьбе.
Слепых твердынь ужасен стон,
Предвечный мрак объем лет все!

Что им беда, отрада нам,
Мы уничтожим солнца свет.
Ослепнут люди навсегда.
Предвечный мрак изгладит все!

Гигантская туша Дилана встала на дыбы, вскинула повы-ше тюленье рыло и пропела звонко и весело:

Вот маловерный дурачок,
Он нас хотел перехитрить.
Его раскроем как стручок,
Чтоб мрак не смог его укрыть!
Как нам проныру проучить,
Что в гости к нам посмел заплыть?

Трио высоких, чистых голосов вступило в хор, и тут Га-

лен заметил, что связанные женские фигуры как-то странно корчатся и извиваются. Руки и ноги у них обвисли, волосы и лица смялись и отвалились – из широких щелей в королевских горлах выглядывали черные мохнатые улыбающиеся тюленьи рожи. Актеры выбрались из своих костюмов – пустые одежды из белой кожи, свисающие с тюленьих лап, складками опали на песок.

Кожа трех красивых женщин была содрана с их трупов, догадался Гален, а души, вероятно, уже погружены на черный корабль и отправлены вниз, в Ахерон.

Передразнивая три царственных голоса, тюлени запели:

Мы плоть на шкурку запасем,
А дух отправим в Ахерон.
Приимет косточки Настронд,
И мрак пожрет его совсем!

Гален скинул плащ сэлки и вскочил на ноги. Но Дилан схватил его за запястье той руки, в которой была зажата драгоценная огненная жемчужина. У человеческого лица Дилана остались острые, как у лисицы, зубы. Он наклонился, и челюсти сомкнулись на Галеновом запястье. Но юноша обнаружил, что снова облачен в доспехи и копьё по-прежнему у него в руке. Зубы Дилана ударились об наручъ, и сэлки отшатнулся, взыв от боли. В следующее мгновение ему пришлось спешно уклониться и отпрыгнуть, дабы избежать удара звездного копья.

Все оказалось ловушкой. Азраил не мог бы так обмануться. Среди сэлки не нашлось предателя – предателем был сам Азраил, который завел сюда Галена.

Здесь копые сияло ярче, чем Галену снилось когда-либо раньше. Тюлени помельче пугались его сияния и неуклюже ковыляли прочь, вопя от боли. Но более крупные напирали, даже когда свет обжигал им лапы и морды. Щурясь, подрагивая усами от ярости, громадные сэлки смыкали кольцо вокруг Галена.

Юный маг, напрягая все силы, вновь и вновь разил острыми четкими отработанными ударами. Один тюленид лежал мертвым на песке, другой истекал кровью.

Сейчас младший Уэйлок молча благословлял своего дедушку, который ежедневно заставлял его по многу часов упражняться с оружием, на взгляд внука бесполезным и безнадежно устаревшим. В результате блоки, контрудары и смертельные выпады получались легко, как на тренировке.

Возможно, потому, что он подумал о дедушке, Гален в то же мгновение увидел его в отдалении, прикованного за шею на борту одного из вытащенных на пляж черных кораблей. Отчаянными жестами дед показывал внуку, чтобы тот обернулся. Тот, подозревая уловку, сосредоточился на округлых фигурах, вздымающихся перед ним.

Внезапно позади раздался смех, и произошло какое-то движение. Гален повернулся и нанес неловкий удар.

Огромный чудовищный тюлень, размером больше вагона,

бросился на него со спины. Галеново копьё вонзилось великану в кошачью морду, но выбило только струйку крови – тварь оказалась слишком велика для эффективного удара. Великан прокатился через противника, выбив из него дыхание, и превратился в человека. Он поставил ногу юноше на горло.

Раздался голос, подобный рокоту морских волн:

– Привет, лягушонок, жалкий маленький шпион! Не из тех ли ты, что караулят Эвернесс, а? Вы припадаете к земле, словно жабы, опасливо выглядывая из-за своей распрекрасной высокой дамбы, чтоб с ужасом взирать на наше широкое, черное, соленое море. Хо-хо. А теперь ты заглянул так далеко, так далеко, и увидишь ты свою смерть. Как бы мне хотелось освежать тебя, сделать из твоей кожи красивый плащик и разгуливать в нем на человеческих ногах там, наверху, где, говорят, солнце светит! Но нет, нет, другой, а не я, будет носить твою красивую шкурку!

Гигантский оборотень без усилия поднял Галена и держал его одной рукой за запястье, ноги юноши брыкались высоко над костлявым песком. Гален мог достать его копьём, но достойный удар можно нанести только двумя руками, так что здоровенный тюлень лишь улыбался, когда свет наконечника жалил его.

Шагами величиной с фатом гигант направился по пляжу в сторону берега тьмы и длинного обрыва во мрак. Прочие тюлени лаяли, смеялись и вопили от восторга при виде этого.

Гален брыкался и извивался, но он был как маленький ребенок в руках высокого сильного мужчины. Тюленид хихикал, прищелкивал языком при виде столь отчаянной борьбы и жизнерадостно рокотал:

– Да не мучайся так! Проживу я без твоей белой шкурки на плащик! Хей-хо! У меня в гардеробе уже висит дюжина кавалеров из Виндьямара, и еще стражников, которых я зарканил, и девчонок, которых я удавил, и спящих младенцев, которых я вынул из колыбелей. Красивый город этот Виндьямар, словно синий цветок по волнам плывет, а Сапфировые башни такие гордые и высокие! Но есть и изнанка, темнота под его броней. Чародей дал нам пароль, открывающий нижние ворота. Мы убили стражей, присвоили их личины и отправились к ним домой, взяли их жен и отвели вниз по ступеням, где ждали в море остальные наши парни. А потом, понимаешь, был бал, и собралась вся знать. Но стражники, которым полагалось его охранять, к этому моменту уже все были наши. Только когда накрыли пиршественный стол и они увидели своих детей, разодетых в пух и прах и поданных в собственном соку с гарниром из риса, – только тогда они смекнули, что что-то не так, и догадались, почему плотно заперты двери. Скрипачи играли громко, заглушая вопли, а мы смеялись и пели. Те, кто слушал снаружи, сказали: «Да уж! Как весело проводит время знать на своем празднике!» После этого пригласить горожан во дворец, чтобы посмотреть на трех королев, было проще, чем глаз выколоть. И какими

надутыми и гордыми они пришли туда! Они драили туфли, расчесывали парики и, только оказавшись в тронном зале, увидели царственных дам в роскошных одеждах распятыми на стене за тронами. Некромант, старый пожиратель падали, что вечно крадется поблизости, вытягивал их души, словно старые зубы, прямо из мягких женственных животов и упаковывал в кедровую шкатулку, дабы отправить вниз в Ахерон-Под-Морем... А я?! Мне тоже пришлось одеться и изображать верховного капитана колокола с серебряной цепью и посохом из слоновой кости. Мне пришлось звонить в колокол. Чародей велел нам это сделать – долго и громко звонить в великий колокол, чтобы разбудить вас. Но тогда мы привязали к билу несколько самых беспокойных девчонок, герцогинь и юных графинь, и крушили им кости, когда они ударились о стенки колокола. Когда вся внутренняя часть волшебного колокола была залита девственной кровью, осквернена и запятнана, его магия испортилась, морской колокол треснул надвое и утонул. Где теперь твои прекрасные колокола и предупреждения, а, страж? Посмотри, как ты умираешь.

Гигант наклонился над краем песка, свесив добычу над беспокойной тьмой бездны.

Гален слышал дедушкин голос:

– Отпусти жемчужину! Не падай!

Юный Уэйлок не хотел, чтобы его снова перехитрили. Он не слушал существо, что прикидывалось дедушкой. В то самое мгновение, когда великан вытянул руку и собрался раз-

жать пальцы, Гален одной рукой поднял копьё и вонзил его в запястье держащей его громадной руки.

Без звука, все еще сжимая жемчужину, он упал.

III

Некоторое время Гален приходил в себя и гадал, лучше умереть или сойти с ума, чтобы его душу пожрали безымянные ужасы, которые ворочаются внизу, на пороге ведомого людям мира.

Затем позади возник свет, и он ощутил на щеке теплое и ласковое дыхание, пахнущее весной. Развернувшись в воздухе, он увидел стройную изящную фигурку сон-лошадки и ее лицо, похожее на оленье. Она была окружена сиянием собственного света.

Ты забыл, любимый, что я обещала прикрывать твою спину. Хотя я и не могла отнести тебя в безымянные края по ту сторону благого Тириона, я не говорила, что не сумею вынести тебя оттуда! – пропела она. – Сколько же благословений собрано для человека, а он о них так стремительно забывает! Милый мой, что ты делаешь в этом темном месте, падая в глубочайший мрак, откуда даже я не смогу тебя вытащить? Садись! И я полечу со скоростью грезы обратно – туда, где лежит твоя жизнь.

IV

– А потом я очутился здесь, – сказал Гален.

V

Венди спросила:

– Но почему ты пришел ко мне? Она сказала, что отнесет тебя обратно туда, где твоя жизнь, а я определенно не прячу ее под подушкой, не так ли? Кроме того, чего хотят добиться тюлени? Они ведь не собирались убивать тебя, правда?

Гален ответил:

– Шестьдесят восьмой страж Пенте Уэйлок написал сочинение, где доказывал, что состояние, называемое безумием, является различными формами попыток сэлки пожрать человеческие души, опустошить их изнутри, так сказать, и ходить в них по земле. Но они не в состоянии приспособиться к ограничениям реальности и продолжают видеть вещи, которых другие люди не видят. Поэтому мы считаем их безумными.

– Ну, и что теперь?

– Гм... В каком смысле? Делать больше нечего. Время вышло.

– Хорошо. Но что мы можем сделать сейчас? Если народ морского колокола истреблен, их королев больше нет – значит, аварийная сигнализация больше не работает, так? Твари могут проникнуть в мир справа и слева, верно?

Гален печально покачал головой.

– По-моему, ты не понимаешь, что это значит. Я видел, как сэлки собираются во всей мощи. Виндьямар пал, три благие королевы убиты, их души забрали, вероятно, в Ахерон. Единственное, что осталось сделать, это протрубить в рог. Протрубить в рог и разбудить Спящих. Это будет последняя битва. Конец мира. Моя семья выполнит свою миссию. Нам было приказано стеречь границы между явным и сонным миром. И мы стерегли. Годы шли и шли, а мы стерегли. Все позабыли о нас, а мы стерегли. Теперь враги, от которых мы стерегли мир, пришли. Пора трубить в рог. Делать больше нечего. Час последней битвы настал.

Венди ничего не сказала, но смотрела на него, склонив голову набок.

– Понимаешь, – пробормотал он, – наша семья призвана подать последний сигнал, как меня учили в детстве. Я полагаю, что все это правда. Ужасные духи поднимутся из бездны и попытаются захватить Землю. Чтобы победить их, мы должны призвать сверхъестественных воинов Света. Но

они могут уничтожить Землю во славе своего появления. Нам обещали. Давным-давно нам было обещано и скреплено страшными клятвами, что нам будет дарован новый и совершенный мир, новая родина – если нашей родине придет конец из-за чуждых сил, выпущенных на волю во время последней битвы. Это будет земля мира, сад восторга, совершенный и чистый. Но мне кажется, что если до этого дойдет, я предпочел бы мой старый грешный мир тому, новому. Я знаю теперь, на пороге тысячелетия, когда наша долгая служба почти окончена, что меня должна переполнять искренняя радость. Но я лишь напуган. Я еще молод. Я даже, кажется, не хочу искать последний рог. Но, полагаю, мне придется. Голос его был спокоен и мрачен.

– Ты способен уничтожить мир? Он ответил ей:

– Тебе надо найти моего дедушку и попросить его об этом.

VI

Венди моргнула. Затем фыркнула и пожала плечами:

– Ой, не дури! Мы не можем позволить миру сгинуть. У тебя такой мрачный вид, когда ты это говоришь! Итак, что мы можем сделать? Я хочу сказать, как сразиться с плохими парнями самостоятельно, не поднимая этих спящих ребят, кто бы они ни были?

– Смертным врагов не одолеть, – неуверенно произнес Гален. – Кроме того, нам не так приказывали. В смысле...

– А может, найти эти талисманы?

– Найти талисманы?

– Конечно! Штуки, про которые рассказывал Азраил. Жезл Моли, и волшебное кольцо, и меч, и прочие вещи. Мьёлльнир, лук и стрелы Бельфана. Предметы, которые побеждают тьму! В конце концов, зачем Азраилу выдумывать про них, какой смысл? Стало быть, нам надо их отыскать. Мы не можем просто торчать тут, разинув рот, как рыба на песке!

Гален, который как раз и стоял, отвесив челюсть, тут же закрыл рот.

– Моей семье положено лишь сторожить стену. Азраил сказал, что нам запрещено пользоваться этим оружием.

– Ну и что?! Может, он врет! Твари перебрались через стену! Что дальше?

– Полагаю, единственный, кто знает, где могут находиться талисманы, это дедушка. Он и раньше советовался во сне с королевами Виндьямара. Дед должен быть в доме. И инструменты нашего искусства тоже в нем. Там должен быть планетарий, построенный шестьдесят шестым стражем Архимедом Уэйлоком, где можно определить местонахождение сонных тварей, прошедших сквозь мглу. – Гален впервые заговорил четко и уверенно, словно речи Венди укрепили его решимость. – У нас есть еще целая библиотека, и большин-

ство томов ее пребывают в мире яви. Из них можно почерпнуть информацию о том, с чем мы имеем дело. Но я не могу просить о помощи больную женщину...

– Ха! Да я прекрасно себя чувствую, к тому же я старше тебя и, скорее всего, гораздо умнее – если спросишь моего мнения, чего ты, судя по выражению твоего лица, и не думал делать. Ты такой смешной, когда у тебя отвисает челюсть!

Гален опять смущенно захлопнул рот с видом слегка ошеломленным. Он выпрямился и заговорил тоном снисходительного мужского превосходства:

– Итак, сначала нам надо... Хм... – В голосе его снова зазвучала юношеская неуверенность. – Что же нам надо сделать в первую очередь?

– Сначала?! Давай-ка взглянем на жемчужину и поймем, что это такое.

– Жемчужину?

Венди закатила глаза.

– Ну, ты даешь! Штука, которую тебе дал Азраил де Грэй. Она ведь по-прежнему при тебе?

Гален сунул руку в свисающий с боевого пояса кошель.

– Да, думаю... вот она...

Он вытащил руку, и у него на ладони засиял окруженный лучами мягкого света и нежными брызгами искр, похожих на огненных бабочек, крохотный хрустальный шарик живой красоты.

Венди благоговейно затаила дыхание.

VII

Венди оторвала взгляд от живого света на Галеновой ладони и увидела, как бесшумно распахнулась дверь в коридор, хотя ничья рука не касалась ее. В дверном проеме встала похожая на труп жуткая черная фигура, узколикая и истощенная, облаченная в доспехи из человеческих костей и закутанная в саван из струящейся черноты.

Гален рывком сунул руку обратно в кошель, пряча свет, схватил копьё и принял стойку *en garde*: вес сбалансирован, ноги следка расставлены, колени полусогнуты. Левая рука впереди по древку твердо держит сияющее оружие, а правая, ближе к пятке копья, пребывает в движении, так что наколенник начинает раскачиваться и кружить, угрожая, обманывая.

– Снова ты?! – заорала Венди. – Убирайся! Кошей пригнулся, задевая короной из ногтей мертвецов за притолоку, и втек в комнату в облаке плаща.

– Некромант, изыди! – выкрикнул Гален. – Именем самой справедливости приказываю тебе: убирайся! Ни одна рука здесь не обнажит кровавый клинок! Ни одно сердце не истечет кровью, чтобы заполнить пустоту там, где ты некогда держал свое сердце.

Кощей заговорил холодным гулким голосом, словно изда- лека.

– Сын Адама, не для битвы пришел я теперь (к счастью для тебя, ибо сила моя ошеломила и поглотила бы тебя), но чтобы служить вестником тому, более ужасному, чем я, кто идет забрать тебя. Праотец твоей расы смертным грехом обрек все ваше племя в жертву идущему за мной. Твоя жизнь является расплатой за его первородный грех. Ты отрицаешь это?

– Я... я не понимаю, о чем ты говоришь...

В это мгновение Венди услышала отдаленный звон колокола, вероятно, в церкви или на часовой башне.

– Я вестник того, кому никто больше не может служить. Отринув человечность, я избежал судьбы, на которую первый из людей обрек своих детей. – Кощей поднял костлявый палец, указывая на дверь, и произнес громче: – Вы свидетели, духи мира, что он не отрицал мои слова и, следовательно, сознается и соглашается. Приди, смерть, и забери его душу! Но смотри, не повреди маленькую жизнь, которую он несет в кошеле. Она предназначена для его плоти магией сэлки. Он носил их одеяния, теперь они носят его.

Громадная черная когтистая рука, с пальцами длиннее ноги взрослого человека, просунулась в дверь, окруженная, словно грозовой тучей, облаком смрадной тьмы. Ее покрывали бурые наслоения засохшей крови, и от нее исходил такой ужасный пронизывающий холод, что длинные черные

когти покрывал иней.

Гален застыл парализованный, и черная лапа сомкнулась вокруг него, а перед Венди мелькнуло сквозь смыкающиеся просветы между пальцами, словно сквозь прутья клетки, искаженное ужасом лицо юноши.

Венди пронзительно закричала от страха и ярости, откинула покрывала и выпрыгнула из постели.

Как только ее ноги коснулись пола, она полностью проснулась и, моргая, уставилась в пустое пространство комнаты. Больничная палата выглядела точно так же, как прежде, в ней не было ни намека на присутствие Галена, Коцея или страшной когтистой лапы.

От окна на пол молча падал квадрат лунного света. Венди испытывала растущее чувство смертельного ужаса. Она была одна.

ГЛАВА 7

СТАРЫЕ РАНЫ

I

Ворон, прижав мускулистые руки к животу, словно там за-
таился узел боли, с поникшими плечами и остановившимся
взглядом медленно брел прочь от реанимационной палаты.

– Что я натворил... святая Катерина, что я натворил... –
снова и снова бормотал он про себя по-грузински.

В дальнем конце белого коридора молодая мать вводила
маленькую дочь от конторки, где подписывала бумаги и за-
полняла бланки. Девочка выглядела веселой, хотя личико ее
было бледное. Буquet воздушных шариков плыл у нее над го-
ловой, привязанный яркими разноцветными ленточками к
запястью.

– Пойдем, зайнька! Пора домой! Теперь нам гораздо луч-
ше. Тебе нравятся шарики?

Девчушка улыбнулась невинно и радостно и замахала руч-
кой, отчего разноцветные шарики задергались и заплясали.

Ворон отпрянул, не в силах выносить это зрелище. Кори-
доры казались ему тесными и душными. Он толкнул наруж-

ные двери и вышел на свежий ночной воздух.

Шатаясь, доплелся он до выходящей на парковку скамьи и уселся, тяжело дыша, положив локти на колени и свесив голову.

– Жарко нынче там внутри, а? – произнес грубый голос.

Ворон повернул голову. Рядом со скамьей в инвалидном кресле восседал коренастый мужчина. Залысины на лбу, мощная грудная клетка, здоровенные бицепсы, шейные и плечевые мышцы. Ноги его казались абсурдно тонкими и маленькими по сравнению с остальным телом. Ворон увидел его шрамы: один на щеке, один на руке, остальные, вероятно, скрывались под рубашкой. Лицо морщинистое и обветренное. Выглядел он лет на пятьдесят с хвостиком или на бодрые шестьдесят.

Мужчина в инвалидном кресле вынул из-за пазухи металлическую фляжку.

– Глотни, сынок. Похоже, тебе не повредит. – Он передал фляжку Ворону со словами: – Осторожно. Штука крепкая.

Ворон понюхал открытое горлышко фляги. От одного запаха алкоголя жгло глаза. Он запрокинул голову и сделал долгий глубокий глоток крепкого чистого напитка.

Питье яростным пламенем вспыхнуло у него в горле. Ворон не закашлялся и не ахнул, недрогнувшей рукой передал фляжку обратно.

Человек коротко смерил бородача взглядом и одобрительно кивнул.

Когда он сам отпил из фляги, то не сумел сделать это с лихостью сына гор. Его глоток был меньше, ему пришлось отнять флягу от губ, чтобы вдохнуть, а на глаза навернулись слезы.

Ворон с улыбкой покачал головой и протянул руку за флягой.

Человек молча передал ее, глядя при этом прямо в глаза соседу.

Ворон отпил еще – вдвое больше, вливая жидкое пламя себе в глотку. Отсалютовав фляжкой, он вернул ее владельцу. Щеки у него порозовели, но иных внешних признаков стресса не наблюдалось.

Человек в кресле вскинул брови и громко присвистнул от восхищения.

Ворон скромно кивнул в благодарность.

Другой улыбнулся в ответ. Его улыбка казалась крохотной трещиной на жестком, как железо, лице.

– Я Питер. А вы?

– Ворон.

– Где вы научились так пить, доктор Ворон?

– Я служил матросом на греческом сухогрузе, Питер. Я плавал по морям.

Питер хмыкнул и кивнул, отпив еще немного.

– Хороший человек.

Улыбка Ворона погасла. Он отвернулся и задумчиво уставился на огни парковки, на рельефную темноту кустов и де-

ревьев за ней.

– Я не хороший. Вовсе нет.

– М-м? Что ж ты натворил?

– Я заставил человека умереть, – негромко произнес Ворон. – Чтобы позволить жить маленькой красивой женщине. Один из них должен был умереть.

Питер протянул ему флягу.

– Что уж теперь поделать. Врачи постоянно сталкиваются с подобным выбором. Это тяжело. Чертовски тяжело, выбирать вот так. Решать, кому жить, а кому умереть. Я понимаю.

Ворон недоумевал, почему Питер принял его за врача, пока не сообразил, что по-прежнему облачен в белый лабораторный халат, который он стянул вечером из прачечной, чтобы проникнуть в палату к жене.

– Нет, – сказал Ворон. – Это не такой выбор. Женщина – моя жена. А тот молодой человек – я как бы убил его. Я убил человека. – Ворон отпил и передал флягу.

– Да, я знаю, каково это. Вы справитесь.

Питер сделал последний глоток из фляги и расстегнул куртку, чтобы убрать ее во внутренний карман. Когда пола куртки откинулась, Ворон увидел тяжелый длинноствольный пистолет в наплечной кобуре.

– Но позвольте вам сказать, – продолжал Питер, – не важно, насколько все плохо, не важно, кто живет и кто умирает, не важно, насколько вам больно, – вы в состоянии это вынести. Жена уходит? Вы справитесь. Сын связался с нарко-

тиками и сатанинскими культами? Справитесь. У отца едет крыша? Справитесь. Наступаете на мину и лишаетесь обеих ног: ни бега трусцой, ни скалолазания, ни танцев, ничего, никогда больше? Справитесь. Здесь один секрет: пока ваша совесть чиста, вы справитесь. Как будто между вами и миром трехдюймовая броня. Что бы ни происходило снаружи, пока ваша броня цела, мир вас не достанет и вы справитесь. Но если вы поступите неправильно – всё. Тогда граната пробилась вашу броню, она внутри вас, и вся шрапнель достанется вам, от этого не убежать и не выбраться наружу, потому что вы носите ее в себе. Человек с чистой совестью, даже если он теряет все, справится. Человек с нечистой совестью, даже если ему принадлежит весь мир, не справится ни с чем, сломается. Просто сломается, как сухая ветка. Улавливаете?

Ворон не шевельнулся и не ответил, только взгляд его сделался пустым и равнодушным, а щеки побледнели.

Питер ворчливо произнес:

– Расскажи мне об этой твоей жене, которую ты спас.

II

Ворон начал:

– Моя жена безумная. Не печально или страшно безумная, но все-таки. Безобидно безумная. Она бежит голышом

по лесам в надежде вспомнить, как можно летать. Она разговаривает с животными, а если сказать ей, что звери не отвечают, она смеется и говорит: ну, они же не виноваты, правда? И все время рассказывает про своих папу и маму.

Он продолжал:

– Послушать ее, так мать у нее самая красивая и мудрая женщина в мире, милосердная и добрая, никогда не сердится и не раздражается. А про отца она говорит, что другого такого человека нет: ловкий юрист, изобретатель, строитель домов и исцелитель болезней. Настоящий гений, этот ее папочка! Она битком набита историями о его великих деяниях! Она рассказывает мне о нем и обещает отвезти познакомиться с ним в его большое имение в Калифорнии, но поездка вечно откладывается. Она счастлива тем, что любит своего отца, а тот любит ее. Рассказывает об этом всем и каждому; такое вот счастливое хвастовство... Понимаете, я верил ей. Потому что, думал я, мы же в Америке. Земля Джефферсона, страна Эдисона, других блистательных людей. Почему бы не быть и человеку вроде ее отца, мастеру на все руки? Изобретательному, как Эдисон, смыслящему в архитектуре, как Джефферсон... Питер проворчал:

– Похоже на чувака в Калифорнии, как же его зовут-то? Тот хирург-новатор, которого достали постоянными судебными исками, и он стал юристом, а когда его достали ругательные статьи в газетах, он основал собственный издательский дом. Классический случай «из грязи в князи», насто-

ящий герой. Забавно, никак не припомню его имя. Не родственник, часом?

– Не думаю, что у нее вообще есть родственники.

– Как это?

– Я вам расскажу. Венди однажды пригласила кучу девочек из своего колледжа на «прием гостей в доме невесты с преподнесением свадебных подарков». Мне не полагалось присутствовать там, понимаете, поскольку я мужчина. Но одна из девушек, ее одноклассница, разыскала меня, пока я не уехал, и спросила, где же отец невесты, о котором она столько слышала. Такой великий человек! Будет ли отец на свадьбе? И я не знал, как сказать... – Голос Ворона горестно прервался.

– Отец умер? – высказал догадку Питер.

– Нет. Хуже. Там не было ни отца, ни матери. Ни гениального папочки, не безупречно красивой и ласковой мамочки. Когда я пытался разыскать их перед свадьбой, я звонил по телефону. Искал записи. Не нашел его имени ни в одной коллегии адвокатов, ни записей в медицинской школе, ни архитектурной лицензии. По адресу, названному Венди, действительно стоит большой каменный особняк, но там уже много лет никто не живет. Я спрашивал жену об этом, а она смеется и говорит, что папа в отъезде, может, у мамы в гостях. А после свадьбы... после свадьбы Венди сказала...

– Что?

– Венди сказала, что ее отец был на приеме (мы устраива-

ли прием в честь помолвки), что я жал ему руку, что я с ним разговаривал – но я об этом забыл. Я говорю, понимаете, что она сирота, а может быть, ее бросили. А она отвечает: ну и что? Разумеется, я безумная маленькая девочка (так она говорит), а как иначе я бы вышла за такого человека, как ты, и была бы счастлива? Вот что она говорила – что она счастлива. Как она смеялась! Так что я больше не ищу ее отца, поскольку думаю: а какая разница? – Ворон печально покачал головой.

– Кто оплачивал ее обучение в колледже? – спросил Питер.

– А... это странно. Понимаете, я не знаю, как она за него платит. У нее много красивых вещей, какие могли бы быть у дочери богатого человека. Я не знаю. Я не знаю, что и думать о ней. Но я очень сильно ее люблю. Я бы...

Ворон собирался сказать «я бы убил ради нее», но не смог произнести это вслух.

– Просто если человек не в себе, это еще не значит, что ты перестанешь его любить, – сказал Питер. – Я знаю. В моей семье есть такой.

III

– Говорят, в жены берут девушек, похожих на собствен-

ную мать. Это не про меня. Я постарался заполучить самую практичную, самую хитрую женщину. Ее звали Эмили. Практичная – не то слово. Мой старик спятил, и я хотел держать своего сына подальше от этого дурдома. Псих, но богатый. Когда меня направляли за море, Эмили растила мальчишка совершенно одна. Порой месяцами. Годами. Парню пришлось время отправляться в пансион и получить образование. Государственные школы в нашей части света полное дерьмо. Мы хотели послать его в военную академию, но это дорого. Эмили думала, что мой отец может себе это позволить, но папа соглашался дать ей деньги, только если она будет приносить к нему внука на лето. Я не хотел, чтобы мой старик ошивался возле мальчишки. У меня есть принципы. Но не у Эмили. Она была практична. А я торчал за морем. Я ничего не мог с этим поделать... Знаешь, когда ребята достигают определенного возраста, они напрочь перестают слушать, что говорят им родители. Они шатаются по округе, они читают книжки, где доказывается, что они не существуют или что все это ничто, и они думают, что никому такое раньше в голову не приходило. Так они пытаются сформировать собственные идеи. Может, ты не знаешь. Как правило, это идет им на пользу. Как правило. Но мой старик повлиял на мальчишку как раз в этом возрасте. Забил ему голову всякой чушью. Это его религия. Странная разновидность сатанизма, барахло в духе нью-эйдж. Мол, наше племя давным-давно изгнали из Англии вместе с первыми колонистами, но те буд-

то бы не были пуританами – нет, сэр, совсем не были... И вот, парень наслушался моего отца и очень скоро начал принимать наркотики, тарашиться в кристаллы и изучать книги по колдовству. Ну, вернулся я домой из последней командировки и закатил страшный скандал. Видишь ли, я думал, что Эмили на моей стороне. Но когда я вернулся, ноги у меня уже не действовали. За все эти годы в адовой кухне Вьетнама я не получил ни царапины. Но затем, когда я отправился в какую-то вонючую дыру на Ближнем Востоке – даже не в зоне боевых действий! – мне снесло коленные чашечки. Ёп-тыть. И сидеть мне теперь сиднем до конца жизни. Эмили это не понравилось. Она младше меня, она еще была привлекательна, и ей не хотелось провести остаток жизни прикованной к калекке. Вы удивитесь, как часто это случается. А я всегда считал, что надо держаться за людей: своих солдат, друзей, семьи. Держаться за них, даже когда тебе от этого никакого проку, даже если приходится ради этого идти на жертвы. Но Эмили так не считала. Она была практична. Она наняла адвоката и дала мне развод. Возможно, она сообразила, что я не буду особенно сопротивляться. Что ж, она верно рассчитала. Эта история разбила мне сердце. Мне, солдату!.. Не знаю, откуда у нее взялись деньги на адвоката, но не удивлюсь, если это папенькина заслуга. Потому что она получила и дом, и львиную долю моих ветеранских льгот, и опеку над парнем. А затем, разумеется, будучи молодой и хорошенькой, она пожелала снова выйти замуж и не хотела,

чтобы подросток болтался под ногами и отпугивал возможных претендентов. Поэтому она отправила сына жить к папаше, где он все глубже погружался в религиозную муть, пока не спятил окончательно. И я не мог заставить его вернуться домой. Судья сказал мне, что если я попытаюсь возобновить дело, то к тому времени, когда я отвоюю опеку, парень уже будет взрослый. На подобные дела уходят годы.

Ворон сказал:

– Думается мне, ужасно быть одиноким.

Питер мрачно кивнул.

– Прошло несколько месяцев, прежде чем мне хотя бы сообщили о том, что здесь происходит.

– Здесь?

– В больнице. Они не позвонили мне. Я даже не знал, что он здесь. Может быть, я вообще больше не числюсь его отцом. Мой пацан лежит в коме с весны. В августе я стал каждый день заезжать и сидеть рядом с ним, разговаривать или читать. Говорят, это помогает. Возможно, он слышит, а может быть, и нет. А он просто лежит, подключенный к машинам. Но для меня это не имеет значения. И его религия, и его безумие – ничто не имеет значения, понимаете? Я хочу, чтоб он жил. Чтобы он снова проснулся. Даже если он будет ненавидеть меня до конца своей жизни за то, как я с ним обращался, я предпочту, чтобы он был бодр, жив и здоров. Я понял, что и это не имеет значения... – Он похлопал ладонями по своим бесполезным ногам. – Я страшно жалел

себя где-то с год, после того как это случилось. Может, это единственное, чего Эмили не могла вынести: моей жалости к себе. Но смотреть на лицо моего малыша, лежащего здесь, практически мертвого, когда жизнь в нем поддерживает машина... Но все-таки он жив. И я оправился. Мне повезло больше, чем моему мальчику. Ведь жалость к себе – просто другое название эгоизма. И я чувствовал, как эгоизм отваливается от меня, пока я сидел там день за днем, глядя на него. Знаете почему? Потому что я в любую секунду поменялся бы с ним местами. Я бы лег в кому, чтоб он снова жил. Я бы сделал это для любого из моих ребят в бою; почему же мне не сделать того же для собственного сына? А когда ты готов отдать за кого-то жизнь, не станешь обращать внимания на его безумные идеи. Не обязательно смотреть человеку в глаза, чтобы любить его. И мне очень хочется, чтобы мой мальчик проснулся снова, чтобы я мог сказать ему об этом. Что я люблю его. Просто сказать.

– Надеюсь, ваш ребенок поправится и будет здоров, – сказал Ворон. – Когда болеют молодые – это гораздо печальнее, понимаете?

– Ага. Несколько часов назад они меня вызвали и сказали, что его состояние изменилось. Новая мозговая активность. Отличная от прежних волновых характеристик. У него случился приступ. Он начал просыпаться, но затем у него остановилось сердце. Забрали в реанимацию. Может, вы видели его там. Его зовут Гален. Гален Уэйлок.

IV

Ворон вскочил, на лице его был написан ужас.

– Он сказал, что тот человек останется мне неизвестен! Но теперь я его знаю! – Он спрятал лицо в ладонях и отвернулся от Питера.

– Что стряслось, приятель? Доктор Ворон? – Питер мощным движением ладоней развернул кресло на колесах вслед за собеседником.

Ворон взглянул сквозь пальцы как раз вовремя, чтобы увидеть, как распахнулись двери больницы. Там стояла Венди: сияющая и жизнерадостная, в бежевой юбке и жакетике, на ногах маленькие черные сапожки, одна рука размахивает дорожным чемоданчиком, с которым она прибыла в больницу. Она улыбалась, и ветер играл ее длинными черными волосами, разметавшимися и спутанными.

Венди протанцевала к Ворону и чмокнула его в щеку.

– Мне гораздо лучше! Перестань плакать. И... ой! Угадай, что?! Нам надо найти волшебные талисманы, чтобы изгнать темные силы, явившиеся из королевства кошмаров, прежде чем мир будет уничтожен. Мне помогает призрак, но его утащили, так что нам придется еще и его спасать. – Она повернулась к Питеру и сказала: – Привет! Меня зовут Венди!

Очень юная и встревоженная дамочка в блузке с тонкими розово-белыми полосками появилась в дверях, размахивая пачкой документов. Она торопливо бежала за Венди, выкрикивая, что та пока не может уйти, поскольку врач ее не осмотрел и не сделано никаких анализов, показывающих, что она здорова. Венди ущипнула девушку за щеку со словами:

– Ну, ну! Я прекрасно себя чувствую, спасибо. А теперь возвращайтесь к людям, которые действительно больны. Ворон! Они не хотят, чтобы я уехала, не подписав всю эту ерунду. Расскажи ей, как ты ненавидишь бумажную работу.

– Я Питер Уэйлок, мэ. Приятно познакомиться.

– Вы верите в исцеление верой? В чудеса? Со мной только что оно приключилось! Смотрите! – Венди закружилась на месте, волосы и подол летят, ладони раскрыты, лицо запрокинуто.

– Мэм, нам действительно нужно... – начала сотрудница больницы.

Ворон сказал:

– Слушайте, я подпишу! Здесь, здесь и здесь! В трех экземплярах! А теперь идите!

Он сердито нацарапал свое имя наугад поперек нескольких бумаг.

Женщина испуганно отпрянула.

– Э... да, доктор. – Она развернулась и сбежала.

– Что такое, Ворон? Ты не рад меня видеть?! – Венди,

пискнув от радости, заключила мужа в объятия.

Супруг настолько превосходил ее ростом, что ноги у нее оторвались от земли, когда она сомкнула руки на его шее.

Венди поцеловала мужа в бородатую щеку, сияющими глазами взглянула из-за его плеча на Питера.

– Вы сказали, Уэйлок? Ваш сын пришел ко мне в палату по лунному лучу. И рассказал совершенно удивительную историю! Вы собираетесь помочь ему спасти мир? Почему он призрак?

– Призрак?! – переспросил Питер. Лицо его окаменело. – Доктор Ворон, что все это значит?

Ворон отстранил жену и отступил на шаг назад. Венди уставилась на мужа округлившимися глазами, ее алые губы от удивления сложились буквой «о». Ворон тяжело дышал, лицо у него было дикое. Затем он повернулся к Питеру и заговорил дрожащим голосом.

– Очень жаль, мне очень жаль. Очень жаль. Это о вашем сыне. Плохие новости. Ваш сын мертв.

Ворон задержал дыхание.

– Да нет же, – произнес Питер тоном спокойного нетерпения.

– Я боюсь, он мертв, – говорил Ворон. – Я... Я, это...

– Он не умер, – повторил Питер. – Он стоит у вас за спиной.

Ворон круто обернулся.

– Привет, Гален! Ты меня помнишь? – Венди махала по-

завившемуся в дверях юноше.

Молодой человек стоял, держась обеими руками за створки, оглядывался по сторонам и часто моргал.

Ворон прижал руки к груди, и на лице его отразилось страшное смятение. Глаза его были красны от не пролитых слез, но черты озарились светом безумной надежды.

– Это была ложь. Дурной сон... Я не сделал ничего плохого...

Взгляд, обращенный молодым человеком в сторону Венди, был спокоен и отстранен. Он заговорил, и речь его была четкой и холодноватой:

– Мэм, простите меня, если я не очень хорошо припоминаю вас. Боюсь, затянувшееся выздоровление сказалось на моей памяти.

– Но я только что с тобой разговаривала!

– Как это возможно, если я едва очнулся после долгой и тяжелой болезни? – Юноша улыбнулся с прохладной вежливостью.

– Сын... – Голос Питера дрогнул. – Они сказали, что снова запустили твое сердце, но ты не проснешься до завтра. Говорили, что ты не сможешь ходить.

Молодой человек спокойно и пристально разглядывал лицо Питера.

– А, отец. Мне очень приятно снова увидеть тебя. – Он шагнул вперед, позволив дверям захлопнуться за спиной. – Пойдем отсюда. Хватит с меня этого места, оно тревожит ме-

ня. Молю тебя, вернемся в Эвернесс.

Венди прошла за ним несколько широких шагов и яростно произнесла:

– Ты Азраил де Грэй, не так ли? Ты хитростью заставил Галена вынести твою душу из клетки и послал его туда, где тюлений народ сделал из него оболочку, в которой мог бы ходить ты!

Взгляд, обращенный молодым человеком на нее, был столь холодным, змеиным, что Ворон машинально шагнул между ними. Юноша ничего не сказал, но повернулся и посмотрел на калеку, который сидел и моргал в нетерпеливом смятении.

Питер встретился глазами с Вороном и кивнул.

– Понимаю, что ты имел в виду, дружище. – Он постучал пальцем по виску. – Безобидна, а? Но чертовски хороша.

Юноша неподвижно наблюдал за отцом из-под полуопущенных век.

– Давай, – сказал Питер, поворачиваясь к мальчику, – пойдем. – И уже через плечо добавил: – Приятно было познакомиться с вами обоими...

Они двинулись прочь, к стоянке машин. Венди негромко сказала Ворону:

– Мы должны последовать за ними.

– Что-о-о? Почему это, птичка моя?

– Потому что это не Гален! – громко прошептала она. – Кто-то забрал его душу и поместил в его тело другого!

Ворон погладил бороду и, прищурившись, посмотрел на уходящего прочь под уличными фонарями юношу рядом с Питером. Затем он снова перевел озадаченный взгляд на жену.

V

Множество чудес и красот повидал Азраил де Грэй Уэйлок за свою неестественно долгую жизнь в краях глубокого сна. Видал он издали сияние восхода над Зимиамвией, где обитают бессмертные. Испытал вонь и ужас пропастей Цина. Навестил и берега Настронда, где режутся на кучах человеческих костей сэлки. Ступал по золотым улицам Келебрадона и сквозь слезы, вызванные сиянием крылатых существ, что проходили в неземной тишине по его проспектам, различал покойные сады, тенистые аллеи, тихие парки и соборы в том спящем увенчанном звездами городе.

Азраил де Грэй Уэйлок был одним из трех человеческих существ, кто когда-либо лицезрел глухие купола города палачей Ухнумана на плоскогорье на обратной стороне Луны. Он был одним из двоих людей, посетивших сложенную из оникса цитадель Великих, что дремлет на вершине неведомой горы в сумеречной холодной пустыне на севере мира сновидений. Он знал причину их отчужденного и величе-

ственного молчания. Он знал, почему, отпав от Моммура, они не присягнули Ахерону. И он был единственным человеком, кто знал край сияющих лугов, где в одиночестве гуляет единорог, легкими шагами тревожа поляны вечных, неувядающих прекрасных цветов. Он знал, где она обитает среди нежной красоты, не способной утолить ее печаль.

Несмотря на искушенность в сновидениях и все знания, полученные столь ужасной ценой, несмотря на свой бездонный опыт, Азраил де Грэй Уэйлок пережил настоящее изумление, когда вышел из дома целителей и снова вдохнул ночной воздух реального мира, завернувшись в плащ из кожи молодого человека.

VI

Странные, полные чудес ландшафты превосходили все его ожидания.

Черная и твердая, подобная застывшей лаве вулкана Инкуанок, поверхность под ногами пестрела геометрическими узорами из белых линий, словно искусное творение мастеров Нидвеллира. Над головой, сияя восхитительным светом, стройные шесты или копья из какого-то неизвестного эльфийского металла поддерживали хрустальные светильники, в которых жило неподвижное чистое пламя. Свет от этих бе-

лых огней был столь ярок, что Азраил сначала не понял, день на дворе или ночь. Он видел такие же огни, парящие под потолком в доме целителей, где они разговаривали между собой на странном шипящем языке, жужжа, как пчелы.

Под копиями там и сям припали к черной поверхности группы металлических хижин или коробок, приподнятых над землей на плоских цилиндрах. Каждая из этих хижин была слишком низкой, чтобы там мог обитать нормальный человек, но зато ее украшали громадные панели восхитительного хрусталя, такие чистые и большие, что Азраил затруднялся высчитать их цену, и такие прозрачные, что можно было разглядеть внутренности хижин. Скамьи внутри хижин располагались слишком близко друг к другу, чтобы там можно было сидеть, и смотрели все в одну сторону, словно вложенные одна в другую. На многих сиденьях валялся мусор.

За странным двором поднималась тонкая полоска деревьев, дальше просматривалась река движущихся огней, сияющих и вспыхивающих, как падающие звезды.

Немолчный рев и рокот доносились от этой реки, будто рев множества зверей.

За рекой и далее вздымались высокие башни, усеянные чистыми, немигающими огнями. Столь высокие, что Азраил де Грэй сначала по ошибке принял их за утесы. Эти строения взмывали выше башен Ниневии или великого Вавилона. Когда он, спрятав руку под куртку и отвернувшись от осталь-

ных, сотворил над сердцем знак Коф, в ответ не поступило никакого сигнала присутствия. Он понял, что башни выстроены не богами или бессмертными эльфами, но людьми. И улыбнулся про себя, когда это знание вошло в него.

За дверями дома целителей находились три фигуры: молодой титан с черной бородой, еще не обогнавший ростом обычных людей, облаченный в белое, словно жрец, девушка из рода фей, и калека в хитроумной повозке, сработанной в виде кресла. Назначение повозки было очевидно: с помощью колес она перемещала калеку в пространстве. Азраил восхитился искусством ремесленника.

Де Грэй распознал, что бородач в белом родом, скорее всего, с Кавказских гор, где обитают самые красивые из смертных. Знак огня у него на лбу свидетельствовал, что некогда он встретился с одной из вечных и древних сил мира, что старше богов. Поскольку единственной подобной силой в Кавказских горах оставался Прометей, творец человечества, Азраил догадался, что молодой титан, пока еще слишком юный, чтобы выделяться ростом среди людей, послан расстроить планы Азраила.

Ночная бабочка запорхала в воздухе над титаном и трижды обернулась противосолонь – ясный знак, что это охотник, который обитал в глубине великих лесов и знаком с искусством выслеживания и преследования.

Азраил предвидел появление охотников, но не так сразу. Затем он разглядел бледность правой руки бородастого тита-

на и понял, что тот прикасался к мечу Кощея Бессмертного. Знак слабости, проклятия. Де Грэй был уже почти готов пренебречь угрозой бородатого титана. Почти.

Когда юная фея подпрыгнула в воздух, чтобы обнять титана (очевидно, они были мужем и женой), Азраил внимательно проследил за ее ступнями. Он постарался заметить, насколько быстро тень девушки метнется обратно к ее ногам, когда фея снова коснется земли. Тени подошв, казалось, неохотно протянулись, чтобы охватить ее ноги, когда та опустилась на землю. Это был знак: ей ведома тайна полета.

Странное дело: одуванчики, росшие на небольшой полоске травы у дверей, не отреагировали, когда девочка-фея наступила на них. Азраил был озадачен. Может, волшебная кровь в ней не чистая?

Определенные предвещающие знаки привели его к пониманию, что в Эвернесс его отведет один из трех ожидающих. Которому из них судьба поручила отвезти Азраила туда?

Стоя на месте, де Грэй крепко зажмурился, пока не увидел плавающий во тьме свет Маспела, бесцветный и металлический. Затем, быстро-быстро моргая, посмотрел на каждую из трех фигур поочередно, дабы узреть тени, которые они отбрасывали в этом свете.

Переводя взгляд с одного лица на другое, Азраил узнал себя в разрезе глаз и форме подбородка калеки: это был человек из рода Уэйлоков. Цвета остаточного изображения и веера силы, исходящие от мужчины во всех направлениях,

открыли Азраилу, что это не просто Уэйлок, но страж Эвернесса собственной персоной.

И все же, как мог этот израненный человек быть наследником серебряного ключа? Для дедушки, о котором говорил Гален, он выглядел слишком молодо. Более того, перед внутренним взором Азраила маячил человек с окровавленными руками и толпой черных теней за спиной, смертельно раненных и вопиющих о мести. Так он определил, что мужчина является воином кровожадного Ареса.

Однако, как ни странно, при пристальном взгляде на этого человека не ощущалось холода, и волосы у него на загривке не шевелились, а сие означало, что мужчину не охраняет ни один из духов-защитников, которых страж Эвернесса мог по праву призвать из вод. В воздухе за спиной у мужчины вились пылинки, и по тому, как они перемешивались и танцевали, Азраил понял, что под курткой у того спрятано холодное железо, оружие огромной мощи, которое этот человек считает талисманом. Но это всего лишь смертное оружие, не обладающее духовной силой.

Азраила захлестнуло презрение. Коль скоро обязанности стража возложены на такого калеку, значит, дедушка провалился в глубины, куда не доходит солнечный свет. Этот человек – отступник, несведущий в высоких искусствах. Он бродит по земле беспомощный, как младенец, не имея при себе даже серебряного ножа для защиты от оборотня или соли, чтобы изгонять бесенят, не говоря уж о принадлежащих

ему по праву более мощных талисманов, способных отогнать древнейших воинов тьмы.

Чувство жаркого гнева стало для Азраила неожиданно: он и не представлял, как гордится своей великой семьей, их вечным терпением и верностью, их силой, их древней традицией, пока не увидел одного из своих отдаленных потомков – невежественного и неграмотного предателя великого наследия. Де Грэя удивило, что подобные соображения по-прежнему могут ранить его.

Юная фея заговорила с ним и сообщила всем, что он не Гален Уэйлок. Однако, будучи смертными, они проигнорировали ее слова, хотя она выразилась предельно четко и ясно. Азраил не ответил ей (дразнить фей – дурная примета), но подождал, пока калека, благодаря своему тупому невежеству, сам отмахнется от ее доводов.

Распрощавшись, они вдвоем двинулись прочь через двор. Азраил шагал рядом с креслом-повозкой. Такое начало возвращения в Эвернесс доставляло ему мрачное удовольствие. И он заметил, что бородатый титан у него за спиной рассматривает его с большим любопытством.

VII

Сын все больше беспокоил Питера Уэйлока – беспокоил,

сердил и бесил. Во время посадки в отцовскую машину со специальным ручным управлением Гален был очень медлителен и дезориентирован, спрашивал, куда надо придвигать эти кресла, а когда Питер напомнил ему о необходимости пристегнуться, выяснилось, что он забыл, как это делается. Когда завелся двигатель, Гален вздрогнул и заворчал, ухватившись правой рукой за левое бедро, а после выезда на дорогу сидел с каменным лицом, будто пытался сдержать беспричинную панику.

Но затем он расслабился и получал от поездки почти детское удовольствие, опустив окно и высунув голову наружу. И при этом благоговейно улыбался, словно консервативные сорок пять или пятьдесят пять миль в час, которых придерживался Питер, были феерической скоростью саней на «русских горках». Однажды юноша отметил «уверенный и ровный почерк» на дорожных знаках.

Поначалу Питер думал, что Гален глазеет на пролетающие мимо уличные фонари и фары, но затем его пронзила одна леденящая мысль, после чего нетерпение и гнев отчасти угасли.

– Ты, небось, и не знал, что зима кончилась. Деревья зазеленели, пока ты спал, – произнес Питер.

В этом было нечто печальное, почти жуткое. Он украдкой вытер глаза, проворчав вполголоса морское ругательство.

Гален втянул голову обратно в окно и осторожно посмотрел на Питера. Лицо его ничего не выражало.

– Полагаю, мир сильно изменился с тех пор, как я видел его наяву. Я верю, что все мои странности ты извинишь, отец.

Но Питер был занят собственными мыслями и не ответил.

Они долго ехали молча. Гален время от времени делал резкие вдохи, словно от испуга или от удивления, и Питер, на секунду отрываясь от дороги, замечал, как сын таращится то на щит с рекламой купальников, то на огни пролетающего самолета. Но вскоре они выехали за город, где вдоль дороги не было ничего, кроме деревьев, и юноша успокоился.

В конце концов Питер произнес:

– Да, с радостью – извиню твои странности, я хочу сказать. Ты теперь даже говоришь по-другому. Понимаю, ты набрался этого от деда. Мы с ним никогда не ладили. Но я хочу, чтобы ты знал... Ну, вся эта чепуха во время развода и после... Черт подери, парень, я пытаюсь тебе сказать – когда ты лежал там беспомощный, как младенец...

Гален обратил на него отчужденно-печальный взгляд.

Питер продолжал говорить:

– Это напомнило мне о том времени, когда ты был совсем маленьким. Знаешь, ты срыгивал на меня, или пачкал памперсы, или делал то, что делают все младенцы, потому что они младенцы, и меня ничто не раздражало. Не действовало на нервы. Потом, когда ты подросток, а я бывал рядом не так уж часто, ты отправился жить к бабушке. И это меня задело. Но я просто забыл, понимаешь? Я забыл, что, даже если твой

малыш вырос, ты не можешь перестать... ну, не можешь перестать переживать за него. Понимаешь?

– Не уверен, – холодно отозвался Гален. – Несомненно, дед хорошо знал традиции и мудрость нашего великого дома и, следовательно, мог подготовить меня должным образом, поскольку ты, по твоим словам, уезжал воевать.

Сказав это, он пристально наблюдал за Питером в ожидании реакции.

Питеру казалось, что под настороженностью сын прячет гнев, презрение и уязвленную гордость.

– Это я и пытаюсь сказать, сынок. Мне кое-что не нравилось, когда ты оставил меня, чтобы жить с дедом и его деньгами. Но я осознал, что я не прав. Ну вот, я это сказал. Прости. Я был не прав.

Гален сурово кивнул, и выражение его лица, казалось, смягчилось.

– Хорошо, что ты раскаиваешься. Я знаю, ты отвергаешь древние традиции нашего дома и позабыл клятву терпения и веры, которую мы, истинные стражи, должны блюсти. Но неписанный закон Эвернесса посылает зов, на который рано или поздно откликаются все, в ком течет наша кровь...

Теперь Гален погрузился в грезы, и суровость его черт на мгновение смягчилась, словно под гнетом вины и раскаяния.

С минуту они сидели в машине вместе, не глядя друг на друга, с одинаковым выражением лиц, наклонив головы вперед под одним и тем же углом, устремив озабоченный взгляд

в одну и ту же точку.

– Я понимаю, – сказал Питер, – если я не сердился, когда ты на меня срыгивал, я не должен обижаться и на менее значительные вещи. Я пытаюсь сказать тебе, что до сих пор люблю тебя, сынок. По-прежнему люблю тебя.

Затравленное, виноватое выражение проступило в глазах Галена. Дрожащими губами он произнес:

– Я тоже должен сделать признание. Страшное. Но пока я не увидел лицо одного из членов моей собственной семьи, я не осознавал истинной глубины того, что натворил. Я не понимал до конца, что значит быть предателем нашего рода. Но мы имеем дело с ужасными врагами, и нет никого, кому я мог бы доверить свои советы. Твой сын не умер. И я не твой сын.

Питер напрягся.

– Я тут пытаюсь извиниться, а ты говоришь такие вещи! Твой дед как-то высказал мне в лицо практически то же самое. Ты не мой сын, сказал он. Но он не называл меня предателем. Предателем чего?! Кучки обманщиков и психопатов?!

Тон Галена был надменен, остер и холоден.

– Правда? Вероятно, я неверно расценил пафос твоего извинения.

– Я не утверждал, будто сожалею о том, что оставил позади всю эту дурь. Я не говорил, что это не дурь. Я знаю, что ты по-настоящему веришь в это.

– Действительно верю, – негромко отозвался Гален, и намек на улыбку тронул его губы.

– Я всего лишь пытаюсь сказать, как мне жаль, что я ополчился на тебя за это. Понимаешь? Я не против, если ты хочешь прожить жизнь в ожидании возвращения короля Артура, ночи напролет слушая вместе с дедом, не предупредят ли вас морские колокола о разрушении мира. Давай, жди. – Питер глубоко вздохнул, явно успокаивая себя. И негромко продолжал: – Я всего лишь хотел сказать, что могу теперь с этим смириться. Мои чувства к тебе не изменятся.

Гален сардонически заметил:

– Стало быть, ты не даешь себе труда служить чести нашей семьи, но не станешь более проклинать собственного сына за то, что он повинуется отвергнутым тобой законам? Ты простишь ему его веру и постоянство. Благодарю тебя за терпимость. – Он издал лающий саркастический смешок и умолк.

Питера охватил такой гнев, что он покраснел и почувствовал, как пульсирует кровь в щеках и висках. Но он взял себя в руки и тихо произнес:

– В больнице я думал, что могу потерять тебя. Я не хочу тебя терять. Я хочу, чтобы у нас все было правильно. Надо держаться своей семьи.

Гален молчал, погруженный в себя. Затем он положил руку Питеру на плечо и сжал его.

– Ты прав: верность семье – это все, что есть у нас, одиноких в пустыне среди врагов и ложных друзей. Мы одной

крови, ты и я, и эту связь не порвать. Но даже если нам придется вступить в схватку – будем надеяться, что любовь отца и сына переживет смуту.

Питер погладил ладонь на своем плече, на его сердце по-теплело.

– Ладно, сынок. Только не надо нам драться.

– Пусть у нас будет праздничное настроение, у тебя и у меня! Мы возвращаемся в родовое гнездо. Я знаю, что это единственное место, которое не изменилось с тех пор, как я заснул.

– Парень, дед совсем испортил твою манеру говорить. Чего ты только не набрался из его книг.

– Скоро мы приедем в Эвернесс?

– Мы едем не туда.

Гален, казалось, расслабился, лицо разгладилось, но глаза поблескивали опасной задумчивостью.

– Нет? Однако мы все ближе к центру силы дома.

– Ну, сынок, я подумал, что мы с тобой могли бы остановиться в доме Эмили. Когда-то он был моим. Она туда не ездит, живет теперь у Уилбура. Они разрешили мне останавливаться там, когда навещаю тебя. Тоже мне, большая услуга: позволять человеку останавливаться в собственном доме. – Он презрительно фыркнул.

Гален осторожно произнес:

– Несомненно, дедушка тоже хочет меня увидеть. Чтобы увериться в моем добром здравии.

– Мы будем недалеко, – сказал Питер. – Может, ты его и наведишь.

Но по его тону было ясно: Питер сделает все, что в его силах, лишь бы этого не допустить.

Юноша положил руку на приборный щиток, словно впитывая мощные вибрации движущегося автомобиля, слушал приглушенный рев двигателя, подобный голосу неведомого и непостижимого зверя, и наблюдал за сложными быстрыми движениями, которыми Питер управлял своей огромной повозкой. Мрачный взгляд Галена был полон недоумения, словно лампочки и цифры приборной панели представляли для него непостижимую тайну, разгадать которую выше его сил. Затем он вздохнул и опустил обратно в кресло.

– А, ладно. Возможно, ты сможешь научить меня говорить так, как я говорил раньше, пока я не попал к бабушке.

Но Питер не слушал. Он вглядывался в зеркало заднего вида.

– Кто-то преследует нас. Эта машина едет за нами уже более часа.

ГЛАВА 8

СТРАННЫЙ И ДРЕВНИЙ ДОМ НЕИЗМЕННЫЙ

I

Ворон устроился на пассажирском сиденье и наблюдал, как пролетают один за другим отражения уличных фонарей на капоте. Венди рассказывала ему все о приключениях Галена Уэйлока в городе снов у края мира. Ворон был не в состоянии следовать логике рассказа, да и не пытался. Он устал. Как обычно, он поднялся на рассвете, а теперь просто позволял словам перекатываться через себя, как теплым и приятным морским волнам, против которых не выплывешь.

Время от времени он задремывал, и в полусне перед глазами у него проплывали навеянные рассказом Венди странные образы.

Он видел строй воинов в конических шлемах, в серебряных чешуйчатых доспехах. Вооруженные копьями звездного света, они несли вахту на бастионах громадной темной стены над бурным морем. Далеко внизу под этими рыцарями, сре-

ди жестоких морских волн мелькали черные твари, похожие на тюленей со светящимися глазами. Они молча проплывали под волнами, выжидая и наблюдая. Глубоко внизу, ниже тюленидов, простиралась бездна, а в бездне проступали контуры семи башен из черного алмаза, обросших ракушками и водорослями. На самой высокой башне сиял свет – яркий, словно поднимающаяся из глубины утренняя звезда.

Задремывая, Ворон снова видел расставленных на стене рыцарей, но их становилось все меньше. Два десятка, дюжина, горстка. Потом осталось двое: юный мальчик и старик, одни на титанической дамбе, последние защитники.

А прилив поднимался. С каждой волной морские твари подбирались все ближе.

Ворон представлял, что тюлениды начали карабкаться по скользким камням на укрепления, перебрасываясь гортанным кашлем и лающим смехом. Некоторые были одеты в пропитанные водой отрепья тел мертвых моряков. Морды других прикрывали маски из кожи, аккуратно срезанной с лиц трупов и натяженной поверх усатых рыл.

Когда Венди описывала ужасную огромную руку, которая явилась за Галеном и утащила его прочь, Ворон в полудреме видел окутанную тьмой необъятную громаду в капюшоне, гигантскими шагами пересекающую ночной мир, перешагивающую через деревья и дома. В одной руке она держала серп из черного железа, а в другой – клетку, наполненную мерцанием гаснущего света. Под капюшоном не было

ничего, и оттуда время от времени пробивались слабые лучи, словно лунный свет сквозь туман. И там, куда этот хилый серый свет падал, деревья засыхали, трава увядала, а мелкие юркие зверьки у дороги падали замертво.

Гигантская фигура в капюшоне перешагнула стену, сшибая камни, и побрела вброд по океану, оставляя косяки плавающей вверх брюхом рыбы там, куда падала тень ее плаща. Достигнув края мира, она поднялась по ступеням приростившегося на скале гигантского зиккурата и сделала знак кому-то у себя под ногами.

У лодыжек гиганта стояла еще одна тварь, облаченная в доспехи из мертвых человеческих костей, и выкрикивала в темноту тонким холодным голосом:

О Сулва, ты духов свирепых обитель! Край ледяной плоскогорий бесплодных, Повернись же скорее, чтоб мог ступить я На твою дальнюю темную сторону. Мне мертвого света понятна измена, Тобою свершенный известен мне грех. Последний из падших, пади на колена! Откройся, нижайшая сфера из всех!

По мере того как Кощей произносил эти слова, из-за горизонта поднимался шар Луны. Громадный, безжизненный, словно череп в небесах, он был во много раз крупнее, чем когда-либо доводилось видеть Ворону, и так близко к Земле, что великан одним широким медленным взмахом заку-

танной в развевающийся плащ руки сумел забросить клетку с заключенным в ней светом на бесплодную лунную поверхность.

И тут же целое стадо тучных слепых прокаженных выкарабкалось из кратеров и ям. Из пустых глазниц у них по дряблым щекам стекал гной. Они подхватили клетку, цепями приковали ее к тележке и потащили через горы на обратную сторону Луны. Один из этих слепых, гротескно тучных людей поднял покрытую струпьями тяжелую руку и указал вниз на Ворона, издавая встревоженное глухое уханье.

Кощей обернулся и посмотрел на Ворона.

– Здесь сновидец с Земли. Думаю, он слышал каждое произнесенное нами слово.

Ворон резко проснулся. Машина неслась по пустынной полосе скоростного шоссе на восток, навстречу полной луне, только начавшей подниматься между растущими вдоль дороги деревьями.

Венди произнесла сердитым, но почему-то жизнерадостным тоном:

– Ворон! Ты спишь? Ты не слышал ни слова из того, что я говорила!

– Нет-нет, – запротестовал Ворон, протирая глаза. – Я все слышал. По-твоему, сидя в клетке, Азраил научился у тюленидов менять шкуру, а также овладел искусством извлекать душу из тела. Он не мог выбраться из клетки, но мог просунуть через прутья душу. Гален относит ее в... как назывался этот берег костей? Настронд? Настронд. А сэлки помещают душу Азраила в тело Галена, чтобы он проснулся, так? – Ворон снова зевнул.

– Совершенно верно! – Венди улыбнулась мужу.

Мгновение они молча улыбались, глядя друг на друга полными любви глазами. Для Ворона ее счастливый вид был сокровищем, которое он не надеялся обрести вновь. Затем он вспомнил, что это сокровище – краденное, купленное ценой убийства.

– Смотри на дорогу, а не на меня! – Затем, когда автомобиль выровнялся и вернулся в свой ряд, он спросил: – Где машина, за которой мы едем?

Как же он позволил вести машину женщине, которую только этим вечером выпустили из больницы?

– Должно быть, он нас заметил! Он прибавил скорость и повернул, и мы их потеряли. – Венди замотала головой, и ее черные локоны бешено заплясали. – Это страшное бедствие! Если Азраил доберется до Эвернесса первым, может произойти что угодно! Не могу поверить, что ты проспал первую автомобильную погоню в моей жизни! Это было точно как в кино! Он сделал обратный поворот и поехал в дру-

гую сторону! Тормоза визжали, валил дым, и мне пришлось нажать на газ до упора, чтоб не отстать! Здорово!

– Это было на самом деле? – удивленно спросил Ворон.

Он не мог представить, чтобы тот спокойный мужчина, с которым он познакомился в больнице, производил такие опасные маневры.

– Разумеется, нет. Он просто свернул прежде, чем я успела остановиться. Когда я развернулась и подъехала к повороту, его уже и след простыл. Но та версия мне больше нравится. Именно так я, пожалуй, запишу в дневнике. Или, потвоему, дневники должны быть абсолютно честными? Как бы то ни было, меня это удивило, потому что он не должен был сворачивать с проселка еще пятнадцать миль. Он едет не туда.

Ворон прищурился, потирая глаза и лоб.

– А как получилось, что ты знаешь правильную дорогу, а он не знает?

– Глупенький! Гален рассказал мне, когда был привидением.

– И теперь мы едем в?..

– ... Эвернесс. Скорее всего, он заперт, но, возможно, тебе удастся проникнуть внутрь. Нам надо найти серебряный ключ до того, как им завладеет Азраил, потому что, готова поклясться, он попытается открыть врата в мир снов, выпустить черные орды Ахерона на землю и завоевать ее! Только не устраивай кавардак во время обыска. Это не наш дом.

– Хм. Да. Конечно. На работу мне послезавтра. У меня вечерняя смена: вечер воскресенья и утро понедельника. Надо посчитать бревна, которые лесорубы вывозят с северного склона заказника.

– У нас в запасе целые выходные! Уверена, мы успеем спасти мир от покорения империей падших ангелов, лежащей по ту сторону времени и пространства.

– А.

Она искоса взглянула на него.

– И что это «а» должно означать?

– Это просто «а», ты же знаешь. Обычное «а».

– Это не обычное «а». Я знаю твои «а», Ворон, сын Ворона! Это гнусное «а».

– Нет, не гнусное.

– Нет, гнусное. Это самое гнусное «а», какое мне доводилось слышать. Как ты мог!

– Как я мог что?

– Ты мне что, не веришь? – спросила Венди. Ворон открыл рот, чтобы ответить, и замер.

III

Верил ли он своей жене? Она безумна, он знал, но раньше этот вопрос никогда не волновал его. Ну и пусть она считает,

что у нее есть всемогущий папа и мама сверхъестественной красоты. Пускай себе думает, что умела летать, когда болела в детстве. Неважно. Было это правдой или нет, такие вещи не призывали Ворона ни к чему.

И даже теперь вопрос о том, беседовала Венди с привидением или нет, не вынуждал Ворона совершать необратимые действия. Возможно, они побродят вокруг дома (если Венди и впрямь его найдет!), ничего страшного здесь нет. Даже если они ввяжутся в какое-то затяжное приключение – работа у него государственная, и его, скорее всего, не уволят, даже если он прогуляет несколько дней. Он был грузином и не сомневался, что в Америке относится к национальному меньшинству, а со слов регионального менеджера он знал, что квота на меньшинства у них в районе низкая.

Так что какая, по сути, разница, верит он Венди или нет? Но все-таки...

До Ворона дошло: если он не верит жене, значит, ничего на самом деле и не было. Просто сон, иллюзия. Гален Уэйлок благополучно отправился домой с отцом, Венди чудом выздоровела. Не более того. Легче легкого. Всего-то надо забыть нависавшую над Вороном фигуру в костяном доспехе, а потом забыть, как он сам вложил бледное оружие убийства в тонкую серую руку...

Ворон яростно замотал головой. Презрение к себе прокралось на мгновение ему в душу, но тут же ушло.

– Конечно, я верю тебе, женушка моя. Я знаю, что в мире

есть необычные вещи – вещи, о которых люди не знают. Я сам порой вижу такое, чего никто не может объяснить. Отец вывез меня из России непостижимым способом. Я не в силах забыть, что в этом мире есть магия, как не способен забыть собственное имя! И поэтому я знаю, что мы должны ехать в Эвернесс.

– Хорошо! Но мне непонятно, куда направляется Азраил. Теперь рассмеялся Ворон. Ему-то было ясно.

– Азраил не умеет водить машину, так ведь? А ты не разговаривала с Питером, его отцом. Я разговаривал с Питером. Ха! Питер ни за что не повезет своего сына обратно в Эвернесс. Должно быть, они направляются в мотель или к Питеру домой. Сам он в Эвернесе не живет, не нравится ему это место.

– Спорим, он утратил веру. Ворон пожал плечами.

– По-моему, иногда очень легко уговорить себя не верить в какие-то вещи. Так проще. Не будь строга к нему, если тебя не искушали, понимаешь?

Венди рассмеялась.

– Меня тоже дразнили. Было бы гораздо легче сделать вид, что ничего необычного никогда не происходило. И, спорим, Иисусу было бы гораздо легче, притворись он, что не умеет превращать воду в вино или исцелять больных. Легче – не значит лучше.

Ворон погладил бороду.

Ему следовало быть умнее и не ожидать, что Венди про-

явит толику жалости или симпатии к тому, кто предал свои убеждения или поддался давлению со стороны себе подобных. Ни малейшего снисхождения.

Венди прищурилась.

– Может быть, неделя.

– Что «может быть, неделя»?

– Может быть, неделя пройдет, прежде чем Азраил сообразит, как добраться до дома. Вдруг он увидит по телевизору, как кто-то вызывает такси, и решит сделать так же. Или попросит соседа отвезти его.

Но Ворон снова задремывал. Когда подбородок уперся ему в грудь, он услышал прекрасный хрустальный женский голос: «Тебе показали это не случайно. Галена забрали в Ухнуман. Как раз теперь эхвиски прибыли на замороженное плато над равнинами Луука... »

Ворон вздернул голову.

– Что?

Машина остановилась. Они находились на узкой проселочной дороге, и луна освещала высокие столбы ворот из темного кирпича. За открытыми воротами грунтовая аллея ныряла в тень между двойными рядами спящих в лунном свете деревьев. Вдалеке слышалось море.

Венди сказала:

– Мы приехали туда, где живет Гален. Смотри!

IV

Место оказалось не таким, как ожидал Ворон. Небольшая одноэтажная хижина напоминала коробку с пристроенным к ней гаражом в алюминиевой облицовке. Невысокую квадратную хатку, притиснутую к клочку земли, окружали высокие деревья, словно скрывая от взглядов. Ворон слышал грохот волн и чуял аромат сада с лекарственными растениями, ловил шелест осенних листьев в океанском бризе. Но отсюда нельзя было разглядеть ни береговых скал, ни садов.

И с подъездной аллеи эта маленькая хижина не просматривалась. Только острые глаза Ворона уловили следы шин, ведущие к этому уединенному местечку. Усаженная деревьями дорога уходила к морю. А супруги еще не выяснили, что лежит впереди.

Ворон оторвал взгляд от травы перед порогом и выпрямился. В темноте было сложно разобрать что-либо даже с фонариком, но он сказал:

– Сюда несколько месяцев никто не приезжал. Смотри, там, где проходила колея, за лето выросли новые побеги. Теперь осень. Ни одного сломанного стебля.

– И ладно! – отозвалась Венди и протанцевала мимо него к двери, положила ладонь на ручку, повернула, толкнула и крикнула: – Привет! Привет! Кто-нибудь дома?

– Погоди, – встревожился Ворон. Дверь бесшумно распахнулась.

Венди замерла в темном дверном проеме, оглядываясь через плечо: бровь вздернута, сбоку улыбающегося рта мерцает ямочка.

– Ну? – шепнула она с хрипотцой. – Что теперь, большой мальчик?

Ворон знал, что бессмысленно спорить с женой, когда она примеривает свое любимое надменное выражение. Тем не менее он продолжил:

– Нельзя заходить в дом человека, если там его нет.

– Так не заперто же.

– В сельской местности, вдали от города, многим людям не приходит в голову запира́ть дома на ночь.

– Гален бы не возражал!

– Он привидение.

– Ну, Ворон! – Она топнула ножкой и откинула волосы назад. – Иногда ты такой глупый! Мы тут беспокоимся о нарушении закона, когда в мир, может быть, вторглись силы империи тьмы, смерти и судьбы! И худшее, что может случиться, если мы ворвемся внутрь, – нас расстреляют или бросят в тюрьму. Святая скорбь! Иногда мне кажется, что у тебя отсутствует чувство меры!

И она ускакала внутрь, включая по пути свет и выкрикивая веселые приветствия.

Источники света в доме соединялись в цепь, которая прерывалась, если какая-то из тяжелых ставен оказывалась открыта. Венди это восхитило, и она провела несколько секунд, закрывая и открывая ставни, чтобы фонарики мигали.

– Точно маленькие лампочки в холодильнике! – сказала она.

Современная кухня отделялась стойкой от основного помещения, где находились несколько книжных полок, большая дорогая стереосистема и складной диван. Моргая от мелькания света, Ворон открыл раздвижные двери между двумя книжными полками.

– Там спортзал. Полно старомодного оружия, копий и мечей. Тренировочное седло на стенде и турнирные копыя. А лошади нет.

Венди тем временем оставила в покое ставни и обнаружила маленький чулан с бетонным полом, где помещались стиральная машина и сушилка. Дверь за ними вела в пустующий гараж. Вторая дверь выходила из кухни в ванную с очень дорогими медицинскими препаратами, заполнявшими три стеклянных шкафа.

– Только три комнаты, – подвел итог Ворон, поднимая будильник со столика около складного дивана. – Кухня, спорт-

зал, библиотека. Диван в библиотеке разложен для спанья. Что это значит?

Венди сказала:

– Два человека здесь жить не могли. Значит, это не главный дом. Идем.

– Минуточку. Я еще не проверил дверь за спортзалом.

За той дверью оказалась белая комната, где находилась какая-то цистерна с водой, куда уходили трубки и изолированные провода. Провода подсоединялись к медицинским записывающим инструментам возле цистерны. Полки в этой комнате ломались от компьютерных распечаток с данными о пульсе и дыхании и с кривыми электроэнцефалограмм.

– Венди, по-моему, это все очень странно, – сказал Ворон.

Жена его тем временем кружилась по темному спортзалу.

– Точно как мой балетный класс! Смотри, здесь зеркала, и брусья, и все прочее. Хм, я и не знала, что фехтовальщики пользовались щитами. А комната такая чистая и большая! Спорим, он использует ее для медитаций. Здесь как в дзенском монастыре, где я бывала. Отличный пол из твердого дерева. Тебе не кажется, что это хорошо для танцев?

Ворон открыл цистерну и заглянул внутрь. Там плавало ложе из надувных подушек. Пахло соленой водой. Венди отошла к двери, надев проволочную фехтовальную маску и держа в руке моргенштерн.

– Ты готов? – прощebetала она.

– Венди, тут самое странное. Это, как ты это называешь? Я

не знаю английских слов. КГБ использовало подобные штуки, чтобы ломать заключенных, заставив их утратить ощущение времени и пространства.

– Камера сенсорной депривации, – ответила Венди. – По моему, не так уж и странно. Эта комната служила ему для обучения сновидению. А та – для отработки боевых приемов. Вполне естественно для того, чья жизнь проходит в сражениях в царстве снов, не так ли? Но если ты хочешь увидеть нечто действительно необычное, спорим, надо пойти в главный дом!

VI

Они увидели Высокий дом, Эвернесс, как и полагается, ночью, с клубящимися на переднем плане прядями таинственного светящегося тумана.

Туман внизу и темные облака наверху пронизывали серебряные отблески луны. С обеих сторон особняк окружали шепчущие тени вечнозеленых растений. Воздух дышал свежестью, приправленной ароматом трав из огороженного стеной садика. Молчание темного здания подчеркивалось приглушенным рокотом моря.

Они припарковались, потому что две высокие колонны в конце аллеи, черная и белая, стояли слишком близко друг

к другу и машина между ними проехать не могла. Супруги прошли между черной и белой колоннами. Венди вздохнула и сказала:

– Ну, разве не чудесно? Я чувствую себя будто во сне. Или в романе! Могут ли люди переходить от бодрствования к сновидению, не ложась спать?

Перед ними вздымался, отливая серым железом, крутой скат крыши над хмурыми стенами без дверей. Над крышей и позади нее выростала центральная башня из массивных блоков, прочная и очень древняя. Шпалеры плюща, ползучей розы и виноградных лоз лепились к ее стенам, благоуханными тенями смягчая суровый контур. Горгульи и морды гномов выглядывали из массы листьев у верхней части башни. На вершине купола била копытами статуя крылатого коня, вставшая на дыбы в звездном свете.

Налево и направо от ворот раскинулись западное и восточное крылья здания. Между ними лежал газон, так что домик привратника и колонны-близнецы оказывались как бы в объятиях главного строения. Западное крыло слева от них кончалось подобием крепости с увенчанными башенками стенами и тяжелыми дверьми, окованными тройными полосами железа. Окна здесь представляли собой щели для лучников.

Когда они постучали в эти двери, никакого ответа не последовало, и Венди, забравшись мужу на плечи, сумела разглядеть сквозь оконные щели множество доспехов и копий.

На стенах висели собранные павлиньими хвостами мечи. Но людей не было.

Справа южное крыло выходило в громадную оранжерею, чья стеклянная крыша и многочисленные боковые стекла сияли в звездном свете, словно хрустальная пагода. За стеклянными панелями, как прожилки в мраморе, виднелись тени ветвей и сучьев.

Они обошли южное крыло и увидели под луной гармонически устроенный аптекарский огород. Вдоль осыпающейся черной стены на востоке выстроилась шеренга деревьев в кадках. В некоторых местах стена была по плечо, в других развалилась совсем. Через нее долетал запах и шум моря.

– Что ж! – сказала Венди, уперев руки в бока. – Это больше похоже на правду! Я сразу вижу, если дом волшебный!

Ворон потянул высокие двери резного стекла на южной стороне. Закрыто.

– Может, люди входят туда и выходят при помощи магии? Двери заперты. Наверное, все ушли. По-моему, нам следует сделать то же самое, а? Обыкновенным людям здесь не место.

Венди взяла его за руку и улыбнулась.

– Ну, ты мне обыкновенным не кажешься, что бы там папа ни говорил. Давай посмотрим с той стороны восточного крыла, ладно?

Ворон мрачно кивнул.

Молча пройдя между стеклянными стенами дендрария и

аптекарским огородом, они вышли во дворик между южным и восточным крыльями здания. Мощные двойные двери между колоннами из потускневшей меди выходили в этот двор.

Справа от дверей восточное крыло оканчивалось подобием часовни. На шпиле строения помещался тяжелый каменный кельтский крест, крутую крышу из серой черепицы покрывал лишайник, а коричневые кирпичные стены прорезали узкие арки дымчатого стекла, чьи темные озерца ловили отблески света далекой луны. Возможно, это была и не часовня, поскольку на ее верхнем этаже имелись три широких балкона, выходящих на дамбу. Венди заявила, что видит стоящих у окон людей, и Ворон заметил неподвижные силуэты с высокими копьями, в шлемах с плюмажами, смотрящие на восток и на юг.

Во дворе Венди беспечно порхнула к безмолвному фонтану, ее распахнутые глаза сияли от восторга. Кромку чаши фонтана украшали двенадцать статуй. Молодая женщина забралась на край между мальчиком с кувшином в руках и натягивающим лук кентавром.

– Ворон, смотри! – воскликнула она, указывая. Дно водоема было покрыто металлом подобно гладкому серебристому зеркалу. – Это же я!

Ворон, заглянув через плечо припавшего к земле льва, подумал, что видит водяную нимфу – прекрасную, как его жена, только парящую вверх ногами, а звезды и черно-сереб-

ряные облака запутались у нее в волосах. Из ее руки, кувыркаясь, вверх взлетела монетка, которая коснулась монетки, брошенной Венди. Оба пенни исчезли в момент соприкосновения, а красивая перевернутая женщина и небо за ней распались на концентрические круги и растаяли в хаосе.

ГЛАВА 9

БИБЛИОТЕКА

ПОВЕЛИТЕЛЕЙ СНОВ

I

Огромные двери из красного дерева, отделанные панелями с изображением двуликого профиля человека в римских доспехах, тоже оказались заперты.

– Там никого нет, – резюмировал Ворон, глядя на темное и безмолвное здание.

– Не может быть! Это просто ужасно! Без дедушки нам не найти волшебные вещи!

– Взгляни на сорняки на тропинке. У порога скопились опавшие листья. Петли заржавели. Думаю, никто не ступал здесь уже долгое время.

В окнах не было огней, ни шума, ни движения.

Венди, встав на цыпочки, прижалась лицом к щеке святого из темного стекла, словно целуя его, и загородила лицо ладонями.

– Я что-то вижу. Свет, скачущий вверх-вниз. Может, это

эльф!

Супруги в молчании ждали перед запертыми темными дверями. Они взялись за руки. Лицо Ворона было мрачно, но Венди улыбалась, едва не подпрыгивая от возбуждения. Бородач, видя радость жены, сжал ее руку, и, когда она посмотрела на него, его мрачность дала трещину и усы медленно изогнулись в улыбке.

– Еще раз, что мы здесь делаем? – спросил он. – Я забыл. Венди закатила глаза и подчеркнуто вздохнула.

– Нам надо найти магические штуки, чтобы отогнать тьму. Гален не знал, где они, ключ, рог и остальные, но дедушка должен знать. И как только он разберется, что пошло не так, мы сможем все исправить и спасти Галена!

Затем они снова умолкли, заслышав движение за дверью. Молчание тянулось. Прошла минута. Очень медленно, скрипя заржавленными петлями, дверь отворилась.

– Только посмотри! – воскликнула Венди. – Прямо как в кино!

Человек, открывший дверь, держал в руке коптящую лампу и моргал, явно пытаясь разгадать смысл последнего замечания Венди.

Прямая фигура незнакомца излучала достоинство. Сидна окрасила густые волосы в цвет соли с перцем. Черные угловатые брови и усы придавали ему сардонический, мефистофельский вид. Эспаньолка вся побелела, только в углах рта оставались полоски черных волос. На нем было длинное

пальто с капюшоном, какое мог бы носить офицер времен гражданской войны. Поднятый от холода воротник придавал ему чопорный, старомодный вид, и Ворон сначала принял его за министра в отставке.

Человек одной рукой поднял лампу, а другой водрузил на нос висевшее на цепочке пенсне со стеклами в форме полумесяцев и, прежде чем заговорить, внимательно рассмотрел пришельцев.

– Стало быть, вас прислали? – говорил он слегка в нос.

В угрюмом тоне четко слышался британский акцент. Тусклый взгляд и неверная походка навели Ворона на мысль, что незнакомец очень устал.

Венди радостно кивнула.

– Мы прибыли из больницы!

Человек заметил халат Ворона.

– Значит, не успели переодеться? Это очень хорошо. Я отстоял долгую вахту; уже двое суток без сна, и мне нужен хоть небольшой отдых. Сюда, пожалуйста. И, будьте добры, не включайте фонарик.

Медленными шагами незнакомец повел их через огромный зал. Свет лампы не достигал стен. Смутные отблески над головой намекали на присутствие люстры. Округлые металлические тени в отдалении заставляли предполагать наличие доспехов.

Трое двинулись по широкой лестнице на балкон.

– Как вас зовут? Я Венди! В смысле, как ваше имя? – вы-

палила юная женщина. – Я же не могу звать вас «дедушкой».

Перед ними открылся широкий коридор, расходящийся в обе стороны полукругом, словно обнимая центральную башню. Провожатый свернул направо.

Слева тянулась голая каменная стена, справа – высокие арочные проемы, охраняемые статуями. Перед ближней аркой бородатый старик с трезубцем трубил в морскую раковину. У следующего прохода восседал на орлином троне король с изломанным, словно молния, скипетром в руке. Дальше по кругу маячила задрапированная в тяжелые одеяния фигура, лицо ее скрывал тяжелый черный шлем. За этой статуей, охраняя соседнюю с хозяином трезубца арку, стоял юноша с арфой и луком. Из-за движения отбрасываемых мерцающей лампой теней казалось, будто слепые глаза статуй поворачиваются и наблюдают за ними.

– Можете называть меня доктором Дю Лаком. Имени своего я вам не открою, поскольку не выношу остроумия на тему Камелота.

Свернув в арку, которую охранял старик с трезубцем, они вступили в коридор, украшенный вырезанными на деревянных панелях кораблями и морскими чудовищами. На потолочных балках парили резные чайки и поморники.

– Погодите! Вы не дедушка Галена? Не мистер Уэйлок? – удивилась и расстроилась Венди.

– Безусловно, нет.

Доктор Дю Лак остановился перед высокой, обрамленной

трезубцами дверью в конце коридора. Замковый камень этой арки имел форму всевидящего ока. По расчетам Ворона, они находились в восточном крыле, выходящем на море.

Дю Лак повернулся и оглядел Венди.

– Кто прислал вас? – спросил он.

– Нас прислал Гален! Кто послал вас?

Доктор сказал:

– Я командирован Королевским фондом сохранения исторического наследия.

– Тогда вы не знаете, где спрятаны магические талисманы, которые могут отогнать агентов империи Ночи и спасти мир?

Доктор моргнул, очки свалились у него с носа и повисли на тонкой цепочке.

– Я и не в курсе, что миру угрожают опасности, барышня. За исключением обычных, я имею в виду. Произошло что-то новое?

Доктор взирал на них с вежливой тихой улыбкой, под которой, Ворон не сомневался, пряталось насмешливое подозрение. Он натянуто произнес:

– Извините. По-моему, наше пребывание здесь неуместно. Не уверен, законно ли оно...

Доктор кивнул.

– Может, и так, милостивый государь. К сожалению, в данный момент никого другого здесь нет.

Ворон смутился:

– Что?

– Исторический фонд сообщил мне, что мистера Уэйлока ни при каких условиях нельзя перемещать из его комнаты, разве что днем. Инструкции составлены точно, в соответствии, как я понимаю, с письменными указаниями самого мистера Уэйлока.

– Погодите... Мистер Уэйлок вас сюда не приглашал?

– Похоже, не больше, чем вас, – отвечивал доктор.

– Тогда мы все правонарушители, – заявил Ворон.

Дю Лак устало улыбнулся.

– Я предложил бы вам вызвать констеблей, милостивый государь, но в доме нет телефона. А мне действительно нужна ваша помощь, если вы друзья мистера Уэйлока. Я наблюдаю за ним уже довольно долгое время, и мне необходима смена.

– Конечно, мы поможем! – воскликнула Венди. – Что надо делать?

– Погодите минуточку, – пророкотал Ворон, – по-моему, если тут что-то не так, следовало бы вызвать полицию. Или позвонить в больницу.

Жена нетерпеливо шлепнула его по плечу.

– Ой, не дури! С каких это пор ты доверяешь правительственным чиновникам?! Что нам надо делать, доктор?

– Среди прочего вам придется отогнать машину, чтобы ее не было видно из дома. Относительно этого требования однозначны. Можете припарковать ее возле одного из внешних строений. Если хотите помочь, вы должны следовать всем

инструкциям с огромным терпением и верой, даже если они покажутся эксцентричными. А помощь мне нужна. Помощь в просмотре за моим пациентом.

– Пациентом?! – встревоженным голосом переспросила Венди.

Доктор толкнул дверь.

II

Широкие окна комнаты выходили на север, восток и юг. Перед окнами, глядя наружу, стояли на козлах по полному доспеху с оружием наготове. Каждая из четырех стен комнаты была оформлена в своем особом стиле. На дальней красовались восточные орнаменты, китайские драконы и лакированная мебель обрамляли самурайские доспехи, глядящие в то окно. Слева помещались деревянные идолы викингов и резные носы их кораблей, а в окно смотрел рогатый шлем. Справа варварские золотые украшения из Северной Африки окружали тюрбан, обернутый вокруг украшенного плюмажем шлема, и задрапированную шелком кольчугу, что охраняли правое окно. (Ворон узнал фигуру, замеченную им со двора.) По обеим сторонам двери, через которую они вошли, стояли козлы с надетыми на них пластинчатыми панцирями, покрытыми расшитыми геральдическими драконами Уэль-

са, сюркотами. Левый доспех изъела ржавчина, словно он долгое время простоял без дела. А тот, что справа, был отполирован и покрыт вмятинами, будто его недавно использовали по назначению.

В центре комнаты находилась кровать с пологом на четырех столбиках, на которой покоилась неподвижная фигура. Лысина блестела в свете луны, а густые белые брови поднимались над морщинистым лицом, словно облачка.

Помрачневшая Венди молча выступила вперед и уставилась на спящего, разглядывая его нос и подбородок.

– Как похож на Галена.

Она нерешительно протянула руку и прикоснулась к спящему. Она заметила, что в грудь и руки ему вставлены трубки и электроды и все спрятаны под покрывалами, чтобы их не было видно из комнаты.

– Бесполезно, – произнес доктор. – Он не может проснуться.

III

Венди вприпрыжку спускалась по лестнице. От такого энтузиазма фонарь у нее в руке раскачивался и подпрыгивал, пламя мерцало, вспыхивало и плевалось искрами. Огромные тени метались над головой, пока она проходила, оставляя по-

добно комете неравномерный след из бледного прозрачного дыма, повисавшего в воздухе у нее за спиной. Она полагала, что находится в северном крыле, срезая дорогу.

Существовал определенный тип разговоров, который Венди называла «задом наперед». Ее муж и врач как раз имели классическую беседу из этой серии. Она началась с пожелания доктора, чтобы они остались и подежурили возле дедушки (дабы мистер Дю Лак мог немного поспать), но потом он захотел, чтобы они уехали на следующий день, поскольку они не из Исторического фонда и доктор вообще не представляет, кто они такие (это несмотря на то, что Венди произнесла собственное имя очень громко и четко несколько раз).

Муж ее, в свою очередь, начал с согласия остаться, но затем пожелал узнать, почему это доктор («И откуда мне знать, что вы настоящий врач, а?») не отвез дедушку в больницу, как поступил бы ответственный человек. Закончил Ворон тем, что они должны уехать, поскольку, если доктор серьезный человек, он не станет доверять пациента попечению незнакомцев.

(– Я думаю, что настоящий врач не доверит пациента заботам человека вроде меня, которого он не знает!

– Но, дорогой коллега, само это замечание показывает, как вы на самом деле ответственны.)

В результате дедушка неминуемо остался бы и без призора, и не в больнице, а поступить так безответственно

никоим образом было нельзя.

Мужчины как раз находились в середине путаной беседы, в точке, где оба согласились, что – поскольку ни один из них не может доверять другому – Ворону с супругой надлежит уехать, когда Венди взяла фонарь и вышла припарковать машину и отобрать кое-какие вещи для ночевки.

Времени у нее было предостаточно. Она знала, что пройдет еще минут двадцать, прежде чем эти двое вернутся к началу разговора и сообразят, что они с Вороном остаются на ночь дежурить возле дедушки.

Венди пересекала пространство затемненного холла, фонарь выхватывал лишь кружок черно-белого плиточного пола, когда ее внимание привлек отблеск света где-то слева. Смутное мерцание и, кажется, негромкий звук. Да, определенно звук: несколько аккордов нежной музыки повисли в воздухе.

– Может быть, это эльф! – прошептала Венди.

Забыв о деле, она очень тихо направилась через зал в сторону таинственного трепещущего мерцания.

IV

Здесь находилась арка с деревянными колоннами по бокам, выточенными в виде двух деревьев. В переплетающихся

ся ветвях капителей, среди искусно вырезанных дубовых и лавровых листьев виднелись мрачные совы и улыбающиеся дриады. За аркой оказалась библиотека с бесконечными рядами книг на высоких стеллажах. Каждый стеллаж украшали панели с изображением исторических сцен. На стене над каждой полкой висел в раме портрет кого-нибудь из английских монархов, а над ними располагались зодиакальные знаки и дома.

Высокие окна справа пропускали яркий лунный свет. Одно окно было открыто, и бледные занавеси трепетали на ветру, отбрасывая лунные блики по всей комнате. Отсюда и шло загадочное мерцание. Венди подошла закрыть окно и обнаружила, что звуки издает конструкция из полых трубок длиной около фута каждая, которую держит в руке одна из мраморных статуй в саду: крылатый пухлощекий человек, одетый в звериные шкуры. За спиной у него прятались бронзовые медведи, большой и маленький.

Венди закрыла окно, затаила дыхание и обернулась, не сомневаясь, что сейчас с ней произойдет какое-то великое чудо.

Она обожала книги, особенно сборники сказок. Перед ней была полка, на панелях которой были изображены тонущий в бурном море огромный флот, королева на плахе, какие-то битвы. Над стеллажом висел портрет Елизаветы I, а на верхней полке стоял бюст Шекспира.

Венди вытянула томик с этой полки, полагая, что раз уж

рельефы такие занятные, то и рассказы в книжках должны быть восхитительны. Переплет из толстой коричневой кожи украшали тисненные эмблемы крылатых коней и скрещенных ключей.

К сожалению, исписанные от руки, вытертые и пожелтевшие страницы содержали слова на латыни – языке, для Венди непостижимом. Однако сразу за этой книгой обнаружился спрятанный между нею и стеной маленький красный томик в современном переплете. Заглянув за две соседние книги, она увидела, что за каждой книгой на полке скрывается маленький красный томик.

Тогда Венди взяла красную книжку, поставив тяжелую черную латинскую книгу боком, чтобы отметить место на полке.

Она опустила фонарь на стол и повернула маленький красный вентиль, увеличив приток масла к фитилю. По бокам стола были вделаны четыре маленьких зеркала, которые отражали свет в центр столешницы и усиливали его. После минуты сладостного промедления она открыла красную обложку.

Как она и надеялась, это был сборник сказок.

«Я, Джон Ди, маг и духовник ее милосерднейшего величества Елизаветы, королевы-девственницы, вернулся в этот последний день Девы во время новолуния, спустя две недели после великой победы над „Непобедимой армадой“, что была одержана бурей, призванной с помощью золотого кольца и зеркала сэра Фрэнсиса Дрейка. Величайшая армия, виданная когда-либо в христианском мире, полностью разбита и уничтожена князем бури Фулграторианом к вящей славе нашей королевы. Я вернулся в Высокий дом, в Эвернесс, дом истинных сновидений под вечно изменчивой луной, чтобы по требованию ее величества усмирить мятежных духов, потревоженных колдовством сэра Дрейка, для чего ее величество пожаловала мне три волоса с головы Брана, воина Аннуна. Сию голову охраняют вороны под Тауэром Лондона, и она всегда будет хранить королевство от вторжения, не допуская, чтобы вражеская нога ступила на нашу землю. И эти волосы были великим сокровищем. Первый я спалил в огне, второй бросил в море, как написано, третий положил под подушку, пока спал, а со мной находился мой домочадец Е. Келли, чтобы успокоить мое возбуждение и призвать мою душу назад, буде я переусердствую в процессе сна, ибо он имел при себе лавровый лист.

Сон, виденный мною в ту ночь (когда Меркурий находился в созвездии Девы и в оппозиции к Утренней Звезде), являлся продолжением сна, виденного двадцать четвертым стражем Эвернесса (Quod vide Oneiro-librum, Anno 871), ко-

торый, в свою очередь, является продолжением сна седьмого стража (Анно 599), чьи отчеты имеются в написанных им томах этой библиотеки.

Здесь помещается заключительная часть сна, где выясняется, каково могло быть истинное имя сына ирландского короля и как был повержен Великан-С-Двумя-Факелами и снято проклятие с семерых братьев... »

К этому моменту Венди была полностью захвачена текстом и только поудобнее угнездилась в кресле.

VI

Дочитав книгу Джона Ди, Венди из любопытства просмотрела записи двадцать четвертого стража Эльфуайза Великого и седьмого стража Корбенека Карабасского. Эти люди видели во сне начало и вторую часть данной истории. Более того, заглядывая в другие тома в поисках начала повести о сыне ирландского короля, она по интригующим намекам поняла, что все книги в библиотеке – каждая! – являются дневниками сновидений. И не простых сновидений, не скучных снов, которые снятся большинству людей, – о том, как они пришли на работу голышом или бегут по коридору, который никуда не ведет. Нет, здесь были грезы великих сновидцев.

В этих снах являлись чудовища из темных уголков мира, твари из глубоких топей, сумрачных пещер и ветреных пустошей. Чудовища поклонялись утонувшей цитадели из несокрушимого металла, что вздымается среди страшно холодных илистых холмов в расселине на дне моря. Хозяин этой цитадели некогда был величайшим из благородных воинов Света, самым ярким до своего падения, но теперь обитал в величайшей тьме и склонил свой дух, гений и мощь мысли ко злу и мести. В бездне тьмы лелеял он ненависть.

Но существовали воины, противостоящие его великому злу. Венди переворачивала страницы, снимала книги с полок и осторожно ставила их на место, повсюду натываясь на слова, фразы и фрагменты сновидений о грандиозных войнах, погонях, жертвах и трагедиях повелителей снов.

Она прочла отрывок, описывающий поединок лесного короля в Неми. Проглотила историю об игре в загадки между рыцарем Эвернесса и драконом-людоедом. Ознакомилась с кратким описанием обретения потерянного Грааля в солончаковой пустыне. Еще один страж последовал за звуком морского колокола через тьму и океанские волны, чтобы найти плавучий эльфийский город Виндьямар.

Ее заморозил рассказ о конце войны, где юный оруженосец и старый рыцарь опрокинули семиглавого великана в земле Ар и воздвигли в его пустом доспехе гиганта башню Ар-Меннар. А известь для кирпичей они добыли из великанских костей.

Венди не была уверена, но, судя по описанию, оруженосцем вполне мог оказаться Гален. Мог ли старый рыцарь быть Лемюэлем?

Из любопытства девушка раскрыла самый первый том на самой первой полке с барельефами, изображающими меч, который пронзает наковальню, круглый стол, спящего под корнями дуба волшебника с ветвями омелы и побегами плюща в волосах и битву при Стоунхендже.

Первые строки в первой книге гласили: «Во славу Царицы Земной, которая заставляет вращаться круги земные, чьей рукой земля рождается каждую весну и гибнет каждую зиму, и во славу Царя Небесного, чье копьё есть гром, поражающий нечестивых, я, Блэз Авалонский, описываю тут буквами римлян деяния ученика моего Мерлина и особенно – башню, трижды виденную им во сне, под которой два дракона, белый и красный, свивались и бились в поединке великой ярости, дабы башня опрокидывалась вопреки всем попыткам поставить ее прямо. Король приказал выстроить башню в точности такую, какая снилась Мерлину, вследствие чего я должен написать о размерах и обстановке башни Четырех лун, которую видел мой ученик Мерлин. Ибо Дама Озера предсказала и обещала, что ее особое благословение будет на этой башне до тех пор, пока хранится в памяти, что сама башня и земли вокруг нее не должны меняться во сне и наяву. Аминь, аминь. Здесь следует отчет о сновидении... »

VII

В этой сказке Венди несколько раз натыкалась на кого-то, именуемого «даритель», который отдал башню Эвернесса ученикам Мерлина Донблэзу и Альфкиннигу и возложил на них обязанность нести вечный караул против надвигающегося вторжения. Но там не говорилось, кто этот даритель; автор, вероятно, считал данное обстоятельство слишком очевидным, чтобы упоминать о нем.

Уже зевая во весь рот, Венди тем не менее нашла последнюю книгу на полке за портретом Нейла Армстронг, стоящего с флагом в руке на испещренной кратерами пустынной поверхности Луны.

Это оказался тоненький том, запертый на замочек, который Венди ковыряла шпилькой, пока тот не открылся.

– Надеюсь, никто не возражает! – воскликнула она. – Но людям не следует прятать такие вещи – это только увеличивает любопытство!

Это был дневник Галенова дедушки.

Она задремала над книгой, уютно устроившись в кресле, наполовину бодрствуя, наполовину заснув, поэтому не была уверена, читала ли она о детстве Лемюэля, или видела его когда-то вместе с автором, или оно ей приснилось...

VIII

Дедушку Галена звали Лемюэль Уэйлок. Он родился и вырос в ту эпоху, что теперь казалась более простой, более вежливой, более неторопливой и постоянной. Может, тогда было меньше бытовых удобств и роскоши, но жизнь в ином отношении казалась богаче, а мужчины, проходя по улице, приподнимали шляпы перед дамами. То было время достоинства, сдержанности, упорного труда, чести и уважения. А нынче и шляпы никто не носит.

Полученное в тридцать два года наследство явилось для Лемюэля абсолютным сюрпризом. После отцовских похорон, вместе с братьями, их женами и старшими из племянников, он оказался в комнате, где было нечем дышать от жары. Все облачились в самые мрачные наряды для выхода в церковь: мужчины в жестких накрахмаленных воротничках, женщины в шляпках с Цветами. Стояло солнечное и жаркое июльское утро, но никто и не подумал открыть окна.

Поверенный, прибывший пароходом из Англии, занял письменный стол его отца, наполовину погребенный под кипами документов. Некоторые были новые, отпечатанные на машинке; другие – старые и очень старые, написанные на пергаменте и веленовой бумаге, скрепленные восковыми печатями, перевязанные потускневшими лентами и подписан-

ные именами, которые Лемюэль знал по учебникам истории.

Один из документов был завещанием отца. Поверенный прочел его сухим, твердым, лишенным эмоций голосом и объявил (годы спустя Лемюэль все еще недоумевал почему), что ему, Лемюэлю, причитаются права и средства на содержание старого дома у моря.

Лемюэль, третий из десяти братьев, не уродился ни самым умным, ни самым сильным в семье (брат Томас отправился в университет за границу, а Джордж работал десятником на соседней ферме и имел мускулатуру, как у коня); не отличался он и примерным послушанием (Абрахам никогда не злил отца, никогда не перечил ему); даже храбростью не выделялся (юный Теодор спас жизнь всему экипажу своего рыболовного траулера, когда попал в шторм у побережья Мэна).

Более того, Лемюэль всегда полагал, что наследство перейдет к младшему в семье – к Бенджамину, как это происходило в старых библейских рассказах.

Но честь выпала ему. Братья с семьями медленно покинули душную комнату, женщины отправились на кухню готовить роскошный поздний завтрак. Лемюэль остался наедине с поверенным, который старательно объяснил ему про майоратные пошрины, договоры и условия его владения старым домом.

Наследник не мог продать дом никому, кроме как члену семьи, не мог продать или даже изменить внутри дома положение любого предмета или части мебели. Ни одна тарел-

ка на каминной полке, чаша в музее или книга в библиотеке не могла быть перенесена с места на место, даже в пределах комнаты. Любое повреждение должно быть немедленно устранено, а объект восстановлен в точном соответствии с исходным внешним видом за счет хранящейся в банке для этой цели суммы. В доме не допускаются никакие добавления или изменения.

Каждую без исключений ночь, каждую ночь своей жизни, кто-то из членов семьи или должным образом обученный заместитель должен спать под крышей дома в комнате, окна которой выходят на море.

Дом перейдет во владение его наследникам на правах заповедного имущества, в строгом соответствии с законом первородства, без разделения или выделения приданого или вдовьей части, если он умрет, окажется недееспособным в результате болезни, попытается изменить или продать дом или его содержимое или начнет страдать бессонницей.

Юрист продолжал бесстрастным тоном:

– Дар может быть отозван по воле изначального дарителя или того, кого он назначит, до времени, объявленного в исходной хартии и дарственной. Таковым временем является либо конец нынешней Земли, либо возвращение в мир Короля.

Исходная хартия была выгравирована на золотой пластине, которую поверенный извлек из массивного запирающегося футляра, и написана параллельно на латыни, староан-

глийском, французском и валлийском. Лемюэль разглядел имя, выгравированное внизу документа:

ARTHURUS PENDRAGON, REX QUONDAM ET REX
QUE FUTURUS¹.

IX

В глубине души Лемюэль никогда не сомневался, что старейший дом предназначен ему.

Однажды летним днем, когда ему было девять лет, Лемюэль и его старший брат Эндрю проникли на соседский участок, дабы забраться на самую высокую сосну на самом высоком холме в округе. Согласно школьному поверью, подъем на это дерево являлся верхом древолазного искусства. Ибо сосновые ветви утыканы иглами и сидят очень близко друг к другу. Опасность быть пойманными на земле старого Тилдрама добавляла приключению блеска.

Вскоре, покрытые смолой, в перепачканной одежде, двое мальчишек уцепились за самые верхние ветви сосны, изображая беспечное отсутствие страха, когда налетающий ветерок заставлял их насест скрипеть и тревожно раскачиваться.

Все знакомые холмы и поля раскинулись у них под нога-

---

¹ Артур Пендрагон, король на все времена.

ми, отливая желтым и зеленым в лучах солнца. А дальше тянулись неизведанные луга и коричневая лента таинственной дороги, ведущей непонятно куда.

Некоторое время мальчики спорили о географии, пытаясь решить, является ли дымка на горизонте настоящим морем. (Школьная легенда гласила, что с такой высоты и вправду можно увидеть океан.) А затем началось подспудное, дюйм за дюймом, соревнование, когда каждый из братьев пытался проползти еще несколько опасных шажков вверх. Юный Лемюэль, будучи легче, осмелился пробраться по ненадежной ветке дальше, чем его более осторожный старший брат.

Дабы сохранить лицо и подтвердить принцип, что младшие братья не могут победить старших, Эндрю презрительно заявил, что научился от папы ночному колдовству и секретам, которые Лемюэлю еще рано доверять, потому что он слишком маленький. Новые знания позволили бы Эндрю залезть гораздо выше, соблаговоли он к ним прибегнуть.

Колкостями и насмешками Лемюэль вытянул из брата секрет, и, прежде чем спуститься, Эндрю научил его песне для вызывания сон-лошадки.

В ту ночь, прочитав все молитвы, Лемюэль старательно прошептал песню, которой его научили. Он говорил тихонько, чтобы не разбудить брата на соседней кровати.

В нетерпении, с широко открытыми глазами, лежал он в темноте, глядя сквозь открытое окно на Полярную звезду. И он щурился в надежде каждый раз, когда ночной ветер ца-

рапал по стене дома веткой дерева, ибо с убежденностью ребенка не сомневался, что слышит стук копыт по крыше.

Между полуночью и рассветом, между сном и бодрствованием, лунный свет, будто иней, оседал на открытых рамах, и в этом свете похожая на оленью голова просунулась в окно и уставилась на Лемюэля большими темными влажными глазами. Шкура ее сияла как ночной снег, однако была чудесно теплая на ощупь, когда Лемюэль застенчиво протянул руку, чтобы погладить ее по носу. Поскольку окно его спальни находилось на втором этаже, он осознал, что лошадка, должно быть, стоит в воздухе.

Она заговорила, словно ветер зашумел в листве:

– Ты такой юный. Слишком юный, чтобы призвать меня сюда из высокого Келебрадона. В окруженной звездами цитадели стою я, вечно бессонная, и охраняю моего повелителя, вечно спящего, считая годы, пока боевая труба не разбудит его. И тогда он возьмет свое оружие и доспехи, вскочит мне на спину и крикнет: «Вперед! Ибо Ахерон поднимается из моря! Последняя битва зовет, и Земля в опасности!» – Она запрокинула голову и пылко заржала.

Лемюэль был потрясен.

Затем сон-лошадка опустила голову и мрачно произнесла:

– Я могу прервать свое бдение, только когда стражи Эвернесса в крайней нужде призывают меня. В крайне нужде я прихожу, и не ради удовольствия или гордости, не для игры. Теперь ты опозорил меня, маленький мальчик, ибо я от-

сутствую на посту без уважительной причины. Что, если последний рог протрубит, пока я так далеко? Моему хозяину придется идти на Рагнарёк пешком?

– Но я не сделал ничего плохого... – пролепетал Лемюэль.

– Терпение и вера – так клянется твой народ. Твой народ, как и мой, клялись ими, связав наши могучие клятвы граду Бесконечному воедино. Где терпение, коли ты посмел призвать меня сюда до времени? Где вера? Некогда стражи Эвернесса были могучим орденом. Многие семьи входили в него, и целое королевство могли они позвать на подмогу. Но теперь так часто Стена стоит пустая, неохраняемая. Твоя семья знает древние слова, чтобы призывать силы из Келебрадона, но для чего? Твой народ забыл нас, а если и помнит, то не соблюдает старые обычаи или не верит. Боюсь, иссякла вера в Эвернессе.

По этим словам Лемюэлю стало ясно, что его брат никогда не вызывал сон-лошадку. Теперь он растерянно, почти испуганно пытался понять, делал ли это когда-нибудь его отец. Неужели не осталось никого, кто еще верит?

– Прости меня. Правда, мне очень жаль. погоди! Не уходи! Смотри, я припас тебе гостинец. Видишь? Это яблоко. Я вынес его из кухни под пижамой.

С минуту она молчала, шевеля ноздрями.

– Большинство из тех, кто молит о дожде, не носят зонтиков, – негромко сказала она самой себе, и ее тихий голос дышал теплом. Вслух она произнесла: – А что это за сверток

у тебя под подушкой?

– Мое пальто.

– Ночь-то летняя.

– Понимаешь, я подумал, – застеснялся он вдруг, – если мы поднимемся высоко, может стать холодно...

Невыразимо прекрасный голос ответил ему:

– За твое нетерпение тебе должно быть стыдно, а значит, ты никогда не должен хвастать перед своим братом или говорить отцу, что я здесь была. Но за твою веру полагается награда. Садись мне на спину! И я полечу с тобой в любую страну, какую ты назовешь, вокруг света и обратно сюда до зари. Да, я могу обогнать рассвет, ибо я быстрее солнца. Натягивай пальто.

Босым ногам было холодно на подоконнике, когда он вылезал наружу.

Оседлав сон-лошадку, Лемюэль наклонился вперед, крепко обнял ее за шею и прижался щекой к ее теплой ароматной гриве. Сердце стучало от страха и радости.

– Я не был нетерпелив, – прошептал он. – Просто ты пришла слишком быстро, и я не успел показать тебе, как я умею ждать. Я бы подождал. Тебя. Я бы ждал вечно. Честно.

ГЛАВА 10

УЗНИК АХЕРОНА

I

Венди резко вскинула голову. Она не знала, сколько пролежала щекой на книжках на столе, а лампа погасла. Что-то заставило ее поднять голову. Шум?

Затем она снова услышала его. Морские валы с рваным протяжным грохотом разбивались о скалы внизу. Но за грохотом волн слышались более частые и резкие удары. Оба звука раздавались одновременно, и их было трудно отличить друг от друга.

Венди с любопытством вылезла в окно. Она увидела статую Борея, а у него за спиной – созвездия Большой и Малой Медведиц, сверкающие в свете тоненького месяца.

Под окном рос могучий вяз, и Венди решила перебраться по его ветвям на дамбу. Она полезла вперед, испуганная внезапным ветром, который дергал ее за юбку и развевал ее волосы, словно черное знамя. Высоко вверху сияли яркие звезды.

Эту высокую часть стены она до сих пор не видела. Широ-

кий парапет с прорезанными в нем амбразурами и оборонительными приспособлениями, высокие каменные башни на его концах прекрасно сохранились.

Венди выглянула между зубцов стены. Внизу расстилось море – равнина неукротимых волн. Разъяренные валы черной воды, окаймленные бело-зеленой пеной, грохотали о прибрежные скалы.

Под водой виднелся косяк светящихся рыб. Жуткие твари тарасили глаза, зубы у них торчали, словно связки белых ножей. С ними плавали отливающие зловещей бледностью медузы и переливались множеством цветов гигантские светящиеся кальмары с мудрыми глазами.

В гуще морской живности, подсвеченные мертвенным сиянием их холодных тел, два великана держали ствол дерева, как таран. Когда волна отбегала, они могучими руками заносили его назад. А когда море с грохотом ударялось о скалы под стеной, они посылали передний конец тарана в облако брызг под таким углом, чтобы попасть по камням стены одновременно с волнами.

Между ног у них весело резвилось стадо тюленей. Некоторые тюлени плавали, выставив головы над водой, и распевали лающими голосами гимны во славу тьмы.

Еще ниже на дне моря, держа копья под одинаковым углом, выстроилась рядами кавалькада рыцарей-утопленников. Их кони были покрыты язвами и изуродованы различными болезнями. А всадников окружали расплывающиеся

облака крови.

В небесах над морем, окруженная темными тучами, высилась облаченная в килт и длинный плащ фигура с длинными всклокоченными волосами. Полы отливающего угольной чернотой и серой сталью плаща развевались на ветру, словно крылья летучей мыши. В руках гигант держал волынку, и из этой волынки вылетали стремительные грозовые потоки.

За его спиной маячил второй, облаченный в древнегреческие доспехи, вооруженный длинным копьем и щитом круглым и блестящим, как луна. Когда этот воин ударял копьем о щит, гром с рокотом прокатывался по небесам от края до края.

Как раз в те несколько мгновений, когда Венди смотрела на них, штормовые облака начали собираться, подобно флотилии огромных черных кораблей. Там и сям среди облаков появились и сами корабли без огней – сплошные ряды надутых парусов. С этих кораблей раздавались команды и доносилась песня, вплетенная в раскаты грома.

А за ними на горизонте, переходя океан вброд, словно ребенок – мелкий пруд, надвигались громадные черные тени. Морские волны пенились у них вокруг пояса и бедер. Они находились слишком далеко, чтобы разобрать детали, за исключением того, что центральная тень в капюшоне несла фонарь, в котором билось множество красивых маленьких огоньков, мерцающих, словно огненные бабочки.

Таран с грохотом ударялся о камни стены, окруженный

летающими брызгами.

Ветры визжали, словно от боли.

Венди повернулась и побежала, оступаясь, под натиском бури.

II

Раз или два она падала на четвереньки, когда стена вздрагивала под титаническими ударами. Каменные блоки под ногами стонали, в воздухе висела пыль, выбитая из трещин кладки штормовыми ветрами.

Длинный пролет ступеней, ведущий во двор, она то ли перепрыгнула, то ли пролетела. В глубоком бассейне, окруженном светящимися созвездиями, отражение неба разливалось концентрическими кругами, возникающими при каждом подземном толчке. Деревья в саду скрипели на ветру и бешено мотали зелеными головами.

За спиной у нее с грохотом рухнул огромный блок. Раздался гром и тюлений лай, снизу донеслись радостные вопли и победный вой труб.

Ближайшие двери были заперты. Но внезапно она очутилась на карнизе высокого окна, сама не понимая, запрыгнула она туда, или залезла, или вспорхнула одним шагом.

Окно оказалось не заперто. Она вошла.

Коридор внутри был темен и тих.

III

На то мгновение, пока глаза привыкали к сумраку, Венди прислонилась спиной к косяку окна, прижав руки к стене по бокам от себя и часто дыша.

– Уж не вспомнила ли я, как летать? – спросила она сама себя. – Спустя все это время? Или я просто вскарабкалась сюда и только думаю, будто вспомнила, как летать. С другой стороны, я могла взлететь, а теперь думаю, что залезла. Может, этот дом и на самом деле волшебный. Почему я больше не слышу шума?

И правда – сотрясающие землю удары и визг ветра не долетали сюда. Венди огляделась и двинулась по странному коридору, по пути слегка касаясь пальцами занавесей на стене и дверных косяков.

На притолоке каждой двери было вырезано по несколько белых ворон, словно стая птиц расселась на верхней части дверных проемов. На некоторых дверях ворон попадалось больше, на некоторых меньше. Сюжеты, изображенные на гобеленах, едва угадывались во мраке, и то лишь тогда, когда они оказывались напротив окна, освещенного прибывающей луной: маленькая девочка играет в саду, два бегу-

щих мальчика, похороны, четыре женщины поднимают кубки, жонглер вертит монетки в воздухе.

Венди пыталась отыскать дорогу обратно в дедушкину спальню, где остался ее муж. Некоторое время спустя, испробовав несколько дверей и поблуждав по коридорам (причем все они были украшены очень странно), Венди оказалась в конторе, где слабый лунный свет позволял различить взятые в рамочку долларовые купюры над сундуками с монетами. Маленькая дверца, спрятанная за чуланом, открывалась на короткую винтовую лесенку, которая привела Венди обратно в украшенный воронами коридор – как раз напротив гобелена с драконом, свернувшимся вокруг кучи сокровищ. Его скорпионий хвост касался дымящихся ноздрей. На дверном косяке рядом сидели шесть воронов.

– А! Теперь я поняла, – воскликнула про себя Венди. – Это дом-памятка. Тут сплошная мнемоника. Вещи расположены таким образом, чтобы сохраняться в памяти в определенном порядке, как обещала их хранить Дама Озера в той книжке. Неудивительно, что их нельзя двигать. Этот коридор представляет собой детский стишок. Посмотрим-ка...

Раз – ворона принесет Хитрую девчонку,
Две вороны принесут Шустрого мальчонку.
Три вороны принесут
Горькое похмелье,
А четыре принесут Радость и веселье.
Пять ворон принесут Серебра кусочек,

Шесть ворон принесут Золота горшочек.

Семь ворон принесут Нам большой секрет...

Венди умолкла и принялась разглядывать гобелены. В конце коридора она нашла около дверного косяка с тремя воронами тот, на котором были изображены похороны. Через ту дверь она спустилась вниз по короткому винтовому пролету и попала в центральный круговой коридор. Она вышла рядом со статуей в шлеме и плодом граната в руке.

– Так я и думала! – воскликнула исследовательница. – В доме четыре крыла. Земля, вода, воздух, огонь. Юг, восток, север, запад. Каждому соответствует свое древнегреческое божество. Гадес, бог погребений, полагаю, представляет землю. А Аполлону полагается быть огнем?

В прошлый раз, благодаря свету лампы, статуи просматривались издалека. Теперь же лунный свет падал из маленьких окон высоко в стенах под странными углами, освещал фрески на потолке, складывавшиеся в узоры из летящих птиц.

Венди подняла голову.

– Теперь я поняла!

Над статуей Гадеса парила целая стая ворон и отдельные экземпляры других птиц – сокол, орел, чайка. Венди последовала за чередой чаек, пока не набрела на их стаю. Тогда она опустила глаза вниз, где стояла статуя Посейдона, трубящего в раковину.

Сквозь маленькое окошко над морским богом светила полная луна, и это казалось странным, ибо Венди ясно помнила, что видела луну в три четверти, когда была в южном крыле, в вороньем коридоре. И ее не покидало ощущение, что, когда она выглядывала из библиотечных окон, луна едва народилась.

Венди миновала статую. Коридор по какой-то причине казался запутанным и полным теней, и ей никак не удавалось найти большие двери в его конце. Затем она заметила корабли в орнаменте, на картинах и в виде поставленных на пьедесталы маленьких моделей. У джонки был один парус, у шлюпа – два, у яла – три, у шхуны – четыре.

Она нашла изображения клипера «Янки» между двумя картинами – «Плывущим в зарю» и «Нагльфаром». Обернувшись, Венди увидела большие двери с трезубцами по бокам и изображением открытого глаза наверху.

Из-под двери виднелась полоска резкого белого света. Что-то в этом свете было странное, и Венди так пристально всматривалась в него, что у нее закружилась голова. Она постучала.

– Ворон! Ты там? Злодеи лезут через стену! Сэлки, и великаны, и вообще все!

В ответ раздался голос Ворона:

– Чш-ш! Чш-ш! Тихо!

Она слышала скрип стула, а затем звук легких шагов Ворона по полу (Венди гордилась тем, как тихо умеет ступать

ее муж, когда захочет).

Когда дверь открылась, странный резкий свет хлынул наружу, подхватил Венди и швырнул ее вдаль по коридору.

Затем она проснулась.

IV

Венди оторвала голову от стопки книг, на которых заснула, и удивленно заморгала, оглядывая темную библиотеку. Метнувшись к окну, она увидела за линией деревьев невысокую дамбу. Просто кирпичная стена, не выше ее плеча, а то и ниже. Эта маленькая стенка не выглядела ни широкой, ни прочной, и, пока Венди смотрела, набирающие силу штормовые ветра опрокинули один или два разболтанных кирпича с осыпающейся части. Несколько осколков изъеденного дождями и ветром камня бесшумно упали на траву.

Донесся раскат грома. В отдалении она слышала лай собаки, взвизгивающей от радости, и пронзительный крик потревоженной во сне чайки, который лишь отдаленно напоминал боевую трубу.

Поднявшись, Венди разглядела в тени между двумя стеллажами маленький огонек, неяркий, но ясный, словно свет падающей звезды. Шагнув вперед, она увидела арку, за которой открылась ранее не замеченная комната.

Здесь длинные, словно стволы деревьев, колонны поддерживали утопающую в тени крышу. Высокие узкие окна пропускали звездный свет. Одна рама была открыта, и туманный ветер залетал в комнату.

Над головой мерцали изображения выгравированных на серебре полумесяцев и многолучевых звезд. На противоположной стороне огромного покоя смутно маячили две статуи в доспехах по бокам от кровати с пологом, на которой вроде бы распростерлась темная фигура.

Станный свет исходил от подножия ложа: из окруженной неясным ореолом точки били серебряные лучи. Там, словно кот на приступочке, свернулась клубком крохотная фигурка.

– Может, это эльф! – прошептала Венди и на цыпочках двинулась вперед.

VI

Ворон изъясил кинжал у одного из охраняющих окна вооруженных манекенов и, убедившись, что клинок не слишком тупой, сунул его себе за пояс острием вверх, чтобы внезапный укол будил его, когда он начнет задремывать.

Много часов просидел сын гор в потемках, осунувшийся, с красными от усталости глазами, мучительно выпрямившись и наблюдая за спящим Лемюэлем Уэйлоком. Время от времени он откидывал покрывала, чтобы проверить при свете лампы приборы, контролирующие пульс, дыхание и кровяное давление. И, как доктор повторил несколько раз, ни разу не воспользовался фонариком и всегда накрывал приборы после проверки.

Однако доктор не проинструктировал сменщика, где добыть еще масла для прогорающей лампы. Ворон держал ее в режиме слабой искорки, прибавляя свет только во время регулярных осмотров спящего.

Доктор был безмерно уязвлен, обнаружив в конце концов, что вновь прибывший вовсе не врач. Ворону его реакция показалась неоправданно острой. Бородач недоумевал, что он делает в доме незнакомца, охраняя сон больного человека вместо того, чтобы находиться дома, в постели с собственной женой. Куда он попал?

Он говорил себе, что это дежурство не длиннее и не опаснее, чем его вахты на борту корабля. Но ему хотелось занять руки вязанием или макраме, чтобы скоротать ожидание. Тут заняться было нечем.

Около трех часов утра (так он определил по положению звезд) последняя искорка в лампе погасла. Он проверил спящего еще раз, примерно через час, теперь уже воспользовавшись фонариком.

Шло время, и он смотрел, как лунный свет перебирается из восточных окон, охраняемых самураем, в южные, под охрану мамелюка.

Вид луны сквозь южные окна пронзил его сердце ужасом. Темные пятна на ее лице казались настоящими морями – безжизненными пространствами океана, катящего волны на ледяные берега бесплодных каменных пустынь.

Перед его мысленным взором возник купол без окон над замерзшим плоскогорьем, окруженный обелисками и слепыми башнями, из которых непрерывно неслись вопли и приглушенные стоны боли. Воображение нарисовало цепочку невероятно толстых и бледных, как слизи, людей с выдавленными глазницами вместо глаз, марширующих через серые, заметенные снегом пески к черным дверям этого купола. В руках они держали клещи и железные бичи, ложки для выковыривания глаз и крючья для вытягивания кишок, шилья и железные клейма. Слушая исполненные муки вопли, они расплывались в идиотских ухмылках.

Укол в подбородок разбудил Ворона.

Он протянул руку и потряс спящего старика за плечо.

– Я не убивал вашего внука! Я не собирался его убивать!

Мне пришлось! Это ради моей жены! Почему я должен жалеть вас, когда моя жена жива, а? Скажите мне, а? – Но затем его голос упал до горестного шепота. – Нет, я знаю. Вы любите своего внука не меньше, чем я люблю свою жену.

Он поднялся и встал у окна, устало облокотившись на закованное в броню плечо язычника. Затем оторвал взгляд от луны и посмотрел вниз. Там во дворе мерцал серебристый бассейн, окруженный двенадцатью изваяниями зодиакальных символов.

– Эй, вы, там, в бассейне, – прошептал он. – Наверное, моя жена не загадала желание, когда бросала монетку, а? Можно я загадаю за нее? Я хочу узнать, как исправить то, что я натворил. Не слишком ли много всего за один пенни? Думается мне, всей воды в мире не хватит, чтобы смыть кровь с моих рук. Но все равно, таково мое желание.

Сев рядом со спящим, он включил фонарик и проверил приборы. Пульс и дыхание были в норме. В ярком электрическом свете он заметил, что глаза у Лемюэля Уэйлока двигаются под веками. В слабом свете масляной лампы это не бросалось в глаза.

– Ему что-то снится, – пробормотал Ворон. – Интересно, что именно.

Он поднес фонарик прямо к глазам спящего, но тот не

проснулся.

– Старик видит что-то во сне, – сообразил он. Врач говорил ему, что у Лемюэля до сих пор бывают периоды ФБС раз или два за ночь, но его не разбудить даже во время этой фазы. – Посмотрите на него – туда, сюда, туда, туда... влево, влево, вправо, пауза, вправо, влево.

Ворон наклонился ближе.

– Святая Катерина! – выдохнул он. – Это же код! Азбука Морзе!

Он по буквам прочел послание:

«Гален помоги мне я в плену в Ахероне».

VII

«Гален помоги мне я в плену в Ахероне Виндьямар захвачен когда я отправился туда три королевы оказались сэлки и забрали меня в Настронд затем опутали меня песней и отвезли в Ахерон я в камере пяти черных башен снаружи мне отрезали руки чтобы я не мог сотворить знак Коф и я вишу на крюках, угри приплывают в окна сосать мои раны когда я пытался призвать песней сон-лошадку вода заливалась мне в горло и я не мог издать никакого звука и я забыл как звучит нормальная музыка когда меня потащили к Утренней Звезде и он такой яркий и красивый и я не мог перестать отвечать на

его вопросы поэтому я откусил себе язык Гален отправляйся в гостиную за портретом Азраила найдешь рог труби в него чтобы разбудить Спящих в моей камере я чувствую сотрясение Ахерон поднимается из глубин худшее случилось мы все потеряны найди рог труби в рог не жалея обо мне эти раны исчезнут когда я проснусь и новый мир был обещан нам я не устаю повторять себе что это кошмар я не знаю получаешь ли ты это послание Гален я столько забыл уже из моей жизни наяву и я не знаю сколько я проспал Гален разбуди меня пожалуйста боже разбуди меня я пленник в Ахероне и музыка падшего серафима уносит мою волю и сердце я уже едва могу вспомнить твое лицо Гален но отправляйся в гостиную за картиной труби в рог труби в рог труби в рог жезл чтобы обнаружить элки и остальные талисманы в стране золота рог за портретом основателя в гостиной труби в рог и пробуди Спящих Ахерон поднимается и мрак покрывает все».

VIII

Ворон нашарил в кармане старый огрызок карандаша, но не нашел, на чем писать, кроме оборотной стороны водительских прав (страницы, куда вписывают сведения о донорских органах). Строчил он в отчаянной спешке, микроскопическими буквами.

Когда смысл послания стал ясен, Ворона бросило в пот и затрясло. Он не понимал, что за вести пытается передать Лемюэль, но когда попытался списать это на кошмары старого больного человека, то понял, что это неправда.

Когда старик движениями глаз передавал «мрак покрывает все», Ворон услышал шаги в коридоре, затем стук в дверь.

– Ворон, ты здесь? Злодеи лезут через стену! Сэлки, и великаны, и вообще все!

Ворон, на секунду позабыв, что Лемюэль не может проснуться, бросил:

– Чш-ш! Чш-ш! Тихо!

Затем быстро подошел к двери и открыл ее. Никого. Ворон озадаченно посветил фонариком в обе стороны по коридору. Он не увидел никакого места, куда успела бы спрятаться Венди за мгновение, потраченное им на открывание двери.

Он быстро вернулся к кровати, но момент был упущен. Лемюэль снова погрузился в глубокий сон, глаза его стали неподвижны.

Ворон посмотрел на смятую записочку в своей руке и произнес дрогнувшим голосом.

– Ну-ну. Ну-ну. Всему этому должно найтись логическое объяснение. Я не могу до него додуматься. Но это не значит, что его не существует.

Он сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, и поднес бумагу к глазам, едва не касаясь ее носом.

– И где же эта гостиная, а? И откуда мне знать, как выглядит основатель?

Затем он выпрямился, моргая.

– Она сказала, идут великаны?

Сердитый голос донесся из коридора за дверь.

– Выключите свет! Вы что, с ума сошли?! Ворон резко вырубил фонарик. Доктор с лампой в руках вошел в комнату. Он повернулся, поставил лампу и напустился на Ворона.

– Как вы посмели грубо нарушить наши правила?! – рявкнул Дю Лак, топорща усы и сверкая очками.

– Доктор, – медленно произнес Ворон, – почему я не слышал ваших шагов по коридору снаружи? Пол деревянный. Вы в ботинках.

– Возможно, вы меня и не слышали, милостивый государь.

Что это у вас в руке, куда вы смотрите?

– Я бы услышал. У меня очень тонкий слух, – ответил Ворон и показал пустую ладонь, поскольку успел сунуть маленькую карточку в карман, когда доктор повернулся спиной.

ГЛАВА 11

ПЯТЬ ИМЕН МАЛЫХ ТАИН

I

Питер Уэйлок приглушенно ругался, пока его рычащая машина (Азраил де Грэй убедился, что это машина, ибо незаметная проверка подтвердила отсутствие у нее души) втягивалась на подъездную аллею перед большим, приземистым одноэтажным домом. Азраил не мог понять, какая опасность заставляет его спутника проклинать своих богов. Правда, здесь с верхушки шеста тоже сиял ярче луны световой маяк – зрелище, вселявшее в мага благоговейный ужас и тревогу. Он уже догадался, что в нынешнем мире это обычные предметы. Питер проклинал, несомненно, что-то иное.

Но, помогая калекке вылезти из машины, Азраил заметил пять ворон, спящих на сосне в нескольких фатомах от него: три, сидевшие порознь, означали девочку, две вместе – мальчика. Вылезая из машины, он ухитрился выронить из кармана кусок бечевки. Нагнувшись подобрать ее, он заметил, что бечевка свернулась дважды противосолонь: верный знак прибытия гостей, к тому же знакомых.

Ромашка, рядом с которой упала бечевка, имела шесть поникших лепестков. Четное число, «не любит». Значит, кто-то есть внутри дома, там есть женщина и мужчина, и эта знакомая женщина не испытывает любви к Питеру.

– Черт! – пробормотал Питер. – Только посмотри. Какого черта она тут забыла? – Затем, повернув голову к Азраилу: – Здесь твоя мать со своим хахалем. Ее машина загорается проезд. Вероятно, явилась кудахтать над тобой. Вместо того чтобы навестить тебя, когда это было нужно. Наверное, им позвонили из больницы.

Азраил, который не видел ни повозки, ни иного гужевого транспорта, скрыл восхищение способностью Питера читать знаки. Тот обнаружил больше, чем сам Азраил, взглянув лишь мельком и явно различив нечто, непонятное магу.

Де Грэй обошел вокруг большой металлической коробки на колесах со стеклянными боками, загораживающей тропу, взглянул на звезды, облака и ближайшие деревья, чтобы понять, откуда его потомок черпает ключи для предсказаний. Но не смог определить ничего, кроме очевидного (дом не охраняется; в лесу есть олени, волков нет; кто-то прольет слезы еще до конца вечера), и снова напомнил себе, что не стоит недооценивать Питера. Даже если калека отрекся от крови Эвернесса, древняя магия все равно течет в нем глубоко и сильно и силы мира не могут долго прятать от него тайны.

II

Впоследствии Азраил не сумел бы припомнить имен Двух людей, встреченных в этом странном доме. Он счел их незначительными, следовательно, не привязал к их именам волшебные картинки и не отвел им места в многомерной башне своего духа.

Первая – его (вернее, Галенова) мать – оказалась еще большим предателем Эвернесса, чем Питер, ибо покинула своего господина и повелителя, сбежав с другим мужчиной. Азраил сначала неверно расценил ее присутствие. Когда она обняла и поцеловала его, осыпая множеством ласковых (хотя и неискренних) слов, он предположил, что раскаянье и угрызения совести, вызванные нависшей над сыном угрозой смерти, выманили ее из укрытия и что ей было милосердно дозволено в последний раз повидать свое дитя, перед тем как ее препроводят в руки властей. Но нет: очевидно, в этой стране можно наставить рога своему повелителю и не понести за это никакого наказания.

Разумеется, дальше он ожидал, что Питер вытащит ее спутника-блондина на улицу и прикончит. Именно убьет, а не вызовет на поединок, поскольку, в отличие от Питера, блондин не имел при себе оружия, а значит, не принадлежал к рыцарскому сословию. Поскольку он не имел права носить

оружие, он был крестьянином и при этом выказывал изумительное высокомерие и наглость. Он обращался с Питером и Азраилом весьма фамильярно. Де Грэй заключил, что Питер, в силу слабости характера или недостатка решимости, позволил этому отвратительному созданию жить, и, ободренный этим, смерд сполна воспользовался данным преимуществом и безнаказанно щеголял презрением к вышестоящим.

Изумление Азраила возросло, когда они расселись вокруг небольшого стола за трапезой. Крестьянин сел вместе с ними, и сидел он, что совсем изумительно, ближе к солонке, чем де Грэй.

Азраил ждал обеда, поскольку в узком конце большой комнаты, где они находились, имелся камин. Очаг казался маловат для приготовления пищи, да и крючья для котелков отсутствовали, но Азраилу не терпелось снова узреть форму и дух пламени. Оно рассказало бы ему обо всем больше и быстрее, чем многие другие виды ворожбы.

Но его ожидало разочарование. Еду готовили на металлической коробке, заполненной молниями. Молнию заставили циркулировать по знаку лабиринта, по спирали, что охраняет границу между светом и тьмой. Она давала беспламенный жар, на котором и готовили. Тут Азраил определенно решил, что эти люди раскрыли его и просто играют с ним. Зачем еще пускаться на такие замысловатые ухищрения, лишь бы не дать ему увидеть пламя?

Однако в процессе поглощения пищи его подозрения улеглись. Это была его первая трапеза (за исключением сырой рыбы) за бессчетные обороты небес.

Тарелки, круглые как луна, были так красивы и сработаны столь искусно, как Азраилу не доводилось видеть, но без единого пятнышка украшений или намека на позолоту, чтобы добавить им роскоши. Насколько помнил Азраил, никакого праздника в календаре не значилось, но к столу подали мясо да еще свежие фрукты, хотя, на взгляд де Грэя, стояла ранняя зима.

Обед получился прекрасным и вкусным, однако не было ни крепостных девок, ни прислуживающих чашников, ни собак, чтобы подбирать объедки. Лары или местные домовые, вероятно, связали этих людей строгой клятвой, поскольку, когда он сбросил объедки на пол, хозяева развели жуткую суету, приговаривая, что он, должно быть, сделал это случайно (они использовали слово «просыпал»). И они сразу все убрали обрывками бумаги из свитка. Зачем им понадобилось наносить такое оскорбление свитку и какой вражеской библиотеке он принадлежал, осталось за пределами Азраиловой способности к ясновидению. Он недостаточно ясно видел бумагу, но разглядел вытисненный на ней замысловатый узор из цветов, явно по всей длине: работа, для выполнения которой монахам потребовались бы долгие годы.

Но когда люди собрали все объедки и мусор и сложили их в закрывающуюся емкость, стало ясно: они боялись, что

какой-нибудь враг сумеет заклясть или отравить их, нарисовав руны на костях, которых касались их губы. Поэтому им приходилось избавляться от костей со столь дорого стоящей тщательностью. Он снова напомнил себе, что нельзя недооценивать таких людей.

К этому моменту Азраилу уже не терпелось приступить к делу. Во время трапезы он совершил немало мелких и крупных ошибок, и по их колебаниям и изучающим взглядам было видно, что легенда о пострадавшей за время болезни памяти начинает ползти по швам.

Крестьянин извлек небольшую белую бумажную трубочку и вставил ее в рот, затем вытащил драгоценный камень и вызвал из воздуха огонь. Огнем он поджег бумагу, и Азраил учуял благовоние, которое крестьянин вдохнул. Обстоятельства опять подверглись пересмотру. Крестьянин, как многие представители его сословия, явно вступил в ряды духовенства. Следовательно, ему запрещено носить оружие и он не подпадает под дуэльный кодекс, к тому же достиг некой власти над огнем.

У Азраила была только секунда, чтобы взглянуть на пламя, прежде чем оно погасло. Одного взгляда хватило. Во-первых, оно сказала ему, что крестьянин никакой не священник; магии у него даже меньше, чем у животного, нет ни охранных заклятий, ни иной защиты. Во-вторых, силы империи Ночи выступают на Эвернесс как раз сегодня вечером. В-третьих, девочка-фея и посланный Прометеем охот-

ник-титан в данный момент находятся в Эвернессе. (Как умно! Пока Азраил тут попусту растрчивает время с мелкими сошками, силы Оберона маневрируют, чтобы довести до конца его поражение!) В Эвернессе присутствует еще одно существо, переодетое священником... нет, переодетое врачом, которое...

Но тут пламя погасло, и крестьянин выдохнул благовоние через ноздри.

Азраил встал и извинился, мол, он очень устал и хочет спать. Галенова мать проводила его в отведенную ему комнату и некоторое время с ним разговаривала. (На ней тоже не было защиты, хотя знаки сказали ему, что она как минимум одну ночь спала под крышей Эвернесса.)

Она говорила, как ему показалось, долго. Азраил не был уверен, чего хочет эта проститутка, да его это и не волновало. Но внезапно до него дошло. Хотя вслух она не сказала бы этого никогда, она просила прощения. Она винила себя, что оставила сына на попечение дедушки и это привело, как она себе воображала, к тому, что казалось ей безумием и болезнью.

– Мэм, – отвечивал он, – я благодарен вам, что вы отдали меня на попечение деда. Болезнь, от которой я столь недавно оправился, и вправду не приключилась бы, не будь я там. Но вы не правы, полагая, что это дурно меня повлияло. Нет, на самом деле я доволен более, чем могу выразить.

– Знаешь, это твой отец вечно бросал нас, уезжая в коман-

дировки на месяцы и годы. Я всегда думала, что мы особенно близки. Но мне не за что извиняться! Он оскорбительно вел себя по отношению ко мне, ты это знал? Не физически, конечно, он никогда бы не поднял на меня руки, но психологически оскорбительно. Он никогда не заботился о твоём образовании так, как я. Твой дедушка имел возможность отправить тебя в самую лучшую школу. Это бы хорошо смотрелось в твоём резюме. Если бы ты когда-нибудь составил резюме, как я тебе не раз советовала.

Она перескакивала с одного на другое, и Азраил не мог уследить за направлением ее мысли. Он догадывался, что ее заявление, будто ей не за что извиняться, означало как раз противоположное. Де Грэй решил, что недостаток суровости со стороны Питера испортил ее, но ему было приятно, что она признавала образование, которое мог бы дать Галенов дедушка.

Затем его настигло прозрение. Эта женщина, какой бы предательницей она ни была, по-прежнему любила сына и заботилась о своем маленьком мальчике, место которого Азраил так жестоко узурпировал. И кто он такой, со всеми его черными преступлениями за спиной и еще худшими на уме, чтобы осуждать женскую слабость? Она предала своего господина, это правда, но что это по сравнению с предательством Азраила?

Он взял ее руки в свои и склонил голову.

– Возможно, есть прощение для всех нас, мать моя. Я мо-

лось, чтобы было так. Ибо в противном случае впереди нет ничего, кроме тьмы. Тьмы, которая поглотит нас всех.

Она встала и поцеловала его в макушку склоненной головы.

– Не надо так мрачно! В книжке о позитивном мышлении, которую я прочитала, говорилось, что никогда нельзя терять надежду. Я постоянно представляла себе, как ты возвращаешься домой из больницы живой и здоровый, и смотри! Вот ты и вернулся. Даже если отцу на тебя наплевать, я рада, что ты вернулся. Усни!

И она вышла.

Он видел линии у нее на ладонях, когда держал ее руки в своих, и знал, что, несмотря на жалобы и пустую болтовню, она искренне любит своего мальчика, который был, пусть и через многие поколения, и Азраиловым сыном.

Он моргнул и с удивлением обнаружил, что слезы, предсказанные им на этот вечер, оказались его собственными.

III

Уилбур Рэнсом был счастливым человеком – счастливее, чем он того заслуживал, по собственному мнению. В своем возрасте он никак не ожидал, что его полюбит молодая и привлекательная женщина. И после свадьбы он никак не

ожидал, что она сумеет так ловко управляться с чековой книжкой и семейным бюджетом. Она всегда думала вперед, всегда искала наиболее выгодные варианты, старалась – и успешно – сделать его жизнь комфортной, приятной и счастливой.

Только несколько вещей омрачали это счастье. Одной из них являлся этот здоровенный мужлан, ее бывший муж. Уилу следовало понимать, что такая женщина, как Эмили, представляет собой слишком лакомую добычу, чтобы ею не интересовались другие мужчины, включая ее бывшего. Другим недостатком был ее придурковатый сынок. Уил, как мог, старался скрыть, как он ненавидит лупоглазую, мямлящую, застенчивую и сонную физиономию слоняющегося по дому Галена и как он обрадовался, когда парня переправили к дедушке.

Но он никогда этого не показывал. Нет, Уил всегда обращался с парнем с дружелюбной сердечностью старшего брата, уверенный, что его истинные чувства надежно скрыты под ней. Не было такого, чего бы он ни сделал для этого парня. Уил не сомневался, что одурачил всех.

Если бы парень знал, как он к нему относится, мрачная ярость и отвращение, витавшие вокруг мальчишки, словно дурной запах, имели бы законное основание, но, поскольку он не знал, оправдания не было. Этот парень ведет себя просто нечестно. Испорченный сопляк. Что извиняло, по мнению Уила, его ненависть к пасынку.

Через пять минут после того, как Гален извинился и отправился спать (хотя он явно не устал, маленький лгун), выходя из ванной, Уил услышал шум спора и нарастающей ссоры в маленьком кабинете в конце коридора. Визгливый голос Эмили срывался на крик, а саркастическое фырканье Питера нарастало вместе с ним, как в контрапункте.

В этот момент Уил поравнялся со спальней Галена и увидел под дверью полоску света. Рэнсом не был трусом, он просто предпочитал избегать сцен. К тому же самое время войти и поздороваться с мальчиком.

– Эй, парень! Как ты? Ты уже спишь... гм...

На мгновение ему показалось, будто Гален парит в воздухе. Сотканные из серебристого света рыцари в доспехах стоят по бокам от него в каком-то громадном присутственном зале, выстроенном из лунного света и теней. Бледную крышу зала с вырезанными изображениями полумесяцев и многолучевых звезд поддерживают могучие серебряные колонны, а широкие окна и балконы выходят на бескрайнее бурное море, океан из теней и серебряных волн. Среди них лишь Гален, полностью одетый, спящий головой к У илу на кровати с пологом, был окрашен в живые цвета.

Затем Рэнсом сообразил, что смотрит в зеркало, которое раньше висело на обратной стороне дверцы чулана, а теперь поставлено над Галеновой кроватью и покрыто линиями и штриховкой, сделанными каким-то белым карандашом. Это был искусный сложный рисунок с безупречной перспекти-

вой, словно концептуальный план архитектора. Гален лежал на подушках поверх постели, головой к двери. Глаза закрыты, руки скрещены, так что его отражение полностью вписывалось в парящую над ним в зеркале кровать с пологом.

Однако на одно странное мгновение Уила посетила уверенность, что фигура на кровати перед ним – отражение, а фигура на кровати с пологом – настоящая.

Гален открыл глаза.

IV

Уил отпрянул, напуганный выражением неподвижного лица Галена. Юноша не произнес ни слова, но смотрел на него с холодным величественным презрением, выходящим за пределы обыкновенной ненависти.

Рэнсом спасовал под этим взглядом, но не мог позволить себе отступить молча. Он выпрямился и скроил дружелюбную гримасу.

– Привет, парень! Чувствуем себя лучше? Спорю, что так.

Гален не шевельнул ни единым мускулом, но его холодные глаза пронзили глаза Уила.

– Послушай, сынок, ты же знаешь, я не имел в виду ничего такого, когда говорил там за ужином, верно же? Это была шутка. Ну, не понимает твой батя шуток...

Молчание.

– Эй, ха-ха, классный рисунок. Я и не знал, что ты так умеешь. Похоже на комнату в доме у твоего дедушки. Знаешь, на одну из тех нелепых старомодных комнат...

– Это покой Срединного Сна во владениях Гермеса Вестника, под Козерогом, в северном крыле Эвернесса, Высокого дома. Тебе не следует отзываться о нем дурно перед любым его изображением. Все подобные изображения имеют силу. Видит мир, клятва обязывает меня наказывать тех, кто бесчестит мой дом, и я держу слово. – И он снова погрузился в спокойное мрачное молчание.

– Эй, приятель. Я хочу сказать, что я сожалею.

– Я принимаю твои извинения. Я сам решу, какая вира удовлетворит меня, и сам выберу время.

Уила не отпускало странное ощущение, будто Гален разговаривает с кем-то другим. Он понял, что пацан окончательно спятил – пребывание в больнице сорвало его с катушек. Это принесло Рэнсому удовольствие и облегчение: теперь он наконец сумеет заставить Эмили отправить парня в учреждение, где ему самое место.

Поэтому его улыбка сделалась острой и жесткой, самообладание восстановилось, и он положил ладонь на дверную ручку.

– Гален, я и правда не хотел будить тебя, мальчик. Извини.

– Я снова принимаю твои извинения. Вторую виру получу я, когда пожелаю, мир свидетель.

– Ага, гм. Но я не думаю, что ты действительно мог так быстро заснуть. Хотел бы я уметь вырубаться с такой скоростью. Тебе что-то снилось...

– Я исполню твое желание!

И юноша дугой выпрыгнул из кровати. Он шагнул вперед и взял отчима за локоть с удивительно крепкой для своих лет хваткой. Немигающий взгляд Галена не отрывался от взгляда Уила.

– Эй, что...

Рэнсома подтащили в квадрат лунного света, падающего сквозь окно. Его пасынок нарисовал на стекле белым карандашом пятиконечную звезду; пятиугольная тень упала на грудь и лицо Уила.

– Смотри на луну, – негромко и властно произнес Гален, указывая туда, где над тенистыми деревьями, в самом центре пяти линий пентаграммы, висела полная луна. – Видишь ее?

– Да... – пробормотал Уил, и глаза у него сделались круглые и пустые.

– Ее тайное имя – Сулва, и она царица ночной магии, снов, иллюзий и порождений тени. Ты никогда не дивился ее стерильности, ее бесплодным, лишенным воздуха пепельным равнинам, ее морям из замерзшей лавы и шлака? Какой грех совершили Адам и Ева этого бледного мира, если он наказан еще более сурово, чем наш собственный? Даже свет, отраженный от ее холодного лица, несет безумие. Насколько хуже бродить по ее безжизненным степям и гранит-

ным пикам? Однако я летал туда на бурном ветре, чтобы ценной невероятных усилий вырвать у черных хозяев Ухнумана, которым служат слепые, пять тайных имен, что управляют малыми снами. Смотри на эту пентаграмму! Это врата в малые сны. Вот пять имен!

Гален указывал по очереди на каждый из углов звезды, чьи белые линии, казалось, светились и дрожали от лунного света, в который всматривался Уил.

– Морфей! Фантазм! Сомнус! Онейрос! Гипнос! Каждый управляет своей частью сновидения. Вот Морфей, который мгновенно погружает в сон тех, кто попался в его сети, как ты сейчас уснул согласно своему желанию. Вот Фантазм, отнимающий способность судить здраво и заставляющий все странные явления казаться обычными. Таким образом, никакой мой поступок или желание не покажется тебе странным или незнакомым. Ты убежден, что все нормально. Вот Сомнус, управляющий человеческими побуждениями: благодаря ему люди не могут бродить во сне. Его власть я сейчас приостанавливаю. Ты лунатик: говори, ходи и двигайся, словно наяву. Вот Онейрос, пастырь образов и видений. По его воле реальные звуки и облик предметов временами являются в наши сны. Я дарю твоим глазам видение вещей вокруг тебя. Вот Гипнос, повелитель памяти. Все твои воспоминания отдаю я тебе. Когда ты проснешься, то не вспомнишь ничего из происходящего сейчас. Заклятие пропето, дело сделано. Да будет так. В качестве первой положенной

мне виры я принимаю твое согласие с сотканным мной за-
кливанием, и так ты становишься моим рабом. Произнеси
слова «я согласен».

– Я согласен, – проямлил Уил.

– Духи мира, вы слышали это!

За окном трижды проухала сова, и Гален поклонился.

– Скажи мне свое тайное внутреннее имя, которое ты ни-
кому не открывал, которое является сущностью твоей души.

– Ну, – замялся Уил, – когда я был ребенком, мама звала
меня Винки. Когда я был совсем маленьким. Крошка Вил-
ли-Винки. Черт, как я ненавижу это имя. А ребята в шко-
ле прознали... и они говорили... говорили... – Слезы стыда
навернулись Уилу на глаза при воспоминании об этом.

– Тихо, Винки. Я должен отправить послание другому че-
ловеку, который живет на вашей земле, но я не знаю способа.
Имеется ли почтовый тракт или почтовая станция, где мож-
но нанять гонца?

– Фу ты, парень, почему просто не воспользоваться теле-
фоном?

– Объясни мне, что за штука телефон.

Вокруг этого и всех последующих объяснений возникло
некоторое замешательство. Но вскоре Гален сказал:

– Теперь услышь меня. Ты сделал восхитительное откры-
тие: твое тело тверже железа и не может быть повреждено.
Более того, ты много раз бросался в высоты, приземлялся с
пугающим шумом в облаке пыли, только чтобы восстать со-

вершенно невредимым. Это игра, которой ты наслаждаешься тайком, ибо долгие падения порождают состояние сродни опьянению, и ты знаешь, что многие завидуют твоей неуязвимости и остановили бы тебя, если бы могли, не из добрых побуждений, а просто из зависти. Теперь ты в дурном настроении, и тебе хочется найти высокую колокольню или скалу, чтобы поупражняться в своем искусстве. Отправляйся же со всей поспешностью и проделай это, никому не рассказывая, иначе тебе испортят удовольствие.

В качестве второй положенной мне виры я прошу тебя совершить это. Ступай.

Уил улыбнулся, пожелал Галену спокойной ночи и вышел из комнаты.

Уилбур Рэнсом был, в общем, счастливым человеком, счастливее, чем он того заслуживал. Он не только женился на красивой женщине, но и обнаружил, что тело его крепче железа и он может прыгать с самых высоких скал без малейшего вреда для себя. Единственное, что омрачало его счастье, это неудовольствие жены (а может, она ревновала).

И поэтому, проходя мимо Питера с Эмили, Уил в ответ на их вопросы лишь весело помахал рукой и вышел из дома.

ГЛАВА 12

ОН ОБРЕЧЕН И ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

I

– Смурной он какой-то, – проворчал Питер. – Смурнее, чем обычно, в смысле. Странно что-то. Эмили стояла у окна.

– Он уезжает на нашей машине! – Голос ее звучал сердито.

Она обернулась вовремя, чтобы увидеть на лице Питера выражение, которое уже тысячу раз видела раньше. Это выражение говорило: «Такую возможность нельзя упускать». Питер обожал сбегать посреди спора.

Бывший муж покатился к двери и не потрудился ответить, когда она крикнула ему вслед:

– Ну и куда ты направляешься? Ты всегда уходишь прежде, чем мы закончим разговор! Долг зовет, да? Только что ты можешь сделать? Ты же не в состоянии за ним побегать? – Она еще много чего сказала.

Затем он оказался снаружи. Трогательно было наблюдать за ним через окно, видеть, как медленно и неуклюже он

управляется со специальным подъемным механизмом, чтобы затолкать кресло в заднюю часть машины. Питеру пришлось стоять, опираясь на костыли, пока это происходило. А к этому времени Уил уехал так давно, что Питеру совершенно незачем было продолжать погоню.

Но он, естественно, продолжал. Этот раз ничем не отличался от других. Эмили позволила занавеске упасть, загородив ей вид из окна. Она не хотела видеть это снова – Питер, пытающийся преодолеть физический недостаток глупым неотступным упрямством.

Занавеска всколыхнулась, и она поймала секундный проблеск габаритных огней, две красные точки, исчезающие в отдалении на подъездной аллее.

Эмили вздрогнула и обхватила себя руками, удивляясь, чего это она так рассердилась и испугалась.

Секунду спустя она услышала хриплый крик с другого конца коридора. Она перешла с быстрого шага на рысь. Дверь Галеновой комнаты была распахнута, постель пуста, но шум исходил откуда-то дальше по коридору, из хозяйской спальни.

В той спальне телефон упал с тумбочки и валялся в путанице проводов на ковре. Гален стоял на коленях на другом конце комнаты, наставив пальцы на телефон, с перекошенным от ужаса лицом. Он вытянул руки в странном жесте: средние пальцы согнуты, мизинцы и указательные вытянуты в стороны.

Из трубки доносился механический голос:

– Если вы хотите позвонить, пожалуйста, повесьте трубку и наберите номер заново. – Затем раздавалась настойчивая трель, и Гален напрягся от ужаса.

Эмили подошла, подняла телефон и повесила трубку. Она медленно повернулась, мысли на ее лице не отражались.

– Гален, с тобой все в порядке? – ласково спросила она. – Может, приляжешь?

Молодой человек встал, явно потрясенный.

– Голос не принадлежит ничему живому. Даже голоса вампиров звучат для моего слуха более человечно: они некогда были живыми! Я не слышу души! Нет души! Нет души!

– Гален?..

Казалось, он снова овладел собой, лицо его разгладилось.

– Мама, мне надо, чтобы телефонный гонец передал послание одному человеку.

– Гален?.. Ты забыл, как пользоваться телефоном? – Она опасно протянула ему телефон.

Мама, правда, ничего особенного.

Она помахала перед ним телефоном.

– Нет, давай. Какой номер тебе нужен? Гален моргнул.

– Номер? (Азраил думал, что раскрыл секрет механизма. В конце концов, он имел форму магического квадрата. Он старательно, буква за буквой, произнес имя.)

– Если не знаешь, спроси оператора. – В голосе ее появилась нотка страха, и она обеспокоено смотрела на Галена. –

В каком он городе?

– В столице этой страны. Я забыл название. Там есть обелиск, смотрящий на водоем, а в другом месте защитный пятиугольник, охраняющий нацию от бед.

Эмили подняла трубку, набрала номер и попросила помощи оператора в Вашингтоне. Затем медленно протянула трубку Галену.

– Скажи тёте, с кем ты хочешь поговорить.

Гален поднес трубку к уху, затем снова отодвинул. Издал недоверчивый смешок. Приложив ладонь к лицу, он уставился на трубку: сначала в просвет между большим и указательным пальцем, затем между указательным и средним, затем между средним и безымянным и так далее, как будто эти просветы служили своего рода микроскопом. В глазах его появилось странное выражение радости и триумфа.

– В этом механизме спрятан магнитный железняк, не так ли?

Эмили отпрянула.

– Ты не Гален, да?

Юный незнакомец, который выглядел как ее сын, поднял на нее темные сияющие глаза. На губах его играла зловещая улыбка.

– Там внутри находится железка, которая указывает на Полярную звезду, не так ли, мэм?

– Во всех динамиках есть магнит. Кто вы, черт подери, такой? Как вы, черт подери, сумели принять облик моего сы-

на? Где он?

– Во всех? Значит, они здесь обычное дело? – Тут он взялся за крышку микрофона, отделил ее, и на ладонь ему выпал металлический диск.

Он выпрямился, высоко подняв крохотную металлическую пластинку, и рассмеялся.

– Самый могущественный из волшебных помощников! Самый дивный и редкий! И они здесь обычное дело? Ток в магните протянется из моей руки к Полярной звезде. Все, в пределах его досягаемости, досягаемо и для меня! Не надо больше охотиться за оброненными волосками или подстергать тень в зеркале, чтобы проткнуть ее ножом! Теперь у меня есть меч, который достанет до края небес!

Эмили повернулась, выскочила в коридор и бросилась прочь от него. Насмешливый голос юного незнакомца беспечно произнес:

– Мэм, полагаете, что можете убежать от Полярной звезды так же легко, как убежали от своей совести и брачных обетов? Сомнус! Свяжи конечности Эмили цепями иллюзий!

Она успела добежать до гостиной, когда руки и ноги у нее отяжелели. Она упала на колени, потом на пол. Это было кошмарное ощущение, странно знакомое, когда знаешь, что не спишь, но не в состоянии шевельнуться.

Юноша вошел в комнату. В его руках была швабра, изъятая из чулана в прихожей, и он перешагнул через женщину на полу, словно она какая-то вещь. Швабра задергалась у

него в руке и указала на кухонный телефон.

Он вернулся, держа телефон за шнур, и взял из высокой коробки на камине горсть длинных спичек.

Он опустился на колени и зажег спичку, заморожено глядя на ее маленькое пламя. Устремив взгляд на пламя, а не на Эмили, он заговорил.

– Сомнус дарует тебе дар речи. Фантазм приостанавливает способность трезво судить. Все вещи покажутся тебе, как бывает во сне, не странными, но знакомыми, и ты ответишь на мои вопросы. Ты поможешь мне в совершении ритуала. Есть много людей, которые присягнули мне на верность во сне, люди могущественные и влиятельные, короли и бароны. Мы посмотрим, преклонят ли они передо мной колени в знак верности теперь, когда их сны сбываются. Мы призовем их голоса в эту комнату, а пламя скажет нам, говорят ли они правду. Поможешь ли ты мне призвать сюда их голоса?

– Где мой сын?

Эмили казалось, ее голос слишком слаб, чтобы быть услышанным, словно она только вообразила, а не произнесла эти слова. Но он ответил.

– Он на обратной стороне Луны, в пустыне Мук, где слепые приносят боль других в жертву жутким внешним богам Фалегу, Бетору и Аратрону. Не отчаивайся, ибо скоро я намерен снова заключиться в собственную плоть. И я знаю, что королева-волшебница посылает сны (втайне, она полагает, хотя я их раскрыл), чтобы призвать спасителя твоего сына.

А! Но ты мне не веришь? – Он улыбнулся, зажег еще одну длинную спичку и начал подносить пламя все ближе к ее глазам.

– Видишь?

II

Узкая дорога вилась по густо поросшим лесом холмам. Голые ветви, оцетинившиеся толпами сучьев, выделялись паутиными силуэтами на фоне зимних звезд. То и дело чернота пейзажа нарушалась бледными пятнами фонарей над ступенями у соседских дверей или бликами лунного света от бегущей речной воды внизу.

Питер сгорбился над рулем машины, следя за кругами света, которые неслись перед ним по дороге и расталкивали густую темноту впереди. Он видел, как Уил свернул с подъездной аллеи налево. Рэнсом направлялся не к главной дороге. Нет, в том направлении до самого водохранилища нет ни одной развилки.

Вписываясь в поворот, где дорога на минуту выходила в долину реки, Питер уловил отблеск фар вверху впереди. Кто-то припарковался на дамбе возле насосной станции.

Питер утопил акселератор до упора, и машина, виляя, пронеслась по узкому изгибу и со стонами запрыгала по вы-

пуклостям и впадинам дороги. Деревья здесь росли густо, их никто не подстригал, и сучья скребли по крыше и бокам.

Затем лес по обе стороны расступился, и обзор улучшился. Впереди дорога пересекала дамбу. Справа раскинулась под звездами черная гладь водохранилища. Слева створки шлюза пропускали поток несущейся воды, который обрушивался вниз с крутого бока дамбы в реку далеко внизу, издавая шум, напоминающий нескончаемые раскаты грома.

Там, где дамба встречалась со скалой, располагалась небольшая заросль кустов и деревьев. Земля там кренилась под опасным углом, прежде чем рухнуть крутым обрывом. Уил перегнулся через край, держась одной рукой за самый конец согнутой ветки дерева, и заворожено глядел вниз.

Питер знал, что внизу там ничего нет, кроме долгого падения в мелкую воду с каменистым дном.

Он подъехал ближе, притормаживая, опасаясь спугнуть Уила. Дорога позволила ему подобраться к Рэнсому на расстояние нескольких метров.

Детский стишок, которому научил его отец, неотступно вертелся в голове:

Ты спишь, хотя сверкает день.
Ты вроде бодр, но это ложь,
Украл твой разум чародей,
Ты обречен и ты умрешь.

Машина смяла мелкие кусты на пути, но потом пошли

деревья, и ближе Питеру было не подобраться. Он открыл дверь и позвал:

– Эй, Уил, что ты затеял?

Сам он тем временем шарил под сиденьем в поисках колесных скоб.

Тот обернулся и помахал свободной рукой. Взгляд у Уила был стеклянный, на губах застыла отсутствующая улыбка.

– Я собирался прыгнуть со скалы или высокой колокольни. Знаешь, чтоб мозги проветрить. Я обнаружил, что тело у меня крепче железа. Со мной ничего не случится. Я уже много раз так делал. – Тут его идиотская улыбка превратилась в гримасу преувеличенного беспокойства. – Э... ты ведь не скажешь Эмили, правда?

Питер шарил под пассажирским сиденьем в поисках второй скобы и не мог ее найти. Он отозвался:

– Конечно нет. Но сначала одна вещь. Можешь оказать мне услугу?

– Что такое?

Одна нога Рэнсома стояла на земле, другая болталась в воздухе, ветка слегка покачивалась под весом мужчины.

Питер наклонился, поставил оба костыля на землю и рывком сдвинулся вперед, удержавшись за счет силы мощных плеч. Он крикнул.

– Эй... тебе оттуда видно мои номера, а? Уил неохотно отвел глаза от провала.

– А? Конечно видно, ясно как день.

Плечи Питера вздыбились, и он перенес тело вперед, волоча бесполезные ноги по грязи и опавшим листьям.

– Прочитай!

– Что?

Еще шаг. Склон начал опасно крениться.

– Прочитай эти чертовы буквы на номерном знаке.

– Э...

Еще шаг. Впереди его ожидало переплетение ветвей, короткое падение, затем Уил. Затем долгое падение. Питер уже находился на ненадежной земле.

– Не забавно ли, что ты разучился читать? – крикнул он лунатику. – Отчего это, по-твоему? Подумай об этом, мужик!

Вися на одной руке на ветке дерева, стоя одной ногой на склоне, Уил бессмысленно таращился на номерной знак. На лице у него проступало выражение сосредоточенности. Затем он повернул голову и уставился на луну. Лицо его было таким внимательным, будто он ловил неслышные голоса. Затем голова Уила начала медленно опускаться, словно его взгляд притягивала пустота внизу.

Питер, зажмурившись, бросился вперед толчком плеч. Костылям не за что было уцепиться на склоне. Ветви деревьев хлестнули его, когда он упал. Последовал хаос боли и головокружения, пока он кувыркался и катился вниз. Затем удар: он врезался в дерево. Один из костылей полетел в воздушный провал, медленно и бесшумно вращался при паде-

нии.

В спине и бедрах стреляла боль, но он проглотил стоны и стиснул зубы.

Голос Уила раздался рядом:

– Ты ранен? Знаешь, а мне падения никогда не вредят. Тело мое твердо, как железо, так что я могу прыгать со скал и высоких колоколен...

Питер, лежа на животе в опавшей хвое и жесткой, как проволочка, сухой траве, взглянул на горстку зажатых в кулаке листьев. Лицо у него перекосилось от мучительного сосредоточения, губы шевелились, словно он пытался припомнить давно позабытое слово или фразу. Он смутно думал о чем-то, что его отец когда-то заставил его выучить наизусть. Что-то глупое, какой-то Дурацкий детский стишок; нечто выброшенное из головы.

Затем лицо его прояснилось, глаза засияли. Питер крикнул:

– Дерево, за которое ты держишься! Посмотри на него! Посмотри на эту чертову штуку! Ты споришь, что это лавровое дерево?

На самом деле это был клен, но Питер надеялся, что Уил не сообразит.

И действительно, тот ответил:

– А? Я ничего не знаю про деревья, кроме того, что я могу прыгать так далеко, так далеко...

– Духи мира! Он не возразил, что держится за лавр! Эй,

Уил, послушай! Есть песенка про лавровые деревья, меня па-па научил! Не хочешь послушать, черт тебя дери?

– Я поговорю с тобой, когда залезу обратно. Пока...

Питер запел:

Дриада Дафна!

Скромности едва ли Подобной красоте пристал обет!

Ночь не придет туда, где целовали Ту, о которой грезил дерзкий свет.

Обманы сна бегут от стрел полудня,

Их разгоняет струн волшебный гром.

Лишь тот способен одолеть безумье,

Кто коронован лавровым венком.

День, Гелиос, Аполлон, Гиперион! Ты лунное безумие смиряешь,

Тобой повержен полночи дракон!

И внезапно Уил, панически вереща, вцепился в ветку обеими руками.

Пока он взбирался по склону к безопасному месту, Питер лежал в спутанном подлеске, колотя кулаком по земле, по его перекошенному лицу текли слезы, и он стонал: «Иисусе, ёпть, Христе, сработало. Будь старик проклят, сработало. Будь проклят этот старый дом, сработало. Все работает. Это все правда. Будь они прокляты! »

Прошло немало времени, прежде чем он нашел силы подтянуть себя обратно.

ГЛАВА 13

ЛЮДИ, НЕ СВЯЗАННЫЕ ЗАКОНАМИ МАГИИ

I

Рядовой первого класса Нэт Фарлоу стоял по стойке «смирно», как он надеялся, в последний раз. Перед ним на столе у сержанта лежали увольнительные документы: позорные документы. Он слишком часто сиживал на гауптвахте, слишком часто напивался.

Но за столом сидел не его сержант, а младший лейтенант. На именном бейдже было написано: «Моклир». Знаки различия он носил странные: Фарлоу не распознал ни нашивки, ни номер подразделения. СВОР – что это такое? И вместо кепки на мужике красовался голубой берет, каких Фарлоу ни в одном подразделении не видел.

Фарлоу видел: что-то с мужиком не так. И сидит он как-то странно, и руками двигает... Офицер сутулился под неудобным углом, словно у него искривление позвоночника, а пальцы его непрерывно шевелились и бегали туда-сюда по столу,

трогая вещи, играя с ними. Неправильно как-то. Кривая посадка, кривая улыбка. Фарлоу не мог представить себе этого человека на параде. Все в нем было не то. Несмотря на униформу, Фарлоу решил, что военным этот человек являться не может.

Они находились в маленьком деревянном строении, где из-за отсутствия обогревателя было холодно до судорог. Далее на гауптвахте уютнее. Отсюда в распахнутое окно справа виднелся парадный плац, флаг был приспущен из-за недавней неожиданной гибели одного из офицеров базы в авиакатастрофе. Ходили слухи, что первый и второй пилоты просто заснули за штурвалом и шмякнулись вверх ногами... Фарлоу был не из тех, кто верит слухам. Откуда человек может знать, что произошло в кокпите, если все погибли? Он недоумевал, кто мог пустить подобную сплетню.

Лейтенант поднял глаза.

– Полагаю, вы будете счастливы выбраться отсюда. Как только ваш сержант это подпишет, вы свободны.

– Сэр! Да, сэр!

– Вольно, солдат. Присаживайтесь. Хотите пончик? Кофе?

Фарлоу сел на жесткий деревянный стул, выкрашенный в оливково-зеленый цвет. Предложенный кофе солдат не взял. Он решил сразу перейти к делу.

– Сэр, что вы предлагаете?

В глазах у офицера вспыхнула искорка веселья. Это тоже

было странно. Кривая полуулыбка снова появилась на его узком лице.

– Может, и ничего, солдат. Может, ваше будущее. Вы уже подыскали, чем заняться по возвращении домой? Мало кому нужен человек, выброшенный из армии, верно?

– Так, – сказал Фарлоу, – это вербовка? Продолжайте. Выкладывайте.

Моклир помолчал с минуту.

– Кук с вами разговаривал?

Фарлоу виду не показал. Он не хотел неприятностей для Кука. Они побывали вместе на гауптвахте, а потом дружно напились за огневым барьером.

Поэтому он небрежно ответил:

– Просто шизовый треп, сэр. Не уверен, что вообще помню, чего он там нес. Мы оба изрядно нализались.

– Нализались?

– Напились, сэр.

– И что он вам говорил?

Кук нашептывал ему странные и безумные вещи.

II

Они стояли во рву за огневым рубежом после отбоя. Часовые в ров никогда не заглядывали, отсюда было далеко от

казарм, но при этом достаточно легко попасть обратно к себе на койку (быстренько прошмыгнув мимо двух гофрированных ангаров с запчастями), если никто ничего не заметит.

Кук говорил нетвердым голосом:

– Любая баба, какую захочешь, Фарлоу. Прямо к тебе в постель, одетая, раздетая – в любом виде. Выбирай из журналов. С телека. Даже не обязательно живую. Нравится тебе Мэрилин Монро? Мисс Декабрь-шестьдесят восемь? Девочка, по которой ты сох в старших классах? Она явится такой же юной, как тогда. Даже не надо, чтоб они были настоящие. Джонсон говорит, что поймел Женщину-Кошку.

Фарлоу ответил:

– Но если это просто сон, в чем, черт подери, смысл?

– Смысл! – выкрикнул Кук в пьяном веселье. – В этом-то и смысл. С реальной телкой тебе надо беспокоиться, как бы ее не обрюхатить, и чтоб она все время была довольна, и о ее бывшем или родственниках... А с дамой из твоих снов – никаких тревог, никаких забот.

Фарлоу сказал:

– Не могу поверить, что ты только что произнес «дама».

Кто так говорит?

– «Дама лучше книг и злата, дама – лучшая услада!» – ответил тот с задушевым смешком. – Но не зли их. Черт! Не раздражай. А то вместо женщин они посылают пауков. Больших. Клешни такие, чтобы отстричь тебе член, как ты боялся в детстве. Помнишь, как боялся в детстве? «Вот ло-

жусь я сейчас спать, а вдруг умру до того, как проснусь», и все такое? Помнишь, как ты думал, что твоя собственная подушка упадет тебе на лицо и задушит? Помнишь человека в чулане, человека с крюком, который ждал, пока мама погасит ночник? Если ты переступишь черту, они посылают плохие сны. Что тебя похоронили заживо. И крысы едят тебе лицо. Ненавижу ощущение, как маленькие зубы раздирают щеку (ну, знаешь, как это), и можно просунуть язык в дырку. Или гниение. Есть такой сон, когда все твое тело гниет и разваливается, с хрустом, по кусочку, выпадают зубы, потом глаза. Нет. Нет. Не зли их. Как от них уйдешь? Никак. Спать-то иногда надо.

– Кого не злить, мужик? Кого?

– Его держат в клетке. Он выходит.

– Кто? Кто выходит?

– Волшебник.

– Что?

Чудес-с-ный волш-ш-шебник Оз-з. Йэх!

После этого беседа потонула в невразумительном бурчании.

III

Фарлоу решил не отвечать.

– Кук. Да ничего он не говорил, сэр.

Моклир оперся на локоть и склонил голову набок.

– Стало быть, вы умеете хранить тайны. Это мне нравится. Нет, Кука не накажут. Мы просили его намекнуть вам о нашем новом подразделении, чтобы посмотреть, не заинтересуетесь ли вы.

– Посмотреть, не расскажу ли я сержанту, вы хотите сказать.

Фарлоу видел эту игру с самого начала: если он скажет кому-нибудь, то все нашептанное Куком окажется пьяным бредом. Промолчит – придут сами.

Так и вышло.

Он сказал:

– Кук говорил, что снова поступает на службу. Это показалось мне смешным – ведь его вышвырнули, как и меня.

Моклир склонил голову на другую сторону. Фарлоу заметил, что глаза у него разъезжаются. Может, у парня что-то не в порядке с нервной системой? Болезнь или еще что?

Моклир сказал:

– Мы набираем людей.

– Куда?

– В Систему военного оперативного резерва. Видите ли, нынче мир стал гораздо опаснее – эти террористы, иностранцы и прочая шваль. Наркодиллеры вооружаются все более и более серьезным оружием – вы не поверите, где порой всплывает бывшее советское добро. И бунты, мятежи, протесты.

сты. Множество людей слетает с катушек. Вам известно, что уровень душевных расстройств растет? Наркозависимость, убийства... Так что в верхах сформировали при участии БАТФ гибкое оперативное подразделение, не подчиняющееся обычной командной иерархии. Элитное соединение, способное быстро развернуться на материковой части США, чтобы иметь дело с новыми угрозами, которые выдвигает новый мир. Восстания, мятежи, протесты и всякое такое.

– Кто угрожает бунтом?

– Ой, – отмахнулся Моклир, – элитное подразделение формируется исключительно в превентивных целях.

– Элитное? Дядя, вы не с тем разговариваете. – Фарлоу ткнул в бумаги на столе. – Вы же читали мою характеристику.

– Ах, друг мой, – произнес лейтенант тоном, в котором на чисто отсутствовало дружелюбие. – Подразделение не ищет людей, проявивших обычные добродетели вроде дисциплины, мужества, патриотизма и верности. Есть иные психологические факторы, которые более полезны. Кук не распространялся относительно нашей программы поощрений? На счет того, каким нам видится будущее?

– Он сказал много такого, что звучало для меня как измена.

– О, это слово! Какое путаное, старомодное, неизящное слово! Измена чему? Кому? Мы живем в великой стране – несомненно, величайшей в истории, и в нынешний мо-

мент мощи нации не противостоит ни один серьезный враг. Кто бы ни вступил с нами в открытый бой, он быстро будет сокрушен. Так чего этой нации бояться? Внутренних врагов. Проникающих через наши границы иностранцев. Предательства. Террора. Инакомыслия. Голосов, осуждающих нашу систему власти. Единственное, чего надо бояться, – слабости. Брожения. Бунтов. Единственное, чего нам стоит опасаться, это предательства по отношению к людям. А люди хотят безопасности. А! Но, похоже, я не убедил вас, рядовой Фарлоу! Что ж, вероятно, мы ошиблись.

И он собрал увольнительные документы, взял ручку с подставки и сделал вид, что собирается подписать их.

– Погодите минуту, – подал голос Фарлоу.

Офицер пригнулся низко к столу, едва не прижав ухо к бумагам, и искоса глянул на рядового ярким глазом.

Солдат медленно произнес:

– Кук говорил что-то насчет того, что мое дело будет опечатано.

Моклир ответил:

– Ему полагалось сказать «ликвидировано». Мы не прибегаем к полумерам.

– Кто именно «мы»? Моклир криво улыбнулся.

– Мы – побеждающая сторона. Вы ведь хотите быть на стороне победителя?

– Не припоминаю, чтобы объявляли войну.

– О, война идет всегда.

– Между?..

– Между теми, кто играет по правилам, и теми, кто идет вперед. И на какой стороне предпочли бы оказаться вы? – Пальцы Моклира дернулись, и он взял бумаги со стола. – Вы знаете, что все ваши будущие хозяева это увидят, не так ли? Если они у вас будут. Да, полагаю, всегда можно прожить на пособие, но тогда придется иметь дело с социальными работниками и прочими, а они не особенно отличаются от любой другой бюрократии, где бы то ни было, так ведь? У них тоже есть люди, которые следуют правилам, и люди, которые эти правила используют.

Фарлоу с минуту ничего не говорил. Он пытался понять, угрожает ли ему этот скрюченный человечек, и если так, то что он, Нэт Фарлоу, может с этим поделать. Хорошо бы дать ему от души в рыло, но лишние шесть месяцев на гауптвахте кажутся мрачной перспективой, когда лишь несколько минут отделяют человека от того, чтобы снять эту дурацкую форму и надеть штатскую одежду.

Он подумал: «Будь у меня хоть капля здравого смысла, я бы развернулся и вышел в эту дверь прямо сейчас. Они просто банда психов. Может, они и в форме, но с армией ничего общего не имеют. Трюмные крысы тоже живут на корабле, но никто не считает их частью экипажа».

Вслух он произнес:

– Кук, похоже, думает, что вы, парни, – ну, ваша сторона – собираетесь изменить мир к лучшему. Прижать богатых, из-

бавиться от коррупции в правительстве и в большом бизнесе, проследить, чтобы со всеми поступали по-честному. Накормить бедных. Но Джонсон говорил...

Лицо у Моклира перекошилось. Одна бровь поехала вверх, а другая вниз.

– Вы разговаривали с Джонсоном? Интересно.

Фарлоу догадался, что Джонсону не полагалось с ним беседовать. Черт. Он не собирался подкладывать Джонсону свинью. Нэту нравилось думать о себе как о человеке, который не раскрывает карты, но он промахнулся.

– Джонсон, похоже, считает, что ваше новое особое подразделение намерено помочь восстановить закон и порядок, снести несколько голов, убрать бомжей с улиц и грязь из Голливуда, швырнуть в тюрьму несколько предателей и подстрекателей. Стало быть, вы рассказали этим двоим разные истории, так? Мне вот интересно, можно ли это называть стратегией победителей? И нашим, и вашим. Потому что одного мужика хватит, чтобы выслушать обе стороны и разобраться, что вы на самом деле затеваете.

Моклир развел руками и улыбнулся.

– Ох уж эти парни. Им пришлось рассказать то, что они хотели услышать. Что еще можно поделаться с такими людьми?

Хоть и кривая получилась улыбка, но ощущалось в ней нечто теплое и братское. Да, Фарлоу знал, насколько люди бывают тупы. Что с ними поделаешь?

Интонация лейтенанта сделалась задушевной:

– Но люди вроде нас – те, которые хотят быть на победившей стороне, – не питают подобных иллюзий, верно?

Моклир умолк на мгновение, дабы собеседник проникся этой мыслью, а затем продолжал доверительным тоном:

– Я выложу карты на стол. Мне надо заполнить квоту. График передвинули. У нас есть босс, который всем заправляет, и он скоро выйдет на сцену. Поэтому нам надо быть готовыми раньше, чем мы рассчитывали. Поэтому мне необходимо набрать людей быстро. Все, что мне нужно, – чтобы человек знал, с какого конца ствола вылетает снаряд, и слушался приказов. Но нам нужны и люди с мозгами. Смешные ребята. Люди, которые знают, как идет игра. Люди без иллюзий, идеалов, запутанных обязательств. Люди, которых нельзя одурачить лестью или фокусами. Вы такой человек, Фарлоу?

На Нэта Фарлоу намек на то, что он выше обычных человеческих иллюзий, подействовал неотразимо. То, что он не падок на лесть, было самым приятным – давно он ни от кого не слышал таких комплиментов.

Словно маленький язычок жаркого пламени загорелся внутри него, и он почувствовал темное дикарское удовлетворение, когда услышал то, что сам всегда думал. Словно он вернулся домой – к людям, подобным ему. К людям, которые знают, что мир это мешок дерьма, что все кости мечены, но тем не менее ухитряются выигрывать.

(Мысль, что это также всего лишь ложь и приманка, которую ему предлагают, поскольку именно это он и хочет услышать, украдкой высунула нос, будто сурок из норы. Но эта мысль была для него нелестной, ей не понравилась собственная тень, и она спряталась обратно.)

– Я подумаю об этом, – сказал Фарлоу. – Если я решу принять ваше предложение, к кому мне обратиться?

Моклир назвал размер жалованья, более чем в десять раз превышающий жалкий оклад по третьему разряду, который сейчас получал рядовой.

– Есть и другие блага. Кук упоминал о некоторых из них. Мы о своих заботимся. Заинтересовались?

Фарлоу хотел бы спрятать голодное выражение лица, но знал, что скрюченный человечек его заметил. Очередной промах. Теперь нечего разыгрывать скромность.

– Что ж, возможно, тут не о чем раздумывать. Да. Я заинтересован.

Моклир сказал:

– Разумеется, нужно пройти тест.

– Типа посвящения?

Фарлоу знал, как устроены банды. Стоит новобранцу совершить нечто ужасное, чего власти не смогут простить, – и верность его гарантирована. Идти ему больше некуда, и его шантажом удерживают в рамках.

– Ничего такого ужасного. Уэнтворт набирает особую группу из людей, имеющих определенные... психологиче-

ские факторы. – Он вынул пачку бумаги из ящика стола. – Заполните анкету и прошение о переводе...

– Я по-прежнему останусь в армии? Или нет?

– Вы получите армейский чин, но спецподразделение будет проводить операции там, где понадобится, и за морем, и на территории США. Иногда в форме, иногда нет.

Фарлоу просмотрел вопросы.

– Смотрю, вы тут спрашиваете об очень личных вещах.

– Это для психологической оценки.

– Вам позволено задавать подобные вопросы? Люди в наши дни используют слово «содомия»? А что случилось с правилом «не спрашивают, не говори»?

Моклир развел руками и поднял брови с видом оскорбленной невинности.

– Мы стараемся быть открытыми для всех, а новое подразделение ищет людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Это часть нашей программы разнообразия.

– Почему вы здесь спрашиваете о моих сексуальных партнерах?... «Или, если с женой, была ли церемония проведена в церкви»?..

– Это просто медицинская информация. Венерические заболевания, знаете ли. К тому же люди, прошедшие через венчание, обычно дольше остаются в браке. Нам нужно это знать, потому что данные обстоятельства влияют на наши страховые взносы, поскольку МАФ занимается бракоразводными и опекунами делами, а эти суммы изымаются из на-

ших операционных накладных расходов. Вы ж понимаете.

– А как насчет вот этого: «Имели ли вы когда-нибудь сексуальные отношения или интимный физический контакт с еврейкой, язычницей или некрещеной женщиной?» Кому какое дело? К чему, черт подери, это все?

– Часть наших обязательств по отделению церкви от государства. Говоря о которых... не могли бы вы встать, пожалуйста?

Из другого шкафа Моклир извлек распятие и с грохотом уронил его на доски пола. Это был маленький деревянный крест, тщательно отполированный, с выполненной из слоновой кости фигуркой страдающего Христа. Красивая, простая и изящная ручная работа.

Моклир произнес, как само собой разумеющееся:

– Наступите на распятие, пожалуйста, и мы сможем перейти к вашему прошению о переводе.

Фарлоу посмотрел на крест на полу.

– Затруднения, рядовой?

– Вы, должно быть, шутите?

– Всего лишь психологический тест, – успокоил его

Моклир.

Солдат медленно покачал головой.

– Вы, ребята... необычные... так? Это похоже на...

IV

У Фарлоу была тетья, которую все звали Безумной Джейн. Он полагал, что в каждой семье есть кто-то вроде нее. Для некоторых людей безумием становилось коллекционирование марок или наблюдение за птицами, а для нее это были рыцари-тамплиеры. Материалы по теории заговоров, интересные лишь медиэвистам. Безумная Джейн не сомневалась, что существуют огромные сокровища, включая, может, даже Ковчег завета, спрятанные где-то в старых европейских монастырях, – сокровища тамплиеров.

Безумная Джейн посвящала в свои изыскания всех. Несмотря на отчаянное сопротивление Фарлоу, ему она тоже обо всем рассказала. Когда французский король Филипп Красивый изничтожил рыцарей ордена Храма Иерусалимского, те под пытками сознавались во всевозможных эксцентричных вещах и поступках, шокирующих сознание среднего бюргера Темных веков. Среднему бюргеру полагалось думать, что Филипп Красивый – честный король, а не просто проходимец, затеявший ограбить богатых рыцарей. Естественно, тамплиеры признавались во всем, чего хотели от них мучители: акты содомии и поклонения дьяволу, сокупление с еврейками, ведьмами и некрещеными наложницами с Востока, – иными словами, в поступках, которые пло-

хо выглядели только в глазах людей того времени. На подобные вещи ни один современный человек не обратил бы внимания – прелюбодеяние, поклонение природе, неуважение к церкви.

Тамплиеры не исповедались ни в чем таком, что осудил бы современный человек вроде Фарлоу. Черт, никто из его знакомых не ходил в церковь, кроме как по приказу, и не избегал женщин. Шлюхи для того и существуют. У человека не все дома, если он беспокоится о подобных вещах. Только девушки с глубинными психологическими проблемами хранили девственность до свадьбы, а ни один мужчина, знакомый Фарлоу, – никогда.

Какой-то привет из прошлого. Наступить на крест? Каким людям может быть дело до этого в наши дни?

Фарлоу всегда думал, что жители заморских краев похожи на американцев или хотят быть таковыми. Он не мог представить себе страны или народа, где бы человека попросили наступить на крест и стали бы переживать, если б он это сделал.

Прямо какой-то вудуистский ритуал. Будто этот парень и его босс из родного городка тети Джейн в Шизоленде.

Поэтому Фарлоу стоял столбом, слегка приоткрыв рот и прищурившись, и пытался сообразить, что к чему. Откуда эти парни?

V

– Если тест для вас слишком труден, рядовой Фарлоу, это будет отмечено в вашем деле, – устало произнес Моклир. – Естественно, дело сугубо добровольное,

– Но я слегка удивлен. Я думал, вы принадлежите к высшему личностному типу, к тем, кто сознает глубинную бессмысленность ритуалов, икон и материальных объектов, а?

– А волшебник на самом деле существует? Кук говорил что-то насчет волшебника.

Вопрос сорвался у него с языка сам по себе.

Произнося эти слова, Фарлоу вдруг осознал, что мысль, казавшаяся столь комичной и книжной, вдруг перестала быть такой уж забавной. Существо, способное подчинить ткань реальности собственной ужасной воле, существо, стоящее вне любых законов, человеческих и природных, способное трансформировать вещи и исказить их... как иначе назвать его, если не словом из детских волшебных сказок?

Давным-давно Нэт где-то прочитал, что изначально волшебные сказки были куда мрачнее и кровавее, чем их мультяшные версии, которые разрешается смотреть детям.

Моклир вежливо пояснил:

– Мы установили контакт с человеком, умеющим делать то, что мы затрудняемся объяснить или объясняем поверх-

ностно. Я уверен, наука парапсихология в самом скором времени сумеет найти ответ. Разумеется, непосвященным это кажется магией, но, опять же, существует множество чудес науки и техники, которые поразили бы людей из примитивных времен и отсталых стран. Такая ли уж большая разница? Несомненно, Куку наш хозяин мог показаться очень впечатляющей и пугающей фигурой, способной на необъяснимые чудеса, и человек с ограниченным интеллектом, вроде Кука, вполне мог воспользоваться словом «волшебник» для описания явления, которое его мелкий ум не в состоянии охватить. Эта загадочность – часть приемов психологической войны. Вы же понимаете. Но... – И тут кривая улыбка сделалась шире, и слишком много зубов показалось между тонкими бесцветными губами Моклира. – Но предположите, что мир еще более странен, чем вам снилось. Подумайте, вдруг там снаружи что-то есть? Может, на темной стороне Луны или в глубинах моря. Допустите, что в безумных советских экспериментах с телепатией и в исследованиях совпадающих сновидений имелось рациональное зерно. Или в огнях, которые люди иногда видят в небе. Что бы вы сделали, если бы было так?

– В каком смысле «что бы я сделал»?

– Если бы обнаружили существа, способные подчинять законы природы, использовать их, метить кости. Нам бы они показались волшебниками, не так ли? Если бы подобные создания существовали, у нас не осталось бы выбора, верно?

Пришлось бы заполучить хоть одного на свою сторону. Найти такого, который защитил бы нас от всех остальных. Это всего лишь здравый смысл. И конечно, конечно, вам пришлось бы хранить все это в тайне.

– В тайне... Почему? – не понял Фарлоу. – Это попало бы во все газеты. Величайшая сенсация. Все равно что открыть жизнь на других планетах!

– В тайне, потому что мы говорим о жизни на нашей планете, о темных существах, скрытых с самого начала. В тайне, потому что люди, которые распространяются о подобных вещах среди бела дня, исчезают и бывают забыты. Мир имеет свои защитные механизмы.

Фарлоу сказал:

– Вы убили того летчика, так ведь? Заставили экипаж заснуть.

Моклир произнес самым ласковым и неубедительным тоном:

– Не говорите глупостей. Если бы мы умели делать подобные вещи, мы могли бы творить все, что угодно. Что угодно с кем угодно. Где угодно. И как бы люди этого избегали? Спать-то иногда надо. – Он расплылся в зубастой улыбке. – И если бы мы могли делать подобные вещи, кто захотел бы оставаться на нашей стороне, а?

Фарлоу наступил на крест. Моклир сказал:

– Добро пожаловать на борт, юнга. У нас есть вступительный бонус, если порекомендуешь еще одного соискателя.

VI

Позже, сняв маску, позволявшую ему выглядеть по-человечески, дабы прохладный бриз проветрил мех на настоящем лице под ней, Моклир (его настоящее имя было Мак-и-Ллейрр, но он устал от того, как люди его коверкали) сидел, заполняя оставшиеся документы. Свет не горел (он ненавидел человеческие фонари), а его глазам вполне хватало лунного блеска. Искусству чтения и письма он выучился давным-давно у пленного моряка, которому дарили лишние сутки жизни за каждый день, в который он учил Моклира чему-нибудь новому.

Он писал: «Испытуемый охотно поцеловал задний проход статуи Бафомета, но отказался плюнуть на экземпляр США, когда его об этом попросили. Субъект слишком любопытен и слишком умен и может впоследствии оказать сопротивление организации».

Моклир нахмурился и принялся грызть ручку острыми белыми зубами. Ему надо было собрать квоту, а отдуваться за поставку Уэнтворту или двору Настронда некачественных рекрутов не хотелось. Он принялся строчить дальше:

«Соответственно, рекомендуется отправка субъекта в "горячие" точки КОНША (Континентальных Штатов Амери-

ки), где от него потребуется открывать огонь по мирным жителям или совершать иные действия, которые более прочно свяжут его с движением. Включите его в операции по Эвернессу, но не позволяйте действовать за пределами досягаемости "наставников". Однако при условии ослабления верности субъекта его нынешнему королю он может быть переведен в резерв для пополнения офицерского состава».

Спохватившись, Моклир зачеркнул слово «королю» и написал над ним аккуратными мелкими буквами: «республике».

Его лапа заколебалась над графой для заметок интервьюера, где значилось: «По прибытии соплеменника перевести в оболочку. Да/Нет».

Его народ на самом деле не мог похвастать избытком храбрости и точным выполнением приказов. К тому же, в отличие от смертных, тюленидов связывали законы магии. С другой стороны, Моклир видел подружку Фарлоу, и она показалась ему весьма привлекательной, так что, если парня заменить, коллега в его шкуре неплохо проведет время...

Он обвел кружочком «да».

Затем поднял документ к лунному свету, довольно оскандившись. Есть.

Моклир взял очередной бланк из лотка с входящими документами. Высота бумажной стопки не удивляла его. Если из тысячи человек только одного удавалось склонить к предательству, то шансы набрать пятьдесят рекрутов при исход-

ных пятидесяти тысячах оценивались выше средних.

Фокус заключался в том, чтобы отобрать эти полсотни, не привлекая внимания пятидесяти тысяч честных людей. Хотя, имея в руках Виндьямарский планетарий и сверяющихся по звездам пленных астрологов, да еще чародея, заглядывающего в сны, дабы выведать тайные страхи и слабости кандидатов, риск ошибки сводился к минимуму.

Покончив с бумажной работой, Моклир извлек маленькую глиняную трубку, набил ее табаком из кисета и, натянув на минутку человеческое лицо, чтобы зажечь спичку (огонь не казался таким страшным, если смотреть на него человеческими глазами), устроился насладиться одним из многочисленных пороков, приобретенных за время ношения смертной оболочки.

Он снял человеческое лицо и позволил ночному ветерку из окна ласкать свой черный мех. Откинув узкую голову назад, он выпустил в потолок изящное дымное колечко.

Даже если вызов поступит сегодня (а он, честно говоря, допускал такую возможность), для небольшой операции людей у него хватит. Они будут выглядеть как солдаты армии США, в соответствующей униформе и с соответствующим флагом. Большинство в его подразделении до сих пор составляли люди типа Фарлоу, которые продали души и понимали это, сознательно предавая свой мундир. Но некоторые – поглупее, вроде Кука – вполне способны убедить себя, что по-прежнему каким-то образом остаются верными солдата-

ми собственной страны.

Таков был обычай его народа: пусть враг сражается с врагом, брат восстает на брата, человек убивает человека. Невинный либо убьет невинного, либо расстанется с жизнью. В этом-то самая прелесть! Не важно, сознают ли предатели измену – люди, в которых они стреляют, все равно умрут, каждый порядочный военный запяtnает свою честь, и ни один человек доброй воли не рискнет довериться тем, кому только и нужно доверять. Таков обычай.

VII

Позже по определенным знамениям Моклир заключил, что следует ожидать посещения. Когда луна зашла за облако, пустую комнату заполнили черные тени. Он почувствовал холодное прикосновение страха и понял – это из-за того, что он смотрит на темноту смертными глазами. Мананнан стянул человеческое лицо с черного меха.

Тонкая и высокая черная тень, заключенная в костяной доспех, маячила в самом дальнем от окна углу, словно была там всегда.

– Ну? – проворчал Моклир. Раздался холодный голос:

– Сегодня. Убийца Белого Оленя поднимается.

– А стражи? Если они подуют в свой проклятый рог...

Но голос у него сел от страха при одной мысли об этом, и он не договорил. Ему не хотелось сгореть заживо, навсегда, в безжалостном и сияющем свете.

Неживой и лишенный дыхания голос продолжал:

– Рог находится в доме, куда может войти только смертный. У тебя есть смертные люди?

– Люди у меня имеются, и самые что ни на есть смертные. Где?

– Мэн. Ты знаешь это место?

– Ха-хар, Старый Костяк. Каждый корабль, потопленный норд-остом, я знаю. Каждую скалу, на которой бледные матросские жены напрасно ждали возвращения своих мужчин из жестоких волн, я знаю. Где стена между явью и кошмарным сном тонка – это место я знаю лучше всего.

– Тогда собери там своих людей, не связанных законами магии, и вложи им в руки людское оружие из холодного железа. Уэнтворт говорит.

Уэнтворт! Один из трех, кто путешествовал во сне, побеседовал с чародеем и выжил. Его шкурку стоило бы заполнить, когда хозяин осыплет его дарами, но перестанет нуждаться в нем для исполнения грязной работы.

Ибо это также обычай его народа.

Когда луна выплыла из-за облака, запах могильной земли еще держался, но Кощей Бессмертный исчез.

Натянув обратно человеческое лицо, Моклир снял телефонную трубку. Он протянул мохнатую лапу (человеческие

перчатки он снял) и нажал кнопку, моргнувшую, словно огненная бабочка.

Ответил всхлипывающий голос. Он произнес пароль и дождался отзыва.

Моклир сказал:

– Нынче у меня намечается довольно грязная работенка и, эй, некоторая опасность. Поэтому я сверну свою шкуру и положу ее в наше место. Если надеешься снова увидеть твою самку и щенков, не станешь проявлять неуважение к имени Мак-и-Ллейрра!

Снова слезы и рыдания, но вскоре он заставил дублера согласиться. После дополнительных уговоров, всхлипываний и обоюдных угроз двое договорились относительно знаков и паролей для следующей беседы.

– И заруби себе на носу, шавка подхалимская, – предупредил Моклир, – шкурку мою как следует расчесать и почистить, когда перестанешь носить мое милое личико! Чтоб больше никаких дурацких колтунов и сигаретных ожогов на моей замечательной шубке! Р-р-р! Без фокусов! Если снова выставишь меня на посмешище, клянусь Сетebом, ты горько пожалеешь об этом дне!

После последнего звонка трубочный дым отдавал горечью у него во рту. Бывали случаи, когда Моклир плевать хотел на обычаи своего народа.

ГЛАВА 14

ЭЛЬФИЙСКИЙ ФОНАРЬ

I

Двое мужчин разговаривали в круге света, отбрасываемом масляной лампой, которую доктор поставил на пол слева от двери, у подножия не заржавленного доспеха.

– Если у вас в руке что-то есть, нет причин прятать это от меня, – сказал Дю Лак. – В конце концов, вы у меня в гостях.

– Если вы и вправду врач, – пророкотал в ответ Ворон, – думается мне, нет причин скрывать, кто вы на самом деле. Понимаете, я же не знаю, как вы попали в дом. Может, вы вводите старику наркотики, нет?

– А вы, сэр, возможно...

Но его перебили. В открытую дверь собеседники увидели появившуюся в отдалении точку серебряного света. По коридору, словно окруженная сияющим ореолом вечерняя звезда, видимая сквозь прозрачные туманы, приближался свет. По мере его приближения слух уловил звук легких быстрых шагов.

Глаза Ворона не отрывались от коридора, но он взял и

стиснул руку врача.

– Что такое мы видим? – спросил он приглушенным шепотом.

– Сверхъестественное явление, – хрипло отозвался доктор. – Не понимаю, что оно значит. Я ничего не знаю об этом проклятом доме и его тайнах. Те, кто меня послал, не посвятили в свои секреты...

Свет двигался вперед, и это оказалась улыбающаяся Венди, бегущая по коридору – черные волосы развеваются вокруг лица, юбки хлопают, как крылья. На ладони она несла миниатюрный фонарик, не больше женского мизинчика, с крохотными квадратными стеклянными створками и кольцом, слишком маленьким, чтобы просунуть в него палец. Внутри помещалась хрустальная призма, сияющая ослепительным огнем, словно отраженным от какого-то невидимого источника.

– Привет! – окликнула Венди. – Вы что, меня не узнаете? Это же я, Венди!

– Юная леди, – спросил доктор, – где вы взяли эту лампу? Но Венди уже тараторила Ворону:

– ... великаны, и тюлени, и мертвые кони, и всё! Они бьются в стены! Надо что-то делать! – Затем повернулась к доктору и скороговоркой ответила: – Я была в библиотеке. Думаю, лучше держать ее здесь, чтобы не повредить книгам. Видите? Огня нет. – Она гордо подняла фонарик.

– Это волшебная лампа, – сказал доктор. – Из Альфхейма.

Она не станет гореть в смертных руках.

– Но ведь снаружи ничего нет! – возразил Ворон. – Только штормовой ветер да бурное море. Как нам бороться с морскими волнами?

– Найти магию! – нетерпеливо ответила ему супруга, топая ножкой. И, обернувшись к доктору, крикнула: – На! Лови! – И кинула ему лампу.

Результат оказался поразительным. Быстрее, чем нападающая змея, слишком быстро для человеческого глаза, врач протянул руку к поясу доспеха, стоящего у двери, выхватил меч и отбил летящую лампу в воздухе. Та рикошетом отлетела на пол и зазвенела, словно тонкий хрусталь, пылая подобно падающей звезде.

На одно ледящее мгновение доктор невесомо застыл: полы сюртука развевались, пенсне зависло в воздухе на кончике цепочки, в одной руке сияющий меч, другая элегантно жестом отведена за плечо, глаза спокойные и беспощадные. Лицо его на миг предстало безмятежным, красивым, полным жизни.

Звон металла о металл прозвучал в комнате, как куранты, – долгий чистый звук.

В следующее мгновение доктор стоял смущенный, открыв от удивления рот, оглушенный, словно проявленная им в обращении с мечом безупречная грация была рефлексом, ошибкой. Крохотный фонарик подкатился к его ногам и остановился.

Все еще рассеянно доктор наклонился подобрать серебряный огонек.

Тот погас при его прикосновении. Когда Дю Лак выпрямился, прежнее сардоническое выражение вернулось к нему, и в свете масляной лампы (по контрасту слабom и неясном) Венди увидела, как маленькие морщинки горечи вновь проступают вокруг его рта и носа.

– Ну и ну! – воскликнула она. – Такого я не ожидала!

II

– Я тоже, милая, – сухо ответил доктор и передал ей маленькую лампу.

– Значит, вы человек, – кивнула она. Пятнышко света, поначалу еле заметное, снова появилось в глубине фонарика.

– Возможно, даже слишком, – сухо отозвался он. – Здешняя магия не станет служить мне. Она распознает во мне предателя и клятвопреступника.

Ворон спросил:

– Кто послал вас? Кто вы?

– Я врач. И бухгалтер, и адвокат, и моряк, и водопроводчик. А до того я побывал священником и, ох, еще кем только не был. Бремя множества жизней, потраченных на приобретение бесполезных навыков, лежит на моих плечах. Но

теперь я должен вернуться к своим обязанностям. – Он повернулся к ним спиной и шагнул в сторону коридора.

– Погодите! – Ворон было двинулся за ним.

– Вы должны присматривать за пациентом, сударь! – напомнил доктор.

– Только если вы останетесь и ответите на вопросы! – возразил бородач.

– Нет времени! – Доктор взмахнул мечом, указывая на восточные окна. – Отродья Нидхёгга надвигаются на нас.

Венди сказала:

– Тогда три вопроса.

– Пардон?

– Три вопроса, и мы поможем вам надеть доспехи. Они же ваши, не так ли? Для севера и юга по одному комплекту, но для запада два, и тот, другой, ржавый, а не новехонький, как этот.

Доктор поклонился с куртуазным изяществом.

– Спрашивайте, миледи. – И, откинув плащ, указал на кольчугу.

– Кто послал вас? – повторил свой вопрос Ворон и начал натягивать кольчугу на плечи доктору.

Набирающий силу шторм бился в окна. Донесся раскат грома.

– Я призван вновь из башни Осенних Звезд, где спит мой повелитель, советом добрых волшебниц, охраняющих Англию от вторжений. Ох! Поаккуратнее, пожалуйста. Нет,

это для руки. Члены совета слишком стары и слабы, чтобы явиться самолично. Одна служит архивариусом в маленьком музее... Соедините застёжки... Другая ведет неприметную жизнь среди комнатных растений в компании сотни кошек... Левое плечо, левое... Последняя пребывает в женском монастыре Святой Анны в Оксфорде. Они дали мне эту одежду, самую современную, какая у них нашлась.

Венди улыбнулась и спросила:

– Почему они послали за вами?

– Я непобедим в бою. Но... – Тут он поднял глаза к потолку, глубоко вздохнул и сморгнул. Когда он снова опустил голову, губы его были сжаты в мрачную линию. – Я предал лучшего друга, который был и моим королем. И не каким-нибудь королем – большинство из тех, кто носит корону, негодяи и трусы, лжецы и мошенники, какими становятся все люди, облеченные властью, – но самым справедливым и беспристрастным человеком... Ладно. Довольно об этом. В наказание мне не дано сразиться в последней битве. В это время мой меч, храбрый Дюрандаль, будет ржаветь в бездействии, пока другие мужи завоевывают славу. Они спят сном праведников и улыбаются во сне. А я должен бодрствовать все эти медленные века, бдеть и охранять. Как маленький мальчик, оставленный стеречь рождественскую елку, совершенно один в Сочельник, – но его отошлют прочь, едва колокола прозвонят к заутрене. Его удел – охранять подарки, которые откроют другие маленькие мальчики. Довольно! Мо-

их ответов хватит уже на дюжину вопросов!

Он выдернул из рук Венди шлем с плюмажем и отвернулся.

– Погодите! – остановила его Венди. – Давайте, я застегну вам пояс.

Он медленно повернулся обратно.

– Моя госпожа, я... Женщина не делает таких вещей, кроме как для мужчины, который... То есть...

Венди опустила на колени, обхватила его руками за талию и начала оборачивать длинный пояс вокруг него.

– Ой, помолчите! Я сделаю это, если захочу. У вас лицо протрется по швам, если не перестанете хмуриться! А ну улыбнитесь, а то платок не дам!

– У вас есть платок?

– Ну, в косметичке найдется пачка «клинекса». Думаю, сойдет.

И он улыбался, стоя с разведенными в стороны руками, пока она оборачивала пояс в третий раз.

Венди застегнула тяжелую пряжку боевого пояса.

– Ну вот. Третий вопрос! Что это за дом? Доктор глубоко вздохнул.

– Это последний дом, где обитает магия. Он един и в явном мире, и в царстве снов. Здесь два мира соприкасаются. По этой причине дом также является вратами, через которые твари, населяющие людские кошмары, должны пройти, если собираются завоевать Землю. Если этот дом меняется даже

в мельчайшей детали – например, зажигается электрический фонарик, – он отходит от своего двойника в другом мире. Но он охраняет и врата, через которые прилетают добрые сны. Если он падет, все сновидения погибнут.

– Если дом так важен, почему здесь больше нет людей? Армии? – удивился Ворон.

– Кто в наши дни станет заботиться о сохранности сновидений?

– А вы? – возразила Венди.

– Миледи, теперь, когда я снова одет как обитатель волшебной страны, я снова должен выйти в двери сна. Вы не увидите меня после восхода солнца; но я не пушу их сюда. Ужас перед моим мечом заставит их отпрянуть, если будет на то воля Божья, пока рыцарь красного креста и королева войны присматривают за мной.

– Пригодится, а? – Ворон протянул ему щит, украшенный тремя лилиями на лазурном поле.

Венди вынула бумажный платочек и заткнула его за крагу латной рукавицы, затем поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

Теперь он улыбнулся по-настоящему, и некоторые из горьких морщинок вокруг рта разгладились, чтобы уже не вернуться. И в этот миг лицо его излучало юность, смелость и достоинство.

Он опустил на одно колено и взял меч за лезвие рукоятку вверх, чтобы тень от крестовины легла между ними.

– Да проследят святой Георгий и Красная Мален, а с ними ангелы-воины Траяновых небес, чтобы все, кто поднимает оружие за правое дело, вышли из битвы невредимыми или упокоились в сладостном отдохновении на небесах!

Он встал, перевернул меч и вскинул клинок в резком салюте, затем лихо развернулся на каблуках и зашагал прочь, звеня шпорами – в одной руке обнаженный меч, в другой сияющий щит. Он уходил все дальше по коридору и наконец исчез. Звенящее эхо его шагов потускнело и стихло.

III

К северу от хозяйской спальни имелась маленькая комнатка. Окна ее выходили на восток. Одна стена состояла из раздвижных панелей. Сдвинув их, Венди и Ворон смогли усесться за маленький столик и по-прежнему видеть дедушкину кровать и слышать его негромкое безмятежное похрапывание.

Посередине стола сияла странными серебряными лучами крохотная лампа. Серебристое сияние играло на их лицах и руках, волосы и одежда казались по контрасту темными и далекими. Остальная часть комнаты по-прежнему пребывала в тени. Ворон, чтобы защититься от холода, нацепил оставленный доктором плащ с капюшоном и застегнул его на шее.

(Венди сочла, что этот наряд очень идет к его темным волосам и бороде и подчеркивает серый цвет глаз.) Тень Ворона на стене у него за спиной лежала темной громадой; тень Венди, более стройная, ни секунды не оставалась в неподвижности, но скакала, танцуя, со стены на потолок и обратно. Барельеф на сдвинутых панелях то появлялся, то пропадал в такт колебаниям ее тени: тут однорукий человек связывает волка нитью паутины, там слепой лучник выпускает сделанную из омелы стрелу в сторону солнца.

– Знаешь, что? – Венди наклонилась вперед, глаза ее сияли от восторга. – Угадай, кого я встретила?

– Нет, птичка моя, сначала я. Я знаю, где хранятся магические талисманы. Дедушка сказал мне во сне. Смотри.

И Ворон вытащил свою карточку.

– Ты выяснил! Вот здорово!

– Не так уж и здорово. Дедушка пребывает в кошмарном месте.

Теперь он смотрел на карточку при свете лампы, но буквы плыли и путались у него перед глазами. Однако когда он вынул из кармана фонарик и включил его, то легко смог прочитать написанное, хотя тускнеющая желтая лампочка горела слабее серебряного светильника.

Ворон читал пугающее послание (опуская упоминания о пытках и расчленении), а Венди смотрела на него округлившимися глазами.

Когда он закончил, она воскликнула:

– Это ужасно! Какая подлость! Может, мы сможем разбудить дедушку? Бедняга! В одной из прочитанных мной сказок говорилось что-то насчет исцеления подобных случаев с помощью лавровых листьев.

Но Ворон пристально смотрел на крохотную лампу. Она погасла, когда луч фонарика коснулся ее, и зажглась снова, стоило его потушить. Бородач принялся мигать лучом, быстро шевеля пальцем, заставляя лампу пульсировать, как стробоскоп. Тени бешено метались.

Венди положила свою маленькую белую ручку на большую мускулистую ладонь мужа.

– Прекрати!

– Извини. У тебя от этого голова болит, да? – Он потер глаза. – Знаешь, я так устал.

– Мой друг говорит, что не выйдет, пока фонарик так мигает.

Ворон вздернул голову.

– Друг?

– Я нашла его в спальне внизу, рядом с мистером и миссис Рыцарь. Там спал высокий темноволосый мужчина, а этот мальчик стоял на столбике кровати. – Теперь она гладила супруга по волосам, пряча шкодливую улыбку, а глаза ее, отведенные в сторону, сияли озорным весельем. – Выходи, малыш! Давай! Он тебя не тронет.

Ворону почудилось движение у жены в волосах, словно на плече у нее, прячась за челкой, как за занавеской, пристро-

илось нечто размером с белку.

Тоненький голосок прочиркал:

– А ведь клялась спрятать меня! Не хватай меня так, ты, девчонка, или я поквитаюсь с тобой своим верным клинком!

В волосах у Венди что-то завоzilось, она потянулась вверх обеими руками, но вдруг сморщила нос и вскрикнула, словно ее оцарапала кошка.

Ворон в смятении вскочил на ноги, моргая и вращая глазами.

Его жена опустила руки и с глухим стуком уронила в центр стола маленького человечка. Он резво вскочил на свои крошечные ножки.

Существо девяти дюймов ростом было одето во все зеленое, его головку украшала маленькая красная шапочка с пером. Он носил камзол без рукавов и штаны в обтяжку, а завершали наряд остроконечные туфли с загнутыми носами. В одной руке малыш сжимал крохотный меч и отчаянно размахивал им в направлении Венди.

Венди сунула порезанный палец в рот.

– Оставь меня, вероломная девчонка! Ты поклялась страшной клятвой, что меня никто не увидит! Клянусь глазом Балора, этот день принесет тебе истинное горе! Настоящее горе! Ты еще пожалеешь!

– Но это же Ворон, – оправдывалась Венди. – Он не считается.

Ее муж, прищурившись, нагнулся над столом, протянул

ладонь и щелчком выбил меч из руки человечка. Клинок, кувыркаясь, пролетел через всю комнату и звякнул о дальнюю стену, словно булавка упала.

Сын гор положил свои большие мускулистые руки на стол по обе стороны от человечка и наклонился к нему.

– Извинись. Обещай мне, что ни словом, ни делом не повредишь моей жене. Обещай. Или я раздавлю тебя как жука.

Маленький человечек закатил глаза и надул щеки, хлопая правой рукой по бедру, словно там засела заноза. Затем он сорвал шапочку и поклонился Венди столь очаровательным образом, что та хихикнула. Человечек произнес:

– Извини, красавица, вспылил я. Ничто из того, что я говорю или делаю, никоим образом тебе не повредит.

– Кто ты? – спросил Ворон, уставясь вниз. Лицо его побелело от усилий справиться с изумлением.

Человечек снова сорвал шапочку и поклонился: одна рука уперта в бедро, опорная нога подогнута, другая прямо выставлена вперед, перо на шапочке кончиком подметает столешницу.

– Зовите меня Том О'Лампкин, если угодно вашему лордству. Придворный сапожник его величества финна Финбарры, Короля-Под-Горой, к вашим услугам. Я делаю только левые туфли.

Сверкая глазами, Венди наклонилась вперед и произнесла громким театральным шепотом:

– По-моему, это эльф!

IV

Ворон спросил:

– Человечек, ты не знаешь, где здесь гостиная? Или как выглядит человек, который был основателем этого места, где его портрет, а?

Том О'Лампкин стянул шапочку и почесал в затылке, вращая глазами и надувая щеки. Он произвел такую демонстрацию озадаченности и глубоких размышлений, что Венди снова хихикнула.

– Только не бедный Том, сэр, – у меня ни тени мысли в голове. Никогда раньше не был в Высоком доме, нет, ибо я вежлив (как и надлежит маленькому народцу, поскольку для грубости нам не хватает роста, если вы понимаете, о чем я), и мы никогда не ходим туда, куда нас не приглашали, нет, сэр.

Ветер снаружи, перераставший в шторм, теперь уменьшался. Раздался последний раскат грома, затем тишина. Грохот волн о дамбу сделался тише.

Венди захлопала в ладоши:

– Сэр Ланселот прогнал бурю и великанов!

– Или только дал им передышку, пока они набирают силу, – заметил Том.

– А теперь давайте найдем талисманы! – прошептала

Венди.

– Где их искать? – спросил ее муж. – Которая из комнат гостиная?

Юная женщина вскочила на ноги.

– Я поищу! А ты оставайся здесь и сторожи дедушку!

Ворон мрачно взглянул на спящую фигуру в соседней комнате. Плечи у него поникли, глаза покраснели от усталости. Он, в конце концов, на ногах с раннего утра предыдущего дня. А уже скоро рассвет.

Бородач плюхнулся на стул возле кровати спящего.

– Почему я несу эту вахту? Может, не стоило отпускать жену одну... Но, с другой стороны, какой от этого вред? Здесь нет ничего, кроме плохих снов. Они не могут нам повредить. Ба! Я даже не верю в это! Магия и все такое. Глупости!

Том О'Лампкин вскарабкался на подставку для ног.

– Что правда, то правда! Магия вообще грязное дело, и человеку не следует туда впутываться. Но слушай! Я помогу тебе не заснуть! Играешь ли ты в шахматы и есть ли у тебя доска?

ГЛАВА 15

СЛУХИ О ВОЙНЕ

I

– Эой, друг! Эой! Есть новости с поля боя!

– Хой, соплеменник! Вылезай на берег вместе со мной, покинем волну и морской прибой. Неизвестно, кто слышит твои слова, когда слишком близко морская вода.

– Хуу, ха! Славное место, красивый вид! За тем пригорком мы спрячемся от тех двоих. Эй! Давай теперь шепотом, мы ж не хотим, чтобы они услышали, о чем мы говорим!

– Они вскоре тоже услышат достаточно. Капитаны всех экипажей обязаны докладывать великому маршалу; такой слух дошел до меня.

– Слух?

– Приказ. Я слышал приказ.

– А. Ага. Ха! Ха! Ты прекрасно выглядишь! Ничуть не изменился с нашей последней встречи, старый друг!

– И когда именно это было? Может, у тебя что-то выскользнуло из памяти?

– Ты велел мне не говорить тебе, друг. Помнишь? Ника-

ких тайных паролей, сказал ты. Так тайной полиции слишком трудно поймать осведомителей.

– Ага. Ха! Ха-ха! Но это все было в шутку! Кроме того, тайной полиции не существует! Их шеф как-то сказал мне об этом.

– Или кто-то, кто выглядел, как он, если я правильно тебя понял?

– Хо-хо! Очень смешно! Уж вы-то всегда были не прочь пошутить, сэр. Я хорошо вас помню.

– Я никогда не шучу.

– Это я тоже помню. Ну, так в чем заключается ваш доклад, мой друг?

– Мне? Докладывать тебе? С каких это пор капитаны отчитываются перед членами экипажа?

– Никогда, ха! Ха! Вот почему я жду вашего доклада, приятель.

– Э, нет. Я знаю из надежного источника (надежного, слышишь!), что капитаном здесь назначен я.

– О.

– У вас подавленный вид. Что стряслось, коллега?

– Я сам был назначен – Мананнаном, между прочим, – прежде чем мы подняли паруса.

– Вы имеете в виду, назначен в присутствии свидетелей? Независимых свидетелей?

– Трудно сказать, трудно сказать. Один из всех сил старался выглядеть соответственно, так что, возможно, он не из

Мананнановых жуликов, готовых притвориться кем угодно, а настоящий честный свидетель. То ли по ошибке, то ли он только делал вид... Если вы понимаете, к чему я веду.

– И меня назначил капитаном лично Мананнан.

– Сам Мананнан? Или кто-то на него похожий?

– Ар! Арргх! Ох уж этот Мананнан с его фокусами! Он сполна поплатится, когда мы выясним, кто настоящий тюлений царь! Он не может прятаться вечно! Лично я убежден, что это казначей. У казначея был такой хитрый вид, когда я последний раз заплывал в Хизер-Блезер.

– Хранитель тайной мощны. Как еще он может обеспечить повиновение своим приказам?

– Нар! Гар! Если он настоящий тюлений царь, мы его никогда не найдем. Все настоящие тюленьи цари, которых мы находили раньше, совсем не похожи на него.

– Лично я думаю, что это мог быть Мананнан.

– Выглядящий как тюлений царь: с золотой короной на голове, с усами, с окровавленными зубами и все такое? Слишком хитроумно. Чересчур.

– Ладно. Пока тюлений царь не найдется, один из нас капитан и должен выслушать рапорт и передать великому маршалу.

– Хм-ф. Ха! Аха-ха! Здесь никого нет. Если спросят меня, я скажу, что доложил тебе; если спросят тебя, ты скажешь, что доложил мне. Если никто не знает, кто на самом деле капитан, то никто не виноват и никакой ответственности!

– Охо! Охо! Говорить такое явно противозаконно. Ты, верно, просто пытаешься подставить меня, беднягу. Я за это на тебя тайную полицию спущу.

– Я лейтенант тайной полиции! Не пытайся меня сдать!

– Да, капитан! Это приказ, сэр? Ха!

– Охо! Аха! Ха-ха! Не пытайся спихнуть вину на меня! Ты бы не толкал меня в капитаны, если бы сам не запутался! Каковы новости с фронта?

– Ты собирался мне рассказать!

– Не собирался.

– Ты сам сказал!

– Не говорил.

– Сказал! Ха!

– Я только спрашивал. Есть новости с фронта? Так я сказал. Вроде того. Это был вопрос.

– Стало быть, новости плохие.

– Что-то жуткое. Э... Или так я слышал.

– Арггх! Ха-ха! Знаешь, наш народ мог бы захватить Ахерон и править ими всеми – всей тамошней шантрапой, сумей мы когда-нибудь разобраться между собой, организовать все четко и ясно, как следует.

– Ага. А если бы луна была сыром, мы могли бы съесть ее на обед.

II

Они оба некоторое время сидели в хмуром молчании, наблюдая, как волны моря снов омывают берег. Глубокие сумерки в небе над ними отражались в черных водах.

– Ар! Люблю море.

– Ага. Если вошло в кровь, уже не отпустит. Вдалеке над волнами они слышали звук, напоминающий гром и лязг оружия и вопли боли.

III

– А. Вот я что подумал, приятель! Там, за холмом, ребята из кэлпи, должно быть, тоже получают рапорт. Давай-ка подползем на брюхе и наострим уши. Услышим, что они говорят. Это и будет доклад. Кто ни спросит, я скажу, что получил его от тебя.

– Я закусая тебя до крови, если ты так сделаешь!

– Хо-хо-ха. И как ты меня завтра узнаешь? Я только притворяюсь, что это я. Когда настоящий я обнаружит, что у него в гардеробе не хватает этой шкурки, он будет уверен,

что ее взял ты!

– Он даже не знает, кто я.

– Вы же лучшие друзья! Сам сказал!

– Не говорил! Я только спрашивал. Это был как бы вопрос.

– Ладно, я ползу вверх. Оставайся здесь. Я тебе расскажу, что они говорили, когда вернусь.

– И я должен буду поверить лживому подонку вроде тебя, приятель? Дай дорогу! Лежать! Тихо! Я тоже иду!

– Пест!

– Чего?

– Правда ли, что похититель ключа и убийца Белого Оленя Азраил де Грэй – правда ли, что теперь он один из нас? Я слышал, он убил и сожрал Ньёрда из Скуле Скерри. Потом чародей взял его шкуру и стал одним из нас!

– А! Не следует верить всему, что слышишь.

– Значит, это неправда?

– Нет, это правда, наверняка. Но не следует верить всему, что слышишь. Чародей сейчас в доме, или ему это снится, и он может заполучить внутрь одного из наших людей. Я видел, как он махал из окна и сигналил капитану Эгею из Атлантиды.

– Эгей мертв. Это тритон из Кантрифф Гвиллодд, но в его шкуре.

– Нет-нет, коллега. Я из надежного источника знаю, что Эгей стянул костюм из гардероба у Мананнана и теперь слу-

жит на корабле переодетый. Ха! Из очень надежного источника. Теперь тихо! Давай послушаем, что там говорят ребята-кэлпи внизу.

IV

Из моря появился высокий, прямой и красивый рыцарь в серебряных латах верхом на еле живом скакуне. Коня рвало, он был изранен, изъязвлен и ковылял вперед на подгибающихся ногах. На сюркоте² у рыцаря красовалось геральдическое изображение покрытого нарывами и язвами лица.

На траве над урезом воды стоял другой серебряный рыцарь. На украшенном короной шлеме колыхался высокий командирский плюмаж, а прокаженный конь, чья сухая кожа отслаивалась длинными полосами, стоял рядом, нюхая траву, слишком измученный, чтобы есть. На сюркоте у рыцаря и на доспехах его коня повторялось изображение изуродованного проказой лица.

Вышедший из моря рыцарь спешил, поднял забрало и преклонил колена. Лицо его было суровым и прекрасным, хотя несколько бледным, но взгляд выражал тревогу и неуверенность.

---

² Сюркот – тканевое покрытие доспеха для защиты его от дождя и снега.

Рыцарь со знаком проказы тоже поднял забрало. Он походил на первого, как родной брат, в лице его не было ни малейшего изъяна или несоразмерности. Но глаза были грустны – глаза человека печального, усталого, потерявшего надежду.

Коленопреклоненный рыцарь произнес:

– Служение и самоотречение! Я, не достойный жить, ничтожный, нечистый и падший, не имеющий имени, но называемый рыцарем оспы, молю о позволении говорить.

Второй наклонился, чтобы поднять его за плечо.

– Встань, брат, во имя служения и самоотречения. Я, не имеющий имени, но называемый рыцарем проказы, столь же недостойный, как и ты, или еще хуже. Одна мысль, что я могу послужить этой армии, исполнив насильно возложенные на меня обязанности командира, удерживает мою руку от самоубийства.

Коленопреклоненный рыцарь поднялся.

– Твои добрые слова вонзают шипы в мое сердце, которое знает, что я не заслуживаю такого милосердия.

– Милосердие даруется тем, кто не заслуживает его, брат рыцарь, – вот почему оно столь драгоценно. Возрадуйся в своей боли, ибо боль есть единственное истинное счастье. Поведай мне новости с фронта.

– Сын Света (мы не знаем кто, ибо он слишком ярок, чтобы смотреть на него) сошел из града Осенней Звезды и стоит на стене. Оружие его ужасно и безжалостно, негибимо,

нечеловечно. Он единственный, кого мы боимся, – человек без вины, и наше оружие не может причинить ему вреда. Рыцари тифа, черной смерти, бубонной и скрытой чумы были сметены обратно в море. Они заявляют, что их скакуны подвели их.

Рыцарь проказы недовольно покачал головой, но тем не менее голос его звучал взвешенно и ровно.

– Кого нам винить? Не нам судить.

– Рыцарь лихорадки и рыцарь бешенства нанесли немало добрых ударов.

– Интересно. Возможно, сын Света не так совершенен, как кажется. Если он из тех людей, которые считают свой пыл и страсть пороками.

– Однако они потерпели поражение. Леди-рыцарь сифилиса ударила и пролила кровь, так что у него подогнулась нога. Но он опустился на одно колено и продолжал сражаться.

– Стало быть, он повинен в адюльтере. Теперь я знаю, что это за рыцарь. Он так же повинен в измене – болезни, что заставляет неметь и гнить государство.

– Ваша хворь, милорд. Мы молим вас присоединиться к битве. Из всех напастей, что показывают человечеству его ничтожество, есть ли более грозная, чем великая проказа? Из всех грехов, наказуемых в нашем темном мире, кого терзают больше, чем предателей?

– Ваши добрые слова смущают меня, я недостойн. И, однако, этот человек должен пасть. Вы сказали, леди-рыцарь

ранила его. Если так, то какая-то часть его должна признавать, сколь слабы и жалки все люди, включая и его, и нас. Превратились ли его гордость и высокомерие в мудрость?

– Нет, милорд, удар не был смертельным. Рыцари-кэлпи были отброшены прочь.

– Это послано, чтобы научить нас смирению.

– Действительно.

– Что случилось дальше?

– Великан Суртвитнир бросился на него с пылающими факелами в каждой руке, но был отброшен назад. Сын Света ослеп, волосы полностью сгорели, однако теперь он сражался еще яростнее, чем раньше.

– Суртвитнир отброшен? Возможно, сын Света в своем высокомерии и глупости воображает, будто способен контролировать собственные гнев и страсть.

– Однако великан Бергельмир сбил его на землю.

– А, хорошо! Сын Света возблагодарит нас, ибо Бергельмир научит его, что человек есть существо, состоящее из вины и муки. Что дальше?

– Князья бури спустились с черных небес в мощи и славе, подобные горам смерча, огня и ветра. Все предводители сэлки, и кэлпи, и трое великих – смерть, рок и ненависть – теперь набросились на него разом так плотно, что земля и море скрылись под их бесчисленным войском и от их боевых кличей сотрясались небеса.

– И?

– Милорд, человек рожден страдать. Высокомерие и гордость – худшие из пороков, и поражение научит нас величайшей мудрости.

– Ослепленный, поставленный на колени и с переломанными костями, рыцарь поднялся снова, чтобы отбросить нас?

– Да, господин.

– Ни один кэлпи не пересек стену?

– Ни один. Но и никто из наших союзников. Целые армии и флоты были опрокинуты, потоплены, перебиты. Трое великих отступили, истекая кровью. Даже океанские волны были рассечены, и вода кровоточила.

– Никто? Ни один?

– Ну, милорд, мы думаем, возможно, один детеныш сэлки в суматохе успел проскользнуть через стену. Не хватает также Бергельмира. Возможно, он одолел дамбу.

– Один детеныш сэлки?

– И, возможно, Бергельмир. Либо так, либо его тело отброшено так далеко, что приземлилось вне нашего поля зрения.

– Как мог один человек столько совершить?

– Возможно, милорд, сын Света обманут и все еще верит, что один человек может творить чудеса.

– Бедняга – так заблуждаться!

– Что ж, милорд, мы не лучше него.

– И все же, будь он безгрешен, пребывал бы в Келебрадо-

не, Звездной цитадели. Если он предатель из старой легенды, его вина может позволить моему оружию ранить его там, где потерпели поражение тысячи. Я отправлюсь и преподам этому сыну Света урок.

– И что мы доложим великому маршалу?

– Правду, ибо правда покажет наше смирение.

– А сэлки?

– А-а. Высокомерие и гордость могут ослепить их, если будет доложено, что один из их числа преуспел там, где добрый и милосердный народ кэлпи потерпел неудачу. Если кто-то совершает благие дела, они должны сохраняться втайне.

– мудро, мудро! Сэлки поблагодарили бы вас, если им суждено было об этом узнать.

– И я сам выступлю против сына Света. В его доспехах есть один уязвимый участок, ибо они треснули в том месте, где он стал предателем.

Две фигуры в серебряных доспехах после минутной молитвы повернулись и ступили в морские воды, ведя коней в поводу. И там, где они прошли, морская вода обернулась гнилой кровью, и тучи мух и мошкары следовали за ними.

V

– Х-с-с-т, коллега. Так кто же этот юнга, которого мы про-

ташили в дом? Он из Хизер-Блезер или из Скуле Скерри?

– А! Аха! Ха-ха! Не важно, кто он. Я тебе не скажу. На следующую же ночь он покойник, ободранный и растянутый на просушку, а к полудню уже на вешалке у меня в гардеробе. К тому времени, когда явится Мананнан с какой-нибудь наградой, коллекционером стану я!

– О нет. Мы не должны охотиться друг на друга. Скрытые судьи карают такие преступления смертью!

– А? Говорят, гардеробы скрытых судей набиты плотнее, чем у любого другого. Говорят, что Мананнан хуже всех и в один прекрасный день в его королевстве не останется ничего, кроме него одного.

– Кто так говорит?

– А кто говорит, что закон есть закон? Только твои уши говорят тебе так, а их можно обмануть!

– Верно, но я не верю, что ты это говорил.

– Может, и не говорил. Ты знаешь наш закон: всяк невинен, если улики ненадежны. Невинен, как весенний дождь.

Двое некоторое время молчали, глядя на волны. Один сказал:

– Мы живем в холодных и жестоких волнах, у которых вкус человеческих слез. Думаю, моя жена-тюлениха – не та самая женщина, на которой я женился давным-давно. Мои детеныши выросли, и некоторые превратились в незнакомцев, а то и во врагов. И все долгие годы, что я провел в море, волны никогда не находили покоя, никогда не находили

формы, которая бы их удовлетворила. Вечно вздымаются и опадают они, рушатся и встают снова, зыбкие и ненадежные, и не на что опереться среди них. Что, если кэлпи обманут нас в том, что нам положено по праву? Мы не можем быть уверены – по-настоящему уверены, я хочу сказать, – что они собираются так поступить или что вещи есть то, чем они кажутся.

– Откуда такая меланхолия, коллега? Дело, как я догадываюсь, в женщине.

– И ты прав. Я увидел ее издали в окнах библиотеки, освещенную светом серебряным, как полуночное море, эльфийской лампы, – красивую, словно русалка, с волосами черными, как тюленья шкура, и глаза ее мерцали весельем! Она волшебна прекрасна, парень, и я поклялся, что она будет моей! Я переберусь через стену, как только рыцарь проказы прогонит Светозарного.

– Я донесу на тебя Мананнану, если ты так сделаешь. Видишь ли, я теперь знаю, кто ты: ты капитан Эгей из Атлантиды.

– Нет. Это ты. Я – сам Мананнан. Отойди, или я сотку ожерелье из твоей красной крови своими белыми зубами.

– Я не стану связываться с вами, господин, но я накладываю на вас такой гейс: вы не двигаетесь, пока я пою вам песню. Если вы нарушите мой гейс, милорд, я опозорю ваше имя от Исландии до мыса Бурь.

– Я не связываюсь с поэтами, парень. Пой свою песню.

И другой запел:

На дочь Оркнейских островов
Излил он много нежных слов,
Но припасла его любовь
Погибель Скуле Скерри.

К любимой ночью он вошел,
Примяв травы Оркнейской шелк —
В ней колдовскую смерть нашел
Тот зверь из Скуле Скерри!

Затем он добавил:

– В старых песнях таится старая мудрость, милорд. Берегитесь земных женщин.

– Ха! Ха! И кто станет обнимать одну из наших холодных дев, пахнущих морской рыбой и солью, когда может поиметь дневную любовницу, пахнущую цветами, которые, по слухам, растут там, наверху.

– Оркнейская трава тоже там растет. Как и растение, из которого сделан жезл Моли. Кроме того, она может оказаться не такой красивой и свежей, как вам помстилось, милорд. Вы же видели ее только своими глазами, понимаете.

– Увы, увы, это правда. – Он шумно вздохнул и закатил глаза. А затем подытожил: – Что ж, говорят, когда мрак, мрак накроет все и всякое зрение потеряет силу, наши глаза пре-

кратят обманывать нас.

– Ха! И ты поверил?

ГЛАВА 16

МОРОЗНЫЙ ВЕЛИКАН

I

Входя в дом, Питер и Уил продолжали спорить. Оба резко остановились, увидев посреди рабочего кабинета лежащую перед камином Эмили. Рядом с ней валялись остатки разобранного телефона, а также выданный из стереосистемы динамик. Поверх выжженных пятен на ковре вокруг нее виднелась россыпь горелых спичек.

Уил метнулся к супруге и принялся трясти за плечо, но она не просыпалась. Более осторожный Питер тщательно оглядел комнату, прежде чем войти. В пепельнице лежали три окурка разных марок, на кухонной стойке красовались три невымытые кофейные чашки, из одной еще шел пар.

От ярости кровь бросилась Питеру в лицо, а костяшки стискивавших подлокотники кресла пальцев побелели. Он чувствовал себя так, будто его изнасиловали. Короткими сердитыми рывками рук он покатил кресло через кабинет и дальше по коридору.

Мгновение спустя Уил ворвался в комнату и в панике за-

частил:

– Ты должен что-то делать! Позвони в больницу! Кто-то разломал оба телефона! Еще одна выходка твоего психованного сына! Это ты виноват! Ты! Куда он отправился? Где он?!

Питер указал на пентаграмму, начертанную мелом на оконном стекле.

– Это он применил к тебе, не так ли? Помнишь имена, которые он называл? Не произноси их, если помнишь, но тебе придется написать их для меня. Это было очень давно, я не помню ничего из этой ерунды.

– Какое мне дело до вашего вудуистского бреда! – взвизнул Уил. – Разумеется, не помню! Я подаю на тебя и твоего психованного сына в суд! Должно быть, он накачал меня наркотиками! Точно! Подсыпал что-то в еду за ужином! А теперь добрался и до Эмили!

Питер подался вперед и дал Уилу пощечину. Он ударил открытой ладонью, но руки и плечи у калеки были сильные. Рэнсом отлетел на другой конец комнаты и сполз по косяку на пол. Он поднялся, скользя спиной по двери чулана, потирая щеку. Глаза его пылали, и он тяжело дышал.

Затем он шагнул вперед, сжимая кулак.

– Давай, – кивнул старый вояка. – Может, я даже позволю тебе ударить первым. Потом сломаю тебе обе руки. Давай. Боишься напасть на калеку?

Уил попятился.

Питер покатился вперед.

– Эмили можно разбудить тем детским стишком, который я читал тебе. Я намерен отправиться на поиски своего сына и троих людей – может, их было больше, – которые его забрали. Мне нужно знать имя, которым он вырубил тебя. Оно – часть той чепухи, которой пытался учить меня отец. Ты сможешь мне наверстать упущенное время.

Рэнсом по-прежнему пятился. Он тарасился на белеющую на стекле пентаграмму, и лицо его бледнело от плохо скрываемого суеверного страха.

– Но ты не знаешь, где твой сын...

– Я знаю, откуда начинать поиски. Имя!

– Морфин. Что-то в этом роде. Морфей...

– Не произноси!

Но Уил уже сползал в обморок. Питер, сидя в кресле, протянул руку, но не сумел его подхватить. Рэнсом упал на пол и с громким стуком приложился головой о ковер.

Питер опустил взгляд на распростертое тело. Возможно, он в этот момент припоминал, как Уил не спустился по склону, чтобы помочь ему подняться там, у водохранилища. Глубокие складки возле носа изогнулись в ухмылке.

– Говорили тебе, помалкивай.

Затем он поднял взгляд и увидел нарисованный мелом на зеркале в мельчайших деталях покой Срединного Сна, даже статуи святого Георгия и Мален, красной королевы войны, стоящие возле ложа.

– Да, – проворчал он. – Я знаю, откуда начинать поиски.

II

Ворон резко проснулся и сел прямо, кутаясь в серый плащ с пристяжным капюшоном. Он заснул на стуле возле постели Лемюэля Уэйлока. Что разбудило его?

Он смутно помнил, как играл в шахматы с маленьким человечком и пытался задавать тому вопросы о его жизни и обычаях, но не получал в ответ ничего, кроме запутанных побасенок, мифов и загадок – длинных усыпляющих повествований, расцвеченных не имеющими отношения к делу отступлениями, убаюкивающими лучше любой колыбельной.

Сын гор услышал птичье пение. Подойдя к окну, он заметил, что небо побледнело, хотя землю еще окутывала ночная тень. Солнце пока пряталось за горизонтом, но облака на востоке уже подернулись розовым на фоне тускнеющих звезд.

Заря, как всегда, пробудила его, несмотря на острое желание поспать подольше.

– Доктор Дю Лак еще не вернулся, – зевнул Ворон. – А жена где? Где... а?!

Теперь он выглядывал в окно, опираясь одной рукой на наплечник самурая, а другой на подоконник.

Часть кирпичной стены осыпалась кучей мусора. Через

пыль и осколки битого кирпича вели следы крупнее слоновьих.

Бородач припал к окну, словно кот на охоте, волосы у него на загривке зашевелились. Глаза обшаривали пространство перед окном, но лицо его оставалось неподвижным, за исключением, пожалуй, усов, когда он щурился.

Не позволив серому плащу издать ни единого шороха, он скользнул прочь от окна и покинул комнату быстро и бесшумно. Внутри дома было по-прежнему темно, как ночью, но Ворон отличался острым зрением и без труда находил дорогу. Он спустился по полускрытой в арке винтовой лестнице и вышел в покой со стропилами, покрытыми резным узором из серебряных звезд и полумесяцев.

Высокие окна в дальнем конце казались серыми от призрачного света. Ворон снял рогатину со стены, где та висела на крючках, затем резко обернулся.

По бокам от кровати с пологом стояли две статуи: одна изображала мужчину в кольчуге, вторая – женщину в шлеме, килте и нагруднике. Мужчина попирал и пронзал копьем змею, обвившуюся вокруг его ноги.

Том О'Лампкин стоял на наплечнике женщины, завязывая на затылке у статуи кусок ткани. У мужского изваяния напротив поверх шлема уже была надета закрывающая глаза повязка.

– Том! – окликнул Ворон, кладя ладонь на раму французского окна. – Ступай, отыщи Венди и убедись, что она в

безопасности. Передай ей, что я пошел прогуляться. Пусть она посторожит спящего дедушку! Мне надо на охоту. Что-то злое перелезло ночью через стену.

– Правда, что ли? Что-то злое? Нет, вы только подумайте! Но Ворон уже ушел.

III

Ворон нагнулся и кончиками пальцев потрогал сломанные стебли травы в саду. След был огромный, больше слоновьего, круглый и беспалый, но походка напоминала человеческую. Ноздри сжались от странного, еле уловимого запаха. Несмотря на слабое освещение, Ворон изучил следы вверх и вниз по холму. Сам он в длинном сером плаще представлял собой чуть заметную тень, беззвучно проплывающую по траве. Не будь следы такими большими и четкими, он не смог бы идти по ним в тускнеющем свете звезд.

Ворон заметил, что след неровный: тварь явно была ранена. Разглядев кое-где на земле зеленовато-белые капли, снял одну кончиком пальца с палого листа и коснулся ее языком. Кровь твари оказалась словно из горького инея и морской соли, она пахла медью. Солнце еще не поднялось. Потеряв в потемках след на газоне за садом, Ворон, не колеблясь, пошел напрямую к лесу. Там он отыскивал место, где ветки и су-

чь на высоте вдвое больше его роста оказались смяты, погнуты и сломаны.

След был слишком явный, чтобы его пропустить. Охотник помчался вперед с копьем в руке, капюшон бился за плечами, холодный ветер гулял в бороде и волосах.

Становилось темнее. Недоумеваемая, уж не повернула ли зря каким-то образом вспять, Ворон посмотрел вверх. Легкий, как перышко, холод коснулся его лица: сначала одна капля, потом другая. Начался снегопад, и тучи заслонили наступающий рассвет.

Стало темно, как под землей. Следопыт повертел головой. Отовсюду раздавалось птичье пение – со всех сторон, кроме одной. В том направлении птицы выкликали сигналы опасности, слышался шелест крыльев. Его острый слух уловил звук барабанищих по земле задних лап – предупредительный сигнал заячьего племени.

Ворон двинулся вперед, нащупывая путь рогатиной, словно слепец клюкой. Затем вдалеке забрезжил свет.

Прошло несколько секунд, прежде чем он добрался до места, где глазам его предстала странная сцена.

По обеим сторонам асфальтовой дороги тянулся лес. В кювете, задрав два колеса, валялся знакомый автомобиль. Одна фара разбилась и ослепла, вторая посылала луч под безумным углом в падающий снег. Лобовое стекло треснуло, крыша пробита и вдавлена внутрь.

Дорогу на дюжину ярдов вокруг машины покрывала

скользящая ледяная корка. На ближних ветвях поблескивали сосульки, снег окутывал все белизной. Но это только поблизости от автомобиля, а дальше дорога лежала чистая.

По ту сторону машины маячила во мраке громадная белесая туша. Когда она двинулась в обход машины, блики от единственной фары на миг осветили ее. Сама тварь не полезла в луч света, но вскинула сломанный сук дерева, как дубину, чтобы разбить фару.

Ворон разглядел чудовищное создание: тварь вдвое выше высокого человека, а то и больше. Шкура ее поблескивала, словно бледный лед. То, что бородач поначалу принял за усы, оказалось всего-навсего гроздьями сосулек, стекающих из ротового отверстия куполообразного черепа, увенчивавшего это порождение мрака. Лицо отсутствовало, вернее, лицевую пластину из толстого льда прорезывали лишь две щелки для глаз и одна более широкая щель внизу – для рта.

Затем фара погасла. Тут же заморгали габаритные огни. Теперь сцену освещали периодические желтые вспышки аварийной сигнализации. Прогремел выстрел, но сердце у Ворона подпрыгнуло от радости, поскольку он понял, что застрявший внутри машины Питер еще жив.

Скользя неясной громадной тенью, великан отступил. И тут донесся шум, словно от набирающего силу арктического ветра, и Ворона ударило холодом столь жестоким, что на глазах выступили слезы и пришлось хватать воздух ртом.

Желтый свет включился, затем погас, затем включился

снова, затем погас опять. Ворон, щурясь, разглядывал громадный округлый силуэт и бледные облака пара, поднимающиеся от его лицевой пластины. Великан дышал на автомобиль, и вокруг него вырастали сугробы: на сломанной машине, на дороге, на деревьях, на траве.

Ворон дождался мига темноты и метнулся через дорогу, бесшумно нырнул в лесок на той стороне. Пробраться сквозь спутанный подлесок и сухие сучья и очутиться примерно за спиной у приземистой туши чудовища было делом нескольких мгновений (темно, неясный свет, опять темно), а шума он производил не больше, чем лиса на охоте.

За спиной у великана бородач спрятался от выдуваемого порождением тьмы ветра. Он по-прежнему мерз, но легкие перестали болеть от холода. Ворон понимал, что в сердцевине этого ветра Питер не сможет долго выдерживать напор мороза.

Желтый свет погас. Ворон вылетел из-за деревьев, держа двумя руками рогатину, и бесшумно помчался вперед. Серый плащ бился за его спиной, точно крылья. Свет вспыхнул. Он уперся ногами покрепче, взревел и ударил.

Наконечник копья отскочил от ледяных пластин, доспехами прикрывавших громадную округлую спину чудовища, скользнул вверх и погрузился под мышку твари.

Стало темно. Сын гор с громким криком налег на копьё всем своим весом и вогнал наконечник до упора.

Без единого звука чудовище грузно и медлительно по-

вернуло куполообразную голову. Ворон разглядел безносый профиль твари. Снова темнота. Затем глазам его предстало лишенное черт лицо. Голова у твари поворачивалась, как у совы.

Темно. Ладони вспыхнули огнем, когда великан ударом дубины выбил копьё из рук Ворона. Охотник услышал, как с треском переломилось древко.

Свет. Наконечник копья засел у великана под мышкой. Одна рука свисала вяло и бесполезно, другая поднимала громадную деревянную дубину.

Темно. Ворон шагнул назад, поскользнулся, удержался на кончиках пальцев, колени не успели коснуться земли. Движения его были бесшумны. Удар пока не настиг его.

Свет. Долгое мгновение ничего не выражающие глазные щели взирали сверху вниз на припавшего к заснеженной траве Ворона. Тот в свою очередь уставился на лишенное черт нечеловеческое лицо. Раздалось долгое шипение, великан набирал воздух.

Бородач пошарил пяткой сзади, нашел не скользкий от снега булыжник.

«По-моему, теперь я знаю, как должен чувствовать себя эльф Венди».

Темно. Порыв ледящего ветра из ротовой щели великана пролетел мимо, но подхватил длинные полы плаща, сбив Ворона с ног, и швырнул его через обледенелую дорогу.

Свет. Великан, массивный и безмолвный, как айсберг, по-

плыл через шоссе к нему с занесенной для удара дубиной. Ворон метнулся к кювету, цепляясь пальцами за лед на дороге.

Темно. Человек свалился в кювет под машиной, где, он надеялся, великан не сможет его достать.

Тишина.

Свет. Опустив дубину, великан застыл посередине дороги и наклонил свою громадную безликую голову, словно прислушивался.

Темно. Ворон ждал в холоде, пока огромные руки перевернут машину или пошарят под колесами, как человек тычет шваброй под диван, чтобы убить юркнувшую туда мышь.

Свет. Великан повернулся и медленно заскользил прочь по дороге. Опять тьма, за ней снова свет. Великан затерялся во мраке, скрытый завесой падающего снега. Но Ворон видел, как медленно и мучительно двигается это создание, и гадал, насколько серьезно ранил чудовище.

Темнота. Мигалки отключились.

Сверху упал луч фонарика.

– Надеюсь, с вами все в порядке.

– В порядке.

– Хорошо. Вам придется помочь мне выбраться. Один костыль я потерял, а подъемник под таким безумным углом не выдвинется.

IV

Морщась от боли, Ворон поднялся, весь в синяках, но чудесным образом невредимый. Через разбитые стекла машины он разглядел Питера, лежащего на животе с фонариком в одной руке и пистолетом в другой. На запястье той руки, в которой он держал фонарик, висел костыль.

– Спасибо. Спасли мне жизнь. Не забуду. И как раз вовремя.

– Что происходит? Что за странные вещи тут творятся?

– Ну, Большой Беляк столкнул мою машину с дороги руками, когда я врезался в него. Коробку передач сломал. Но внутрь он попасть не мог, разве что я бы его пригласил (полагаю, он счел машину чем-то вроде дома). Но он выбил мне окна и ждал, пока я замерзну.

– Но что это за гигантская тварь?

– Великан.

– О... – Ворон погладил бороду. – Почему копьё поразило его, а пули отскакивали?

– Не знаю. Мне думается, копыя ему знакомы, а пули – нет. Верил в копыя, типа того. И не знаю, почему он ушел, когда уже почти одолел нас. Вы собираетесь мне помочь или будете стоять, отвесив челюсть?

К моменту, когда Ворон извлек Питера из убитой маши-

ны, посадил на землю, вытащил кресло, поднял калеку и устроил его в кресле, приближавшаяся к ним через лес точка мерцающего желтого света обрела четкость. Это был человек с огнем в руке.

По мере приближения Ворон разглядел Галена Уэйлока, одетого в джинсы и фланелевую рубашку, с лиловой занавеской, обернутой вокруг плеч наподобие плаща. На бечевке вокруг шеи красовались шесть крохотных металлических дисков, походившие на детали какого-то механизма. В одной руке юноша держал черенок от швабры, в другой – сковороду с горящими промасленными тряпками. От нее и исходил свет. Продвигаясь вперед, Гален каждые несколько секунд взглядывал на огонь, сосредоточенно поджав губы.

Теперь он поднял глаза.

– Отец, Высокий дом подвергается нападению. Мы должны пойти туда. Ты мне позволишь?

По мне, так дом может катиться к чертям!

Гален моргнул.

– Значит, ты отказываешься от своих притязаний на него?

Ворон предостерегающе положил руку на плечо Питеру и начал говорить, но Питер сердито перебил:

– По мне, так пусть этот дом хоть в море прыгает! Я хочу знать, что ты сделал с Эмили!

Ворон негромко сказал ему на ухо:

– Это не Гален! Человек по имени Азраил де Грэй захватил его тело!

– А? Откуда вы знаете? – прошептал Питер в ответ.

– Венди сказала! Ну, знаете, моя безумная жена.

– Этого мне вполне достаточно! – проворчал Питер и потянул из-за пазухи пистолет.

Гален навел на него черенок от швабры.

– Морфей! Сомнус!

Правая рука Питера онемела, он выронил пистолет и зевнул. Он бросил фонарик и поднял левую руку, сложив пальцы колечком, отставив указательный и мизинец. Фонарик ударился об асфальт и выключился. Питер выкрикивал:

– Аполлон! Гиперион! Гелион!

Ворон тем временем, не испугавшись, метнулся вперед через дорогу с поднятыми руками, готовый подставить парню подножку.

Гален бросил сковородку в снег. Свет погас, все сделалось совершенно черным. Следопыт обшарил руками все вокруг, но ничего не нащупал.

Он припал к земле, вслушиваясь. Никто не может ходить по снегу беззвучно, однако он никого не слышал.

Пока Питер подбирал оброненный фонарик и включал его обратно, Гален успел испариться. Питер спросил:

Сколько до восхода солнца?

Ворон понюхал воздух.

– В это время года? Полчаса, может, меньше. А что?

– Его власть слабее всего на рассвете, особенно на заре воскресенья. Он наверняка страшно спешит. Ему надо по-

пасть в дом в течение ближайшего получаса. Думаю, с ним есть еще люди, в смысле, другие человеческие существа. Мы должны добраться туда первыми. Вы хорошо бегаєте?

И тогда они помчались по дороге. Ворон несся на предельной скорости, ноги его ходили, как поршни, толкая кресло, колеса гудели, а Питер сидел, подавшись вперед и вытянув перед собой руки: в одной пистолет, в другой фонарик, луч которого мерцал в падающем снегу.

Затем бородач произнес:

– Венди!

И побежал еще быстрее.

ГЛАВА 17

УБИЙСТВО ЕДИНОРОГА

I

Венди не сомневалась, что нашла правильную комнату: она казалась безупречно подходящей для гостиной. Здесь стояли большие удобные кресла, низкий стол, диван. Над громадным камином висел щит с изображением крылатого коня над скрещенными ключами. Напротив красовался портрет темноволосого человека с суровым взглядом и резкими чертами лица, держащего на коленях череп. Череп был вроде оленьего, а из середины лба закрученной спиралью выходил единственный рог.

Портрет казался привинченным к стене. Подняв повыше миниатюрную лампу, Венди искала какой-нибудь скрытый шпингалет или задвижку, но напрасно. Серебряный свет ничего такого не показал.

Венди была озадачена. Она отошла в угол и встала на голову, подол закрыл ей плечи. Когда лицо покраснело, юная женщина приняла нормальное положение, нахмурилась и села, постукивая пальцами по вискам.

– Поняла! – Она резко открыла глаза. – Талисман должен находиться за этой картиной в царстве снов. Чтобы добыть эти штуки, надо заснуть и шагнуть в картину во сне!.. Мне всегда приходят в голову отличные мысли, когда кажется, будто мозги вот-вот выплеснутся через край.

Венди очень устала, но подумала, что огонь оживит комнату. Понадобилось всего несколько минут, чтобы найти вязанку дров, сложенную в странном маленьком чуланчике дальше по коридору вместе с трутницей. Запал был выполнен в виде ухмыляющегося дракона.

Еще через несколько минут она уютно устроилась перед пылающим огнем. Венди завернулась в покрывало из медвежьей шкуры. Густой, теплый и мягкий мех убаюкивал.

Она лежала на диване, глядя на темноглазого человека, и его пугающие глаза, казалось, двигались и мигали в свете камина. Юная женщина перевернулась и положила голову на другой подлокотник, чтобы вместо портрета смотреть на крылатого коня.

Лампа на каминной полке горела словно звезда.

– Интересно, как эта штука выключается? – зевнула она. – Эх, жалко я не взяла из библиотеки ничего почитать. – И после паузы продолжила: – То-то забавно было бы, разыщи меня муж в таком виде. «Жина, чьто ти дэлаишь, спя на работи так?» – «Да ну тебя, Ворон, я талисманы ищу». Хе-хе.

Глаза ее слипались, волосы рассыпались по белой медвежьей шкуре.

– Вот бы Ворон оказался здесь, подоткнул бы одеяло, поцеловал и крепко обнял меня. Он такой сильный! Он может поднять меня одной рукой. И удержать одной рукой, чтоб не убежала. Мой Ворон!

А потом она заснула.

II

Венди встала и нашла загнутый металлический крюк, на котором картина крепилась к стене, хотя раньше не заметила его в этом месте. Но теперь он торчал на виду, поблескивая в свете камина. Она откинула крюк, и картина распахнулась на петлях, словно дверь.

III

За ней открылся лес стройных серебристых деревьев с узкими белоснежными листьями – лес прекрасный и бледный, словно вишневая роща в цвету, и благоухающий тонкими ароматами. Прохлада и свежесть наполняли воздух, и каждый вдох рождал восхищение. Яркий, как в полдень, свет

не давал теней, все представляло глазу чистым и нетронутым. Тем не менее звезды над головой сияли яркими алмазными иглами.

Это был лес, неведомый миру.

И все предметы: деревья, трава, россыпи драгоценных камней – казались верхом совершенства, такими, какими они должны быть по-настоящему, будто их земные тени – не более чем отражения, призванные напоминать человеческим глазам о вещах из горних миров. Так портрет в медальоне призван напоминать человеку о его любви, когда возлюбленный далеко, но обещал вернуться.

Венди не успела углубиться в это царство чистой красоты, как ее счастье обернулось ужасом и страхом. Небо потемнело, словно затянутое облаками, и лепестки чистых белых листьев начали сворачиваться и опадать. Будто листва клена осенью, эти белые листья в полете становились красными, как кровь, и вскоре траву покрыла рубиновая россыпь.

Венди откуда-то знала, что эта осень никогда не сменится весной; что в отличие от земных деревьев, которые умирают и возрождаются каждый год, эти деревья вечной весны перейдут в бесконечную ледяную зиму, чтобы никогда не проснуться снова.

Юная женщина расплакалась, и слезы ее текли так же густо, как падавшие листья.

А листья продолжали сворачиваться и падать, и Венди начала различать среди ближайших деревьев изящное созда-

ние, то и дело пропадавшее из виду на фоне белоснежных крон. Его очертания становились тем яснее, чем больше листьев стекало кровью с нагих ветвей.

Создание было изящно, словно лань, и сильнее арабского скакуна. Шкура белела, как снег, грива и хвост казались сотканными из лунного света, а чистый лоб венчал единственный рог, подобный закрученному спиралью узкому клинку.

Все больше листьев умирали у нее за спиной, их белизна покидала мир, и ее жуткая красота становилась все видней, ибо постепенно все четче проступала на фоне углов и теней нагих ветвей и сухих сучьев.

Она шагнула ближе, ее раздвоенные копытца вздымали шелестящие облачка сухих листьев, а те немногие, что еще не утратили своей белизны, медленно кружась, опускались на землю вокруг нее, словно ласковый, теплый и ароматный снег. Внезапный порыв ветра пригнул все древесные кроны, и в метели бледных белых листьев пропало все, кроме склонившей голову царственной фигуры, подходившей все ближе.

Единорог коснулась плеча Венди рогом, словно королева, посвящающая своего пажа в рыцари. Печаль тут же улетучилась, и юную женщину наполнило ощущение тихой радости и нерушимой силы. Ей показалось, что создавший это место, кто бы он ни был, воссоздаст его в прежнем блеске, если пожелает, исцелив и очистив от скверны. И эта сила находится так же близко, как единорог, когда листья были в цвету:

незаметная для смертных глаз, хотя и прямо на виду.

Единорог положила голову Венди на колени, и та нежно погладила ласкового зверя. Затем юная женщина хихикнула:

– Что бы сказал Ворон! Точно обиделся бы, узнай он, что ты сочла меня девственницей.

Единорог подняла свою благородную голову, и Венди опечалилась, увидев дрожащие в лавандовых глазах две хрустальные слезы.

– Ой... Что такое? Ну что?.. – Она расстроилась еще сильнее, потому что, утешенная дивным созданием, не могла утешить ее в ответ.

Единорог отступила на шаг, изогнула красивую шею и указала куда-то рогом.

Два дерева, чьи листья уже совсем покраснели, теперь почернели. Стволы их начали разлагаться, пошла ужасная вонь. Между гниющими стволами появился человек, чью фигуру окутывали глубокие сумерки, ибо павшая на лес тень исходила от него. Плечи его укрывал плащ из белого меха зимних лис, а стальной шпиль венчал острие шлема. Под забралом, сделанным из конского черепа, виднелось лицо...

Это был суровый темноглазый человек, которого Венди видела на портрете.

За поясом у него торчал спиральный серебряный рог.

Призрачное сияние окружало рог, словно его сняли с живого существа всего несколько минут назад и он еще не утратил жизненную силу. В одной руке человек держал окровав-

ленный нож. Кровь была темно-красная, почти лиловая, а там, где она капала на землю, даже если капли попадали на сгнившую под следами человека траву, вырастали цветы.

Единорог заговорила, словно ветер зашумел в лесу:

– Почему ты убил моего спутника, единственного в мире, кроме меня, представителя нашего племени? Мы не тронули Адама, когда его изгнали из сада, хотя он заслужил смерти, вкусив предназначенный лишь для нас плод.

Человек ответил:

– Единорогам дано проходить живыми и невредимыми между мирами. Эту способность я намерен даровать человечеству. Я пролил кровь твоего супруга и забрал у него рог, ибо он содержит ключ этой способности.

Единорог наклонила голову. Рог ее сиял, словно звездный свет на снегу.

– Ты хвалишься убийством, но берегись! Престолы, власти и силы небесные сходят на мою защиту. Я уже чувствую, как моя кровь превращается в ихор – мне даровано бессмертие, дабы мой род не угас окончательно, хотя я теперь единственный его представитель. Ты уже лишен своего прежнего имени: птица, что хранит его для тебя, больше никогда не слетит тебе на руку. Я нарекаю тебя заново, и да зовешься ты Азраилом, подобно ангелу смерти.

– Я горжусь этим именем, супруга Белого Оленя! Ибо я стану смертью небесной власти и новым рождением земной жизни!

Но глаза его исполнились глухого ужаса, несмотря на звенящую дерзость его слов.

Единорог отступала, львиный хвост хлестал ее по бокам.

– Если ты посягнешь на скипетр Всевышнего, то получишь его только в виде палки поперек спины. Ибо все твари служат Ему: и те, кто бунтует, и те, кто повинуются.

– На данный момент я удовольствуюсь скипетром, который носите вы, мадам, у себя на лбу.

И он широкими шагами двинулся вперед, обагранный нож дымился, а деревья и цветы чернели, сворачивались и погибали там, куда падала его тень.

Единорог повернулась к нему спиной и оглянулась через плечо.

– Если хочешь сражаться, берегись! Утренняя Звезда, светлейший из князей небесных, что является повелителем ночи, спустился со звездных небес защитить меня.

Между деревьев брызнуло бело-голубое и золотое сияние. Чистые лучи дробились среди ветвей, словно на заре, но становились все ближе, как будто солнце шло по лесу пешком. Грянула музыка. Дальняя сторона леса сделалась слишком яркой для глаз, хотя носитель света еще не показывался.

Он надвигался с грохотом лавины, шелест могучих крыл едва не сбивал с ног. Музыка потонула в реве труб, от которого сотрясались и земля, и небо.

Крик единорога вознесся над всепоглощающим громом, словно набатный колокол:

– Отдай рог, раскайся и спаси себя!

Но Азраил как можно крепче стиснул заткнутый за пояс рог и повернул нож против надвигающегося урагана света.

Единорог обернулась к Венди:

– Садись ко мне на спину, и я верну тебя в надлежащие тебе мир и эпоху, ибо теперешние гораздо раньше твоего времени. Держись крепко! Я быстра и могу обогнать забывчивость, которая в противном случае овладеет тобой. Все это тебе показали неспроста. Готова?

– Ода!

И Венди снилась скорость, скорость, скорость, и она смеялась и визжала от радости.

Обняв руками сильную шею единорога, Венди наклонилась вперед и прошептала ей на ухо, пока под ногами пронеслись звезды и облака:

– Пожалуйста, пожалуйста, не могла бы ты позволить мне вспомнить, как летать?

И зарылась лицом в благоуханную единорожью гриву.

IV

Грива менялась у нее под руками, превращаясь в густую мягкость медвежьей шкуры.

Сияющий рог уменьшился и превратился в крохотную

лампу на каминной полке. Венди снова благополучно возлежала на диване, а слабый огонь распространял красноватое тепло по затемненной комнате, но ощущение полета пронизывало все тело.

Венди встала и обнаружила загнутый металлический крюк, которым картина крепилась к стене, хотя раньше уже искала в этом месте. Но вот он здесь, поблескивает в свете камина. Из любопытства она взяла миниатюрную лампу-звездочку и поднесла ее поближе: крюк, казалось, начал терять четкость и ускользать от взора.

Поставив лампу обратно, она откинула крюк, и картина распахнулась на петлях, будто дверь.

V

Внутри обнаружился небольшой шкафчик. На бархатной подушке покоился закрученный спиралью рог из слоновой кости, на конце его блестела крохотная серебряная точка.

Венди припомнила слова Галена:

– Форма серебряного ключа была придана рогу единорога Уайзкрафтом Каделлином. Он дал нам ключ. Ключ может открывать врата.

Она протянула руку и взяла его. Пальцы слегка покалывало.

– Ладно. Самый могущественный волшебный предмет на свете я добыла. И что мне теперь с ним делать?

В окнах послышался шум. Она обернулась и увидела множество заглядывающих внутрь глаз. Снаружи собралась толпа. Там стояли матросы в шапочках с помпонами, тельняшках и шейных платках, но глаза их были совершенно черные, словно у зверей. У припавших к оконным рамам существ в длинных черных мундирах с начищенными пуговицами и треуголках лица лоснились черным мехом и трепетали длинные кошачьи усы.

Один окликнул ее:

– Эвоэ, красавица. Можно нам войти? – И улыбнулся, показав белые и кровожадно острые зубы.

Венди взвизгнула:

– Нет! Оставайтесь там! – и с такой горячностью задернула портьеры, что ее развернуло лицом к комнате.

На дальней стене суровое темное лицо на портрете повернулось и посмотрело на нее:

– Отдай мне Клаваргент, – произнесли нарисованные губы.

VI

Она наставила на него рог.

– Оставайся на месте! – крикнула она.

Портрет тут же стал неподвижным – просто картина на стене. Но голова у изображенного на нем человека осталась наклоненной под иным углом, нежели в течение предыдущих столетий.

Это зрелище испугало ее. Голос из-за занавесок негромко позвал:

– Ну же, красавица, ты ведь не возражаешь, если мы войдем? Мы покажем тебе замечательные фокусы!

Она схватила серебряную лампу и бросилась вон из комнаты, шлепая босыми ногами по каменному полу.

Венди бежала куда глаза глядят. Она взлетела по лестнице. Широкий балкон выходил в сад: там одетый в плащ из пепла великан с волосами и бородой цвета дыма перешагивал через деревья. На лицо его страшно было смотреть: зубы стиснуты, глаза пылают, глубокие морщины гнева избороздили щеки. Оно дышало такой злобой и гневом, словно никогда не знало покоя. Как только Венди выглянула, гигант вытащил из-за пояса два факела, уставился на них, и его огненный взгляд запалил оба ярким пламенем.

Она побежала по коридору. Здесь висело множество картин с охотничьими сценами. Юная женщина наставила рог единорога на сфинкса, припавшего к земле под сенью миртового дерева.

– Где страна золота, в которой хранятся талисманы? – потребовала она.

Изображение повернулось к ней: завораживающий взгляд, загадочная улыбка.

– Ты знаешь, где она лежит, и тысячу раз видела вход в нее.

– Спасибо! Возвращайся в сон! Венди побежала.

Детский стишок вертелся у нее в голове: «Пять ворон принесут серебра кусочек, шесть ворон принесут золота горшочек...» Она высматривала коридор с воронами.

В окна по правую руку рвался свет факелов. Там закованные в латы рыцари проезжали на гниющих конях через бухту, с мечей у них капали кровь и гной, а долетавший запах напомнил Венди больницу.

Один из рыцарей закричал, призывая ее смирить эгоизм и гордость и не пытаться в одиночку обороняться от них. Она не ответила, но побежала быстрее.

Прямо перед ней оказалось открытое окно, оттуда ухмылялась усатая тюленья морда. Скаля острые зубы, зверь сделал непристойный жест перепончатой лапой.

– Сюда, моя красотка!

Венди взвизгнула и метнулась в другую сторону, зовя Ворона.

И неожиданно выскочила на балкон, выходящий на крышу.

Балкон тянулся вдоль всего южного крыла. Сквозь открытую дверь на другом его конце виднелись гобелены и вороны нужного коридора. Но путь туда лежал по галерее, где от ше-

велящейся внизу во дворе армии ее не отделяло даже окно – ничего, кроме ряда столбов, поддерживающих край крыши.

Облаченная в сутану титаническая громадина, гораздо больше огненного великана, неоглядная, словно космос, перешагнула через здание во двор. Женское лицо чудовища было выковано из железа. В руках она держала бич, свитый из кандалов и цепей. За ней, вброд по морю, двигалась другая огромная тень в капюшоне, несущая лампу с заключенными в ней маленькими огоньками (похожими на тот, что она видела некогда в руке у Галена) и огромный серп.

Сделав еще шаг, жуткая фигура оказалась уже на другой стороне дома.

Венди спрятала лампу в карман и осторожно, крадучись, двинулась по балкону. Она затаила дыхание и шла на цыпочках, шаг, еще...

– Хой, парни, она там!

Мгновенно поднялся страшный гвалт, крики, вопли и смех. Венди сорвалась на бег, выкрикивая имя Ворона. Она недоумевала, почему никто из чудовищ во дворе не стреляет в нее, хотя у некоторых рыцарей были луки, а тюлени, одетые пиратами, имели при себе кремневые пистолеты и мушкеты.

Она миновала уже половину галереи, когда визг и хохот резко стихли. Венди хотела поднажать, но бежать по холодным каменным плитам в одних носках больно, к тому же она начала выдыхаться.

В наступивший тишине послышалось негромкое жалоб-

ное ржание.

Волшебник, облаченный в тело Галена, бесшумно спу-
скался с неба верхом на крылатой лошадке. Он приземлил-
ся на крышу, куда выходил балкон, почти прямо между бег-
лянкой и ее целью. В руке вместо посоха он держал черенок
от швабры, занавеска цвета королевского пурпура окутыва-
ла его плечи. Шею охватывала цепочка с амулетами силы.

Венди резко затормозила, глаза у нее округлились.

Чародей спешил. С сон-лошадкой явно обошлись же-
стоко: черные вожжи туго охватывали морду, бока покрыва-
ли кровоточащие отметины от шпор и хлыста. Лошадка под-
няла на нее печальные глаза того же лавандового цвета, что
и у единорога.

Внезапная ярость и жалость к животному придали Венди
мужества.

Она выпрямилась, вытащила из кармана лампу и, держа
рог единорога будто меч, пошла на волшебника, хотя ноги у
нее дрожали.

Тот же голос, что говорил с портрета, теперь раздался из
уст Галена. Его пылающий взгляд излучал такую пронзитель-
ную притягательность, что Венди недоумевала, как можно
было хоть на миг обмануться и принять его за Галена.

– Юница, то, что ты держишь в руке, – мое. Ты сомнева-
ешься в моем праве?

Подойдя ближе, Венди разглядела, что узурпатор стоит не
на самом балконе, а на крыше рядом с ним. Чтобы добраться

до двери, придется пройти мимо него, но дорогу он не загроживает.

– У тебя нет никаких прав! – ответила она. – Сгинь!

– Ты хотя бы не возражаешь, если мы обсудим этот вопрос? Ты наверняка хочешь знать, где находится твой молодой муж? – И он шагнул было между столбов.

– Нет! – крикнула она. – Нам нечего обсуждать! Я не хочу с тобой разговаривать!

Он небрежно убрал ногу, но Венди видела, как она у него дернулась, словно он обо что-то стукнулся, и рассмеялась.

И она подошла к нему так близко, что он мог бы протянуть руку и коснуться ее, но не сделал этого. Поначалу она ступала неуверенно, затем ее шаги сделались более твердыми, и она храбро прошла мимо него.

Теперь чародей двинулся вдоль по крыше, на расстоянии вытянутой руки от противницы, приноравливаясь к ее шагам. Он по-прежнему не прикасался к ней, хотя, казалось, ничто ему не мешало.

– Я принес тебе дар...

– Он мне не нужен!

– Ты вошла в мой дом без разрешения...

– Неправда! Он больше не твой!

– Я уйду, юная барышня, если вы извинитесь хотя бы за...

Она повернулась к нему с пылающими глазами и выпалила:

– Птица, которая хранит твоё имя, больше не слетит к тебе

на руку, когда ты позовешь!

Лицо его исказилось от ужаса и горя, и он отшатнулся, уронив швабру, одну руку прижав к животу, а другой закрывая лицо.

Венди побежала к двери, но сухое рыдание за спиной долетало до ее слуха. У двери она обернулась.

Азраил стоял всего в нескольких футах от нее, снова выпрямившись. Холодная гордость задушила уязвившее его минутное раскаяние. Он крикнул безжалостно и повелительно:

– Все, что я сделал, я сделал для блага человечества! Я бросаю вызов богам и проклинаяю их! Их духи и ангелы станут рабами людей, как мы некогда были их рабами!

Венди крикнула в ответ:

– Я знаю таких, как ты! Спорим, ты делал это исключительно ради себя!

– Пари! Я принимаю его. Я заберу выигрыш в то время и таким образом, каким сам выберу, и мир будет свидетелем.

И он шагнул на балкон, протянув одну руку к Венди, а другой касаясь своего ожерелья.

Лошадка у него за спиной произнесла женским голосом:

– Запрети ему переступить порог.

И Венди запрыгнула спиной вперед в открытую дверь.

– Я объявляю балкон находящимся за пределами дома! Ты не можешь переступить этот порог, равно как и войти через любое другое окно, или дверь, или трубу, или отверстие

в доме!

– Призови духов мира в свидетели, – подсказала лошадка. Азраил сгреб ожерелье.

– Эвриаль, повелеваю древними именами, которые связывают тебя, умолкни.

– Духи мира, – произнесла Венди, – будьте свидетелями: тот, кого единорог назвала Азраилом, не может ни войти в этот дом, ни передать что-либо! Ни в какое время, никакими средствами!

– От чьего имени ты говоришь? – потребовал ответа Азраил и шагнул к двери, но не вошел внутрь.

У него за спиной лошадка отчаянно замотала головой.

– Я не обязана отвечать тебе! – крикнула Венди и топнула ногой.

Жестокая улыбка осветила лицо де Грэя.

– Может, и нет. Но у меня имеются слуги из явного мира, люди, не связанные законами магии. И в данный момент они идут на приступ. Слушай.

Где-то далеко внизу слышалось, как обутые в ботинки ноги пинками отворяют дверь, и до них долетали крики:

– Откройте! ФБР! Все арестованы! Рассредоточиться! Оцепить территорию! Преступники вооружены и опасны, поэтому стрелять без предупреждения!

Второй голос, более далекий, но все же отчетливый:

– Следуйте за ними. Добудем вещи, получим деньги. Пусть полицейские идут первыми и полягут. Мы как раз тут,

чтобы порезвиться. Убивайте мужчин, насилуйте женщин.

Из другой части дома донесся звон разбитого стекла. Странные голоса, бессвязные и пьяные, затянули песню, и вместе с ними еще один голос закричал:

– Вперед, дети, ибо темный мессия повелевает! Аллилуйя!

Дом наполнился эхом криков.

– Я охраню тебя от них. И благополучно разыщу и верну тебе твоего отсутствующего мужа, – произнес Азраил, сверкнув глазами, и протянул руку. – Отдай же мне серебряный ключ.

– Никогда! – крикнула она и помчалась прочь по коридору.

ГЛАВА 18

БИТВА ПРИ ВЫСОКОМ ДОМЕ

I

Темнота по-прежнему не отступала, хотя розовые облака предвещали зарю. Ворон и Питер остановились на главной аллее, ведущей к дому. Ряды деревьев по обе стороны от них перешептывались на ночном ветру. В отдалении просматривался Высокий дом.

Вокруг здания плясали огни – кто-то поджег беседки. Клубящийся черный дым несясь вверх от садовых стен, пляска пламени подбиралась к южному крылу.

Здесь трава была чиста, словно снег шел только рядом с морозным великаном. Следопыт припал к траве, держа в руках фонарик Питера. Он сделал стойку.

– Три группы людей направляются сюда. Первая группа – в ботинках, перемещается строевым шагом; вторая – в дорожных кроссовках, идут медленно и развязно, как напуганные люди, которые стараются выглядеть внушительно; третья группа – мужчины и женщины в длинных одеяниях, волочащихся по земле, а на их вожаке домашние тапочки. Он

старше, у него больные ноги. Третья группа идет медленно, в колонну по одному. Некоторые покачиваются на ходу.

Теперь Ворон указывал:

– Третья группа идет к северному крылу, вон туда. Двадцать мужчин, пять женщин. Вторая группа идет к южному крылу – туда. Десять мужчин. Первая группа идет прямо по этой дороге. Тридцать пять мужчин, двое несут тяжелый груз. Будь посветлее, я бы сказал тебе больше.

– Боже, мне бы такого, как ты, когда я ходил в дозор.

– Вот еще группа отделяется от основного отряда. Шестеро уходят, семеро возвращаются. Вновь пришедший молод, носит кроссовки, одет либо в рясу, либо в плащ, который волочится по земле, ходит с палкой. Но ступает он, я бы сказал, величественно. Он главный. Азраил.

– Если они оставили патрули по периметру, прямо войти в дом нам не удастся, – рассудил Питер. – Но мы имеем дело со смешанным командованием, вероятно, без радиосвязи между подразделениями, а атакуют они укрепленную позицию.

– Ваш дом укреплен?

– Нет. Но если они умные, то станут действовать, как если бы он был укреплен. Это значит, что их внимание будет направлено вперед: они попытаются остановить людей, выходящих из дому, а не входящих. Если со связью у них плохо, их фронты могут перекрывать друг друга и иметь бреши. Нам надо найти одну из таких брешей. Следовало бы попробовать место между северным и восточным крылом, так

называемый покой Срединного Сна. Там есть вход, но это не главная дверь, где, полагаю, враг сосредоточит огневую мощь.

– Однако вы забываете, что Азраил или Гален знает дом не хуже вас.

Справа, к югу от дома, между ними и распространяющимся пламенем, возник силуэт: медленно надвигалось нечто громадное с факелами в обеих руках.

Ворон притушил свет.

Питер выхватил пистолет и выругался.

– Я не могу достать их, не выдав нашей позиции. – Он махнул в сторону кустов высотой по грудь. – Давай туда. Если у тебя хватит силы протащить меня через кусты, сделай это немедленно. В противном случае оставь меня, и я проберусь в дом самостоятельно.

– Ха! Уж в силе-то у меня нет недостатка!

Сын гор поднял инвалидное кресло вместе с Питером и пошел через кусты.

Он толкал кресло по лужайке, но не мог двигаться очень быстро, потому что колеса путались в высокой траве.

Питер сказал:

– Оставь меня. Я тебя задерживаю.

При этих словах Ворон расслышал легкую дрожь в его голосе, словно это было самое трудное и душераздирающее признание в жизни старого воина.

– Я... – начал было Ворон.

И тут из дома донесся вопль – голос его жены, выкликающей его имя.

– Извини, Питер! – И он умчался прочь.

– Черт тебя подери! Пистолет возьми! – выкрикнул калека.

И тут же зажал себе рот ладонью.

Перебегая лужайку к северу от дома, Ворон издавал не больше шума, чем лист, несомый ветром по траве. Он перепрыгнул низкую стену – плащ развевался за его спиной – и приземлился в саду за ней, пропав из глаз Питера.

В тени рядом с Питером произошло какое-то движение, в кустах позади зашелестело. Но напарник исчез вместе с фонариком, и он не видел, что надвигается.

II

В саду около ворот Ворон наткнулся на следы шести человек, шедших в одном направлении, и семерых – в другом. Здесь Азраил встретился с жожаками трех групп.

Ворон рискнул включить на секунду свет и увидел смятые окровавленные листья. Странно. Здесь были дополнительные следы, которые сходились с первыми: существа с когтистыми перепончатыми лапами или в тупоносых, не по размеру туфлях. По тому, как распределялся вес на отпечатках

стоп, Ворон понял, что, чьи бы ноги ни втиснулись в эти туфли, людям они не принадлежали. Эти твари напали исподтишка на людей Азраила, подкараулив их в роще за кустами рододендрона.

Здесь также были крохотные следы, как будто посреди грунтовой дорожки побывал олень. Следы возникали вдруг, словно олень явился из ниоткуда. Ворон снова посмотрел и нашел на земле маленькие пятнышки темно-лиловой крови. Больше не было никаких следов оленя, ни в ту, ни в другую сторону. След Азраила вел прочь от места, где появился олень, но не к нему. Очередная загадка.

Охотник притушил свет, прополз вперед и раздвинул кусты.

Он увидел черную узкую тень, облаченную в кости мертвецов, воняющую могильной землей, увенчанную отсеченными кистями рук. Стоя к Ворону спиной, Кощей склонился над окровавленными освежеванными трупами шести человек, распростертыми на траве в лужах свежей крови.

Вены и мышцы людей выделялись на их ободранной плоти, и кровь скапливалась между костями и органами. Трупы застыли в позах агонии и ужаса.

В руке у Кощей светились огоньки, напоминающие мерцание огненных бабочек. Они да еще булабочные головки его глаз составляли единственное освещение жуткой сцены. Когда некромант поворачивал голову, Ворон со своего места различал двойные кружки бледного призрачного света, лас-

кающие тела.

Длинным когтем Кощей рассек ногу мертвеца, вытащил берцовую кость и принялся прилаживать ее к своей кирасе. Затем нагнулся и начал разрезать грудину покойника длинными плавными ударами ногтей.

– Холодно! Всегда так холодно... – бормотал про себя мрачный шипящий голос. – Зачем им тепло внутри мозговых костей? Почему это тепло никогда не передается мне? Мне нужно больше костей. Больше костей. Кости маленькой девочки Венди богаты теплом и радостью... Мне нужно их живое тепло, чтобы одеть меня в моем бесконечном, глубоком холоде...

Из-за невысоких деревьев напротив послышался другой голос:

– Ар! Ты, шакал! Ни один плащ не согреет тебя, когда твои кости – лед.

На поляну вышло человекоподобное существо с кровавым грузом на плечах. Оно было одето в старинный военно-морской мундир великолепного покроя с двойными рядами блестящих пуговиц, взбегающих по широкой груди, и скрещенными двойными поясами, на которых висели абордажная сабля и кремневый пистолет. Поверх напудренного парика красовалась адмиральская шляпа с гребнем из перьев по изгибу. Из-под нее выглядывало покрытое черной шерстью усатое лицо, мерцали влажные звериные глаза, белели острые зубы.

Тюлень сбросил свою ношу, и труп тюлененка покатился по земле.

– Тюлений царь Мананнан здесь, в том или ином обличье. Больше никому из нашего племени не дозволено убивать сородичей. Это точно он! Посмотри на отметины зубов на шее.

– Что мне в этом, похититель облика? Тюленид пнул Кошcea, и призрачная тварь упала, кляцнув костями, чтобы вскочить на четвереньки, словно чудовищный паук или угловатое пятно мрака.

– Хой! Ха-ха! – воскликнул лже-адмирал. – Возможно, наш добрый Мананнан не хочет, чтобы мы узнали о его присутствии здесь, гробокопатель. Ты грабишь тут тело моего друга, но где улика? Все невиновны, если нет надежных улик, – таков наш закон. По-моему, Мананнану это понравилось бы.

– Убийца Белого Оленя сказал, что Мананнан не должен участвовать в этой битве.

– Гарн! Он? Он пока лишь преодолел барьеры, а один из наших уже внутри, как я слышал. Ха-хар! У него в кармане – капля крови Северной Звезды, а он не в состоянии даже заклятие через порог бросить, если те, что внутри, не попросят его об этом.

– Барьеры всего лишь первая из трех защит Эвернесса, шкуродер.

– Заткни пасть, гробокопатель, трупоед! Те, внутри, еще не произнесли ни одного слова силы, а их там, я слышал,

немного – кроме хорошенькой цыпочки, которую хочет тюлений царь. Они не знают, как пробудить молнию или заставить камни проснуться и танцевать! Они все забыли! Ха! Мы, народ сэлки, одолеем эти барьеры, вот увидишь, и станем пировать в главном зале, пока чародей скребется в окна, умоляя о приглашении! Ха-хар! Мы приготовим свой пир на кострах из волшебных книг! Сожжем книги и все записи о нас: не станет ни прошлого, ни преступлений, как только воспоминания о них исчезнут.

Очередной всплеск лающего смеха. Затем тюленид прислушался:

– Харк! Не девичий ли это визг? Ручаюсь, там тюлений царь. Он не из тех, кто нежен в любовных играх, и может покусать девку, прежде чем взять ее, ха-ха!

Ворон снова услышал голос Венди, высокий и испуганный, выкликающий его имя. У него не было оружия, и он не знал, как попасть в дом из этой части сада. Ему нужен был Питер, чтобы показывать дорогу.

Бесшумный, подобно мимолетной тени, сын гор отполз, скользнул обратно через стену и с разрывающимся от страха и ярости сердцем бросился туда, где оставил Питера.

Там никого не было.

Ш

Следы колес не скроешь. Ворон нагнулся к траве, рискнул мигнуть фонариком и побежал.

Он вернулся к главной аллее, куда ноги в ботинках оттащили кресло, выключил свет и пошел вперед. Затем проскользнул на четвереньках сквозь живую изгородь рядом с парадными дверями западного крыла и затаился. Здесь охраняла двери группа из четырех человек в шлемах, в громоздких бронежилетах, вооруженная автоматическими винтовками. У одного был фонарь.

Ворон опустил голову и подполз поближе. Слышал он хорошо, но листья загораживали обзор.

Изнутри доносился топот обутых в тяжелые ботинки ног, треск разбиваемого дерева и звон стекла, хриплые выкрики.

Питер был здесь и ругался.

– Какая еще Федеральная военная полиция? Нет такой штуки... Ага... Ладно, где ваш ордер?.. Ах, у вас нет ордера? Да? За что арестован?.. Он не был спрятан, я, черт подери, держал его в руке! Кроме того, с каких пор это государственное преступление?.. Я скажу, что поговорю с вашим начальством! И с моим конгрессменом, а то и с вашим хозяином! Ладно! Ваши имена!.. Я гражданин США и задаю законный вопрос! Откуда я знаю, что вы не просто переодетые хулига-

ны, если вы не показали мне какое-нибудь чертово удостоверение личности!

Затем Ворон различил, как старый вояка вполголоса произнес:

– Морфей! Духи мира, будьте свидетелями, они сдали мне свои имена! Выруби их!

И когда Ворон поднялся, он увидел Питера, нагнувшегося с кресла и забирающего винтовки из рук людей, без сознания храпящих на земле вокруг него.

IV

Ворон видел распростертые на земле четыре посапывающие фигуры. Теперь он разглядел тяжелую черную униформу для уличных боев с полосами кевлара на груди и спине. На вооружении у них имелись М-16. Шлемы были голубые. Буквы на спине курток складывались в аббревиатуру СВОР. Ни бейджей, ни нашивок с именами, ни шевронов, ни каких-либо иных опознавательных знаков. Странное дело, из нагрудных карманов курток у всех солдат торчали пожухлые коричневые листья, а у одного на шее красовался целый венчик.

– Что это за люди? – спросил бородач. – Спецподразделение полиции для разгона демонстраций? Солдаты?

– Нет. Психи какие-то переодетые. Это Америка. Солдаты не арестовывают гражданских на территории США. Смотри, здесь, сразу под ключицей, где рубашка не закрывает. Видишь?

– Ожог?

– Ведовское клеймо. Кое-что из той чертовщины, которую давным-давно вдолбил мне мой папаша. Для каждого типа клейм существует собственный маленький стишок. Как бы то ни было, это знак из тех, что ставятся, когда человек присягает чародею.

– То есть? Что это значит, а?

– Это значит, что они пошли добровольцами. Подписали договор кровью. На. Знаешь, как такими пользоваться?

– Нет, но я знаю пистолеты. Питер бросил ему пистолет.

– Лови! И сними с того парня ожерелье из листьев – это, должно быть, некая разновидность магического ОДВ.

Ворон понюхал.

– Я знаю этот запах. Как вы это назвали? О-дэ-вэ? Это же табак.

– Определитель «друг-враг». Как пароль. Лист табака снимает заклятие.

Ворон втащил Питерово кресло по ступеням и через разбитые двери внутрь. Поставив его на пол, он снова взялся за ручки, и они помчались, гремя колесами, через огромный холл, украшенный мечами и копьями.

– Питер! Вы знаете, как пробудить три защиты Эвернесса,

да?

– Черт, нет. Одна для земли, одна для воздуха, одна для огня. Это все, что я помню. Думаю, воздушная – это магия, которая удерживает тех образин снаружи.

Они попали в зал, из которого выходило множество дверей и коридоров. Некоторые коридоры оказались декоративными – неглубокими иллюзиями, утопленными в стену всего на несколько дюймов. Света не хватало – до восхода еще оставалось минут пятнадцать – двадцать.

– Куда?

– Глянь наверх! Следуй любому морскому мотиву: чайки, корабли, и всякое такое. Он приведет нас в восточное крыло.

– Чудовища не попадут внутрь, пока барьеры не рухнут.

– Проклятые чудища меня не волнуют. Меня беспокоит эта ложная пехота. Может, они и самозванцы, но некоторая выучка у них имеется, они передвигаются и прикрывают друг друга, словно...

Грохот орудийного выстрела раскатился по дому. Ворон припустил быстрее, толкая перед собой кресло. Питер приговаривал:

– Черт! Это же тридцать шестой калибр! У пехоты такого не было; значит, другая группа. Тяжелый снаряд прошьет эти стены, как нечего делать!

Он по очереди снял с предохранителей отобранные у солдат автоматические винтовки и взял по одной в каждую руку. Третья лежала у него поперек колен, запасные магазины

он рассказывал по карманам рубашки.

Они добрались до лестницы, ведущей вверх мимо окон на площадке к следующей двери.

– Не останавливайся! – прокричал Питер.

– Держитесь за кресло! Я вас отнесу наверх!

– Ты не сможешь! Вместе с креслом я вешу тонну!

– Смотрите!

Ворон опустился на колени, отклонился назад, взялся за подлокотники кресла, наклонился вперед и встал. Лицо у него потемнело от напряжения, глаза сверкали, зубы казались проблеском молнии во мраке бороды.

– Не уверен... О черт! Черт! Голову береги! Сын гор повернулся и побежал вверх по ступеням огромными тяжелыми шагами, неся Питера на спине.

Внезапно сверху донесся рокот, и лучи факельного света снаружи заиграли на стенах.

Питер крикнул:

– Что-то в окне за нами! Осторожно!

Но Ворон не замедлил своего бега. Грохот выстрелов в фуге над ухом оглушал его, а от отдачи кресло на плечах брыкалось и подпрыгивало. Питер отстреливался короткими, сдержанными очередями. Стекло разлеталось, факелы погасли, снаружи раздавались вопли.

Отдача бросила Ворона вперед, он споткнулся на последних двух ступеньках. Кресло вырвалось у него из рук, перелетело через голову, но осталось в вертикальном положении

и, прокатившись по площадке, врезалось в перила балкона.

Бородач отклеил лицо от пола.

– С вами все в порядке?

Питер, держа дымящуюся винтовку в одной руке, другой развернул колеса и выехал с разбитого балкона.

– Великолепно, приятель.

– Что за чертовщина там приключилась?

Сорванные балконные рамы внизу сверкали осколками стекла. Что бы там ни находилось, теперь оно исчезло.

– Тебе лучше не знать.

– А сейчас куда?

Перед ними лежал коридор. Слева три стеклянные двери открывались в музыкальную галерею, выходящую на громадный покой с вырезанными на стропилах звездами и лунами. Из окон первого этажа сюда проникал свет пламени, крики и вопли невидимой огромной толпы.

Свет освещал две статуи возле кровати.

– О, черт!

– Что не так, Питер?

– Кто-то завязал статуям глаза!

– Это сделал маленький эльф. Плохо?

– Это святой Георгий и, как ее, красная королева войны.

Это часть защиты дома. Погоди! Вернись!

Но Ворон уже миновал двери и красивой дугой перелетал через край балкона, дабы оказаться этажом ниже. Он приземлился с кошачьей легкостью, только темный плащ громко

хлопал за спиной, и метнулся через зал к статуям. В памяти у него звенели слова: «Ужас моего меча сможет отогнать ночных чудищ, если будет на то воля Божья, пока святой Георгий и Мален, красная королева войны, присматривают за мной».

Ворон сорвал повязки с глаз первой статуи, шепотом приговаривая:

– Ты снова можешь видеть, святой Георгий! Присмотри за ним еще разок!

Спящая на постели фигура, невидимая в темных тенях факелов, застонала и пошевелилась.

Ворон снова услышал крик Венди, почти прямо над головой:

– Том! Нет! Вернись!

Голос Питера с балкона на другом конце зала:

– Плохо дело.

И он услышал щелканье взводимого затвора.

Ворон обернулся.

Снаружи, прямо перед ним, через широкие окна он узрел сцену из кошмара. Толпа чудовищ и злых тварей скакала, размахивая факелами: тюлениды и суровые рыцари с мечами, с которых капала кровь, великаны и другие. Вниз с балкона по веревке спускался маленький эльф, ухватив спящее тело Лемюэля Уэйлока за воротник ночной сорочки и каким-то невозможным образом удерживая крохотной ручкой его полный вес.

Сверху и сзади Ворон услышал утробные человеческие голоса:

– Эй, смотрите! Старый хрен с ружьем! В расход его!

Ворон обернулся вовремя, чтобы посмотреть на Питера в раме балконных дверей, с винтовками в обеих руках, поливающего очередями какую-то невидимую для Ворона цель в коридоре справа от него. Оглушительный грохот выстрелов перекрыли вопли. Отдача отбросила кресло Питера назад и влево, и бородач слышал ужасный грохот падающего по ступеням инвалидного кресла вместе с хозяином.

Раздавшийся откуда-то снаружи голос Азраила де Грэй прогремел по всей округе:

– Духи мира! Лемюэль Уэйлок не спал эту ночь в назначенном месте! Его притязания на пост стража недействительны! Питер Уэйлок отказался от своих притязаний! Я, Гален Уэйлок, теперь заявляю права на все права, силы и привилегии стража! Я объявляю себя стражем Эвернесса!

Пропела труба.

Венди кричала сверху, но Ворон не мог слышать слова.

Питер! Вы живы? – окликнул он товарища.

Голос Азраила продолжал:

– Мой первый приказ: барьеры должны пропустить идущих за мной!

Дверь распахнулась, и стадо чудовищ, размахивая факелами и выкрикивая страшные ругательства, испуская боевые кличи и возглашая гимны тьме, хлынуло в зал, где находил-

ся Ворон.

ГЛАВА 19

ВОИН СВЕТА

I

Когда толпа хлынула в разбитые двери, Ворон выхватил пистолет, который дал ему Питер. Красивые рыцари с печальными лицами, с истекающими кровью смрадными мечами входили строем, за ними следовали хихикающие, распеваящие песни моряки со звериными лицами. Великан с безумным от ярости лицом встал на колени и просунул в комнату руку, круша окна и стены. От его факела огонь перекинулся на крышу.

Сын гор не мог заставить себя стрелять в людей, но вскинул пистолет и выстрелил в великана. Пули не оказали никакого действия.

Человек на кровати пошевелился, застонал и сел. В свете факела и пожирающего крышу пламени Ворон увидел доктора, по-прежнему облаченного в сияющие доспехи. Правая нога по колено отсутствовала, и кровоточащий обрубок был кое-как перебинтован шарфом. Обожженное лицо покрывали волдыри, глаза вытекли. Доспехи по всей левой стороне

были покорены, тело кровоточило с той стороны от плеча до стопы, а плоть вокруг раны распадалась сухими, мертвенно-бледными полосами, словно у прокаженного.

Ворон испуганно сглотнул, когда раненый доктор встал на ноги. Голос его прогремел по всему дому – сильный, ясный и властный:

– Порождения тьмы! Бегите или погибните! Ибо вы не смеете противостоять Ланселоту Дю Лаку, непобедимому воину Света!

И он со звоном выхватил меч из ножен.

Клинок испускал мягкое золотое сияние. Оно коснулось Ворона приятным теплом, словно солнце в весенний день. Однако рыцари и сэлки закрывали глаза и лица, вереща, словно их ослепили, и как безумные разбежались во все стороны.

Ланселот спрыгнул на одной ноге с кровати, приземлился на колени и взмахнул мечом, зажимая свою огромную рану левой рукой. Кровь хлынула у него между пальцами, когда он выпрямился. Он наклонил голову, прислушиваясь, и замахал мечом вокруг себя с недоступной зрению скоростью. Трое из убегающих чудищ упали и больше не поднялись.

Факел размером с дерево опустился, чтобы расплющить его. Ланселот парировал удар и откатился, снова приземлившись на колени, ударил через плечо, и еще двое убегающих тварей упали замертво. Великан с пронзенным запястьем, вопя, отдернул свою могучую руку, и комната погрузилась в

темноту.

– Доктор! Это я, Ворон!

– Помогите мне подняться, добрый человек.

– Как вы можете так сражаться?

– Репутация, дорогой коллега. Вы слышали легенды, что меня нельзя победить в бою? Видите ли, легендарные существа обязаны твердо придерживаться легенд.

Твари бежали. Некоторые удрали через двери во внутренние части дома, другие метнулись обратно наружу. Натиск рвущихся к спасению чудовищ был столь велик, что огненного великана оттеснили от дверей и дальше, почти к самой дамбе.

Поэтому, когда Ворон подпер правым плечом Ланселота, помогая тому выбраться во двор, ни одной темной твари не оказалось под посапывающим телом Лемюэля Уэйлока, раскачивающимся на веревке, за которую цеплялся Том О'Лампкин.

Бородач бросился вперед, волоча за собой Ланселота, и поймал старика за ноги, как раз когда Том, напуганный и ослепленный мечом легендарного рыцаря, отпустил тело и юркнул по веревке обратно наверх. Ворон, потеряв равновесие от неожиданно навалившегося веса и отчаянно пытаясь предотвратить падение дедушки на каменные плиты пола, рухнул наземь так, чтобы старик упал на него сверху.

Ланселот пошатнулся, но устоял. В этот момент мужчины и женщины в лиловых сутанах, вооруженные охотничьими

карабинами и обрезамн, выбежали из-за угла с криками:

– Азраил! Азраил! Темный мессия грядет!

Поскольку Ворон лежал, его не застрелили, когда люди в сутанах выкрикнули: «Смерть неверному!» – и открыли огонь по Ланселоту. Обстрел, похоже, не оказывал на Дю Лака никакого действия: пули даже не касались его. Он, улыбаясь, размахивал мечом в воздухе, словно парировал удары, и сектанты смешались. Одна женщина бросила пистолет и побежала прочь.

Рыцарь на гниющем коне перепрыгнул через низкую стенку, отделяющую эту часть двора от фонтана с зодиакальными статуями. Его шлем венчали три плюмажа, а на щите красовалось обезображенное проказой лицо.

– Изменник! – выкрикнул он. – Неверный развратник и ложный друг своего господина! Повернись и сразись со мною снова! Мой меч Разложение уже пил твою кровь, теперь он выпьет твою жизнь!

Он спешил и выхватил меч. С клинка стекали кровь и слизь.

– Повернись и сразись со мной!

– Беги! – подал голос с земли Ворон.

Ланселот повернулся к злому рыцарю.

– Ах нет, мой добрый друг, – негромко ответил он. – Видите ли, чтобы легенды вас защищали, приходится по ним жить.

Лицо его, почерневшее, безглазое и покрытое шрамами,

все равно казалось юным, когда он улыбался.

Двое рыцарей обменялись быстрыми ударами, и, хотя Ланселот не мог ни нападать, ни отступать, ни видеть, его мастерства и храбрости хватало, чтобы сдерживать злого рыцаря. Отравленный меч проказы пару раз оцарапал доспехи Ланселота, оставив следы вонючей крови, но не пробил их.

Ворон, лежа на спине, видел, что на крыше южного крыла появился Азраил – быстрый, словно падучая звезда, верхом на крылатом скакуне. Широкие крылья коня испускали свет.

В окне наверху показалась Венди и, перегнувшись через плечо самурайского доспеха, крикнула:

– Ворон! Где ты был? Берегись! Азраил идет!

В руке она держала белую витую палку с посеребренным концом.

Азраил хлестнул скакуна черенком от швабры, отчего на боках у животного появились новые синяки. Стройная лошадка сложила крылья и нырнула к Венди.

Азраил смотрел только на витой рог.

Он подлетел к окну, где была Венди, мельком взглянул на Ланселота, небрежно коснулся своего ожерелья и указал вниз.

– Я отзываю защиту этого дома! Сын Озера теперь полностью в явном мире и подчиняется его законам! Морфей!

Венди поникла. Волна непреодолимой усталости накатила на Ворона. Ланселот покачнулся, выронил меч и упал бы, но злой рыцарь обнял его и до упора вонзил отравленный

клинок в его тело с такой силой, что металл с треском переломился, оставив добрую часть гнилого лезвия в ране.

Из последних сил сын гор поднял руку, как делал при нем Питер: сложив средние пальцы колечком и растопырив остальные. Он повторил имена, которые слышал от старого вояки:

– Аполлон! Гиперион! – Тут он зевнул и выдавил сквозь немеющие челюсти: – Гелион!..

Один из сектантов выстрелил и промахнулся, затем выстрелил другой. Пуля не коснулась злого рыцаря, но пробила кровавую дыру в левой руке Ланселота.

Ворон указал сложенными пальцами на доктора, затем на Венди. Воин Света проснулся, но злой рыцарь обхватил его, пригвоздил обе руки к телу и, оторвав искалеченное тело от земли, рванул пальцами рану в боку противника. Он крикнул сектантам:

– Избавьте его от убожества жизни!

Дю Лак поднял обожженную и окровавленную голову, вызывая:

– Сойдитесь со мной меч на меч, трусы! Или вы боитесь слепого?

Сектанты снова открыли огонь. Окровавленное тело Ланселота пролетело через двор, доспехи его рассыпались на кусочки, а злой рыцарь в туче пуль оставался нетронутым.

Венди проснулась, как раз когда Азраил, нагнувшись в окно со спины парящей лошади, схватил ее за руку.

– Отдай мне Клаваргент!

Пули свистели над головой у Ворона, а сектанты продолжали стрелять по упавшему телу легендарного воина. Он не поднимался.

Злой рыцарь стоял, глядя на поверженного врага, и бормотал какую-то благочестиво-снисходительную проповедь о мудрости смерти и греховном эгоизме желания жить.

Слабый, дрожащий и задыхающийся голос Ланселота прознес:

– Леди! Я умираю у тебя на службе... Тебе моя последняя молитва...

– Дом! Помоги мне! У меня волшебная палочка! – крикнула Венди.

Азраил сказал:

– Ты должна отдать мне его добровольно, или я сброшу тебя на камни вниз.

И он потащил ее из окна.

Пронзительный голосок с ирландским акцентом раздался у Венди за спиной:

– Красавица, призови камни подняться и защитить их землю именем рога Белого Оленя!

Камни! Как он сказал! – взвизгнула Венди.

Пустой самурайский доспех рядом с Венди выхватил катану и отсалютовал. Из двора рядом с Вороном слышались лвиный рев, шелканье клешней, козлиное бляение, пение тетивы, мычание быка, а затем стук камня о камень, словно

надвигалась лавина.

Азраил расхохотался, игнорируя самурайский меч.

– Дурак! Камни не могут проливать ни кровь Эвернесса, ни кровь коней Келебрадона! Ты не можешь ударить меня!

Самурайский доспех наклонился и рассек вожжи в руках у Азраила. По самому де Грэю он не попал, только по вожжам, они-то и распались. Крылатая лошадка попятилась и, заржав, встала на дыбы, а старший Уэйлок отпустил Венди и обеими руками вцепился в белую гриву.

Ланселот прошептал:

– Отвези меня в свое царство, госпожа, в место, предназначенное мне, если я заслужил наконец твое прощение, дабы там исцелили меня от этой великой раны.

Крылатая лошадка взвилась и заплясала в воздухе, словно снежинка в зимнюю бурю высоко над океаном. Азраил завопил:

– Эвриаль! Клятвами от рождения мира повелеваю тебе! Ты на службе у крови Эвернесса!

Крылатая лошадь пропела:

Мы клятвою связаны с воинами Света!

Более древней, чем дом Неизменный.

Они призывают нас в боли безмерной —

Мы мчимся, отринув иные обеты!

С этими словами она сбросила Азраила со спины, и он с воплем полетел в море.

Через низкую стенку из соседнего двора надвигалась фантастическая армия. Каменный лев, статуя с кувшином воды, мраморная дева с завязанными глазами и с весами в руках, каменный скорпион, мраморный бык. И многие другие.

– Эге! Похоже, кто-то наконец вспомнил, что является второй защитой Эвернесса, – пробормотал про себя Ворон. – Но мне почудился голос Тома, а он вроде бы предатель...

Сектанты в лиловых рясах стреляли и стреляли в надвигающуюся кавалькаду статуй. Пули отскакивали от камня или отбивали мелкие осколки. Двое побежали. Остальных смяли каменные лапы, клешни и копыта. Сын гор видел, как приплясывает на месте каменный лев, чьи мраморные лапы покраснели от свежей крови.

Ворон протянул руку, ухватился за ногу злого рыцаря и встал.

Рыцарь воззвал:

– Не будь столь горд! Мы рождены страдать! Он ударил бородача в лицо, заставив его отцепиться, и замахнулся обрубком кровоточащего меча.

Ворону и раньше доводилось участвовать в уличных драках. Пусть он ничего не знал о благородной игре мечей, но тут складывалась банальная поножовщина, поскольку клинок оказался сильно укорочен.

Рыцарь сделал выпад. Улучив момент, более опытный противник поймал его за запястье, ухватил за плечо и переломил его локоть о колено. Кэлпи заверещал и обмяк в по-

луобмороче.

– Благодарю! – выдохнул он.

Бородач ухватил его за плечо и бедро, поднял над головой и швырнул вперед головой оземь. Раздался тошнотворный хруст. Ворон не знал, помер тот или нет, да его это и не волновало. Он крикнул вверх:

– С тобой все в порядке?

– Не задавай глупых вопросов! Что случилось с доктором? – откликнулась Венди.

Огненный великан обернулся и поднял факелы, пересекая двор одним шагом. Ворон подобрал меч Ланселота и принялся им размахивать. Огненный великан зажмурился, прикрывая руками глаза. Тут из-за деревьев внезапно выскочила статуя огромного краба и взмахом клешней перерезала ему подколенные сухожилия. Искры, дым и кровь хлынули из великаньей ноги, причем кровь на воздухе вспыхивала. Когда великан упал, к его лицу направился скорпион, а кентавр с луком и стрелой вскочил ему на грудь.

Сын гор слышал выстрел из другого крыла дома, крики и уханье поблизости, однако подбежал к Ланселоту.

Пока он взирал на неподвижное и окровавленное тело, вокруг разлился мягкий теплый свет. Сияние исходило от крыльев сон-лошадки, приземлившейся мягко, словно бабочка.

Серебром прозвенел ее голос:

– Перекинь его мне через спину. Быстро! До рассвета времени едва хватит на молитву, а я должна обогнать врата дня!

Ворон перекинул Ланселота через седло и захлестнул обрывки поводьев вокруг его пояса для страховки.

Затем он взглянул на сияющий клинок в своей руке. Только этот меч может пустить кровь потусторонним гадам. Самый блеск его сводит их с ума.

Лошадка резко сказала:

– Верни меч! Не для тебя сошел он из небесной оружейной, и не воссияет он вновь, пока его хозяин не оправится от ран. Обречешь ли ты этого рыцаря на судьбу несчастного Фрейра – идти в последний бой с пустыми руками?

– Но, гм, я думал, понимаешь, я мог бы положить его на место потом, после...

– Не кради небесное оружие! Я вижу, ты сын своего отца. Это его оружие, ты должен найти, более подходящее твоему племени, прежде чем все кончится.

– Что? Кто? – изумился Ворон. Венди крикнула из окна:

– Ворон! Отдай ей этот меч и давай ко мне! По-моему, сюда идут! К тому же ты не умеешь фехтовать.

Неуклюже и хмуро бородач сунул меч в ножны.

Снова выстрелы, обрывки песен, славящих тьму. Огненный великан поднялся и грузно перевалился спиной вперед через дамбу. Мраморный кентавр запрыгнул на край стены и выпустил ему вслед каменную стрелу.

Ворон на мгновение положил руку на окровавленную спину Ланселота. Он коротко шепнул «прощай», а сон-лошадка уже поднималась в воздух, окруженная коконом света. Слад-

кий освежающий аромат исходил от нее.

Он держит путь в обитель высших благ,
Где смерти нет, где дышат лишь любовью.
Лови мгновенье, купленное кровью,
Лишь этот миг тебе отпустит враг.

– Постой! Не поможешь нам, а? Хотя бы отвези меня наверх, чтобы мне не пришлось лезть по веревке!

Она величественно расправила крылья, и на перьях заиграли серебряные радуги. Легко, словно пушинка, она поднималась, падая от земли вверх. И когда она замахала крыльями и понеслась вверх к тускнеющим звездам, казалось, будто красные лучи зари преследуют ее, хотя она мчалась со скоростью кометы. Лошадка превратилась в звездочку, метнулась к северу в Малый Ковш, мигнула и пропала.

– Ой, Ворон, как красиво! Но он ушел, – всхлипнула Венди. – Он ушел и никогда не вернется! Бедные старушки в Англии опечалятся – та, с котами, и музейная сотрудница, и все! Они будут так по нему скучать...

ГЛАВА 20

«МОЙ ДОМ НА СКУЛЕ СКЕРРИ»

I

Из дома и около него по-прежнему доносился шум боя. Ворон слышал отдаленные щелчки отскакивающих от камня пуль, вопли.

В небе над головой струи красного света пронизывали черные облака, но землю все еще окутывал мрак. До восхода солнца оставалось несколько минут.

– Лезь по веревке! – Венди замахала рукой. – Давай сюда, быстро! Я по тебе соскучилась!

Ворон нагнулся, поднял Лемюэля Уэйлока, перекинул старика через плечо и взялся за веревку.

В этот момент раздался раскатистый громopodobный выстрел: где-то рядом била короткими очередями автоматическая винтовка. Сквозь брешь, проделанную в стене дома великаном, донесся голос Питера:

– Никогда не шарь у людей по карманам, пока не убедишься, что они мертвы, сопляк!

Сердитый крик, новый выстрел, визг, когда он срикоше-

тил. Голос Питера:

– Контролируй цель. Вот так.

Раздался короткий сдержанный залп, затем быстрое-быстрое щелканье, как от пустого оружия.

Снова голос Питера:

– Ну, салага. Ты стрелять собираешься или как? Твои друзья мертвы. Что с тобой? Не так уж легко хладнокровно убить человека, а?

Ворон с Лемюэлем на плече побежал в покой Срединного Сна. Прямо под хорами он обнаружил дверь на этот этаж, ведущую, теоретически, к подножию лестницы, с которой полетел Питер.

Но короткий загнутый коридор за ней оказался увешан резными масками, а за ним открывалась арка в красивую библиотеку с резными полками, где двое тюленей в матросской форме, стоя к Ворону спиной, бросали в камин книги.

Прогремел очередной выстрел.

Ворон оценивающе разглядывал маски на стене. Трагедии и Комедии хмурились и улыбались ему сверху вниз: и Скарамуш, и Колумбина, и Арлекин, и Панталоне, и Пьеро. Лестница должна проходить прямо над головой. Если вообще туда ведет какая-нибудь дверь, она должна находиться...

Он положил ладонь на маску Трагедии. Та шевельнулась под его напором, и дверь открылась. За ней бородач увидел Питера, лежащего на спине среди обломков кресла. Рядом рухнули два тела, одно еще корчилось. Кровь и мозги раз-

брызгались по лестнице и по стенам, пропитывая и безнадежно портя гобелены. Над Питером склонился молодой человек с бритой головой, в кожаной куртке, в каждом ухе по дюжине сережек, золотые цепочки на шее. Он дрожал, пистолет в его руке едва не касался лица калеки.

Не способный встать, Питер с лицом спокойным, словно высеченным из камня, лежал на спине, подняв одну руку и тыча в парня пальцем.

Ворон попытался выхватить пистолет, но старик на плече замедлял его движения.

Юноша опустил на колени, упал на лицо и издал печальный, задушенный, булькающий звук. Затем он перекатился на бок, его вырвало, и Ворон увидел торчащую у него из шеи рукоятку ножа.

– Нелегко убить человека, когда смотришь ему в глаза. – Питер потянулся, ухватил нож за рукоять, слегка шевельнул. Парень издал шумный вздох и перестал двигаться. – Когда сделаешь это достаточное количество раз, становится легче.

Из-под парня толчками, в такт биению сердца, натекала лужа красной крови. Через несколько секунд пульсация угасла, и кровь расплзлась по полу, как слизняк. Ворон с некоторым смутным удивлением узнал запах: так же пахло, когда он убивал в лесу оленя или гризли. В этом было нечто неправильное, нечестное.

Питер вытащил нож, вытер его о куртку парня и сложил.

Получилась пряжка ремня, которую Питер вернул на пояс.

– Ношение скрытого оружия, осел, – со вздохом пробурчал он. – Разве это преступление? Не будь оно скрытое, кто-нибудь увидел бы, где оно есть... – И мучительно пополз через комнату к ближайшему оброненному пулемету.

Ворон стряхнул с себя грезы.

– Питер, – негромко окликнул он, не желая пугать калеку.

– А? Ворон? Я несколько не в форме, приятель.

– Сэлки поблизости. Давай, я тебя понесу.

– Папа? Это мой отец? Какого черта он здесь делает?

Бородач, ни слова не говоря, двинулся вперед. Кресло ремонту не подлежало, а Питер был весь в синяках и в крови. Не ясно чьей. Из курса первой помощи Ворон знал, что раненых нельзя трогать с места, но неподалеку несколько лающих голосов затянули морскую песню.

Он одной рукой поднял Питера и закинул его на правое плечо.

Старый вояка, теперь висящий вверх ногами, бормотал:

– Да уж. Отец, я хотел сказать тебе, я был не прав насчет дома. Понимаешь, ну, это довольно тяжело говорить, но мне очень жаль...

– Он спит, он под заклятием, – прошептал Ворон. – Его душа унесена в Ахерон.

– Ептыть... Мы мрем как мухи, вся семейка, не так ли?

Питер измученно затих. Возможно, его одолели раны или сломило горе.

II

Ворон помнил, что из покоя Срединного Сна в коридор перед хозяйской спальней вела маленькая винтовая лесенка. Однако, когда он вышел в коридор с масками, слабый стон Питера заставил оборотней в библиотеке напрячься и обернуться.

Но к тому моменту бородач находился уже в покое, чьи луны и многолучевые звезды почернели и обуглились. Он отыскал маленькую дверку, ведущую на винтовую лестницу, и как раз закрывал ее за собой, когда услышал, что двое тюленидов вышли из коридора масок, вытаскивая абордажные сабли. Сквозь щель в закрывающейся двери Ворон видел их: один нес горящую книгу, используя ее в качестве факела. За ним шел тюленид повыше, разодетый в кружева и напудренный парик, длинный красный камзол и панталоны до колен. На туфлях у него красовались квадратные пряжки.

Двое тварей впереди натянули на свои черные мохнатые морды белые кожаные капюшоны и внезапно стали выглядеть как нормальные люди: один с усами, а другой косоглазый и рыжеволосый с проседью. Тюлень в длинном красном камзоле ткнул вперед пальцем и пролаял приказ. Они подошли к двери, приближаясь к Ворону.

Сын гор бесшумно поднимался по винтовой лестнице, неся по человеку на каждом плече. За спиной у него скрипнула открывающаяся дверь, затем послышался топот босых ног по деревянным ступеням.

На этой лестнице не было ни площадок, ни выходов – некуда свернуть. Босые шаги раздавались за спиной, к ним присоединился стук тяжелых башмаков.

Затем вверху, за очередным витком, мелькнула полоска света. Здесь обнаружилась открытая дверь, вроде бы запирающаяся на засов с обратной стороны.

Ворон шагнул туда.

Десятки набившихся в коридор тюленидов обернулись и уставились на него. Последовала минутная пауза. Влажные черные глаза с любопытством смотрели на него. Усаженные лица выглядывали из-под треуголок, напудренных париков или бандан. У некоторых имелись кремневые пистолеты, другие запаслись дубинками, абордажными саблями или кофель-нагелями.

Ворон открыл рот.

– Ар, колле-е-еги! Мананнан, тюлений царь, тут, и я – это он! – проорал Ворон со своим жутким русско-грузинским акцентом. – Я говорил, что мы, народ сэлки, хитростью преодолеем барьеры и станем пировать в Большом зале, пока волшебник скребется в окна, умоляя, чтобы его впустили. И так оно и есть!

И он надменно шагнул вперед.

Один или два сэлки переглянулись неуверенно и посторонились. Однако здоровенный тюленид в черном камзоле и треуголке шагнул вперед и потянул из-за пояса кремневый пистолет.

– Кто скажет, что ты Мананнан? Где твои свидетели?

– Всяк невинен, когда улики ненадежны, – произнес Ворон. – Таков наш закон, думается мне, ты знаешь? Где твои свидетели, что я не он, а? – Не дожидаясь ответа, бородач грубо оттер тюленида плечом, оттолкнув его обратно к стене, и заорал: – Посторонись! Прочь с дороги! Кто загородит мне путь, пушу по доске, так и знайте!

С двумя телами на плечах сын гор все же сумел устоять на одной ноге и, подняв ботинок к груди ближайшего тюленида, яростно отпихнуть его в сторону.

Упавший проехался по ковру и сбил с пьедестала очередной бюст.

– Гарн! Это Мананнан, ручаюсь, все в порядке. И силен же он, да.

Другой указал на ожерелье из коричневых листьев, которое Ворон забрал у павшего стрелка в униформе, да и позабыл, что оно на нем надето.

– У него знак. Это друг.

Все больше тюленидов отступали. Между Вороном и дверью с трезубцами по бокам лежал открытый коридор. Два мускулистых пирата пытались вышибить дверь. Деревянные створки покрывали царапины, но Венди явно задвинула за-

сов с другой стороны, а сама дверь была из толстых дубовых досок.

Ворон сделал шаг, потом еще один, затем еще.

Раздался крик:

– Хо-ха! Что вы за дурни! Он не Мананнан, ручаюсь, да и в море он никогда не был! Спорим, ты не можешь сказать, как поднять кормовой кливер!

Бородач ответил:

– Ни на одном из кораблей, на которых я ходил, не бывает кливеров на корме, ты, карась! Чтобы поднять кливер на корабле, примотай его к штагу, прицепи фал к головке паруса и присоедини кливерные полотнища. Не скажу ничего о судах, на которых служил ты, но, если у тебя кливера на корме, думается мне, это многое объясняет.

Тюлениды засмеялись.

Ворон добрался до двери. Осмотрел шрамы и царапины. Он судорожно искал, что бы такое сказать или сделать. Грохот собственного сердца оглушал его. Вес двоих людей на плечах, казалось, становился тяжелее, пока он стоял, измотанный, отчаянно напрягая разом опустевшие мозги.

Тюлениды за спиной продолжали наблюдать за ним.

Кто-то кашлянул. Послышалось нервное шарканье. Ворон медленно обернулся.

– Чья... это... была... идея?.. – Не дожидаясь ответа, он продолжал: – Или мы не сэлки? Мы что, дубасим и налетаем с разбега, как дураки? Вы, дилетанты, отойдите! Посто-

ронись! Быстро!

Они неохотно зашаркали назад. Ворон возвысил голос:

– Венди! Птичка моя! Это я, Ворон! Венди крикнула:

– Я не верю тебе! Ты сэлки! Уходи!

За спиной у Ворона прокатился нервный шепоток. Он слышал, как один тюленид неуверенно прошептал другому: «Это не Мананнан». Слышал шум вынимаемой из ножен абордажной сабли.

Ворон обернулся и подмигнул оборотням.

– Смотрите, что щас будет!

Тот, что пробирался вперед с саблей, отпрянул. Ворон снова обернулся к двери:

– Ты права! Мое имя Вран Вранович, что означает «Ворон, сын Ворона» на твоём языке. Позволь рассказать тебе историю о том, как я получил это имя...

Дверь открылась, и Венди втащила его внутрь, зажав ему рот горячими губами, пока захлопывала дверь. Потеряв равновесие, её муж упал на пол, перегруженный весом Питера и Лемюэля.

В коридоре затопали, в дверь грохнули, но пустой доспех рядом с ней поднял засов и сунул его в скобы.

Тяжелые створки даже не шелохнулись под ударами.

Ворон, крича и ругаясь, пнул дверь ногой. Тюлениды умолкли. Сын гор прогремел:

– Уходите! Я хочу потолковать с моей женушкой наедине, поняли?! А если она немного попищит, вы ж понимаете, я

время от времени ее покусываю и могу казаться грубоватым в любовной игре!

С той стороны двери раздался добродушный хохот. Чей-то голос пролаял:

– Хой, парни, это Мананнан. Кто еще станет говорить такие вещи, а?

Раздались призывы:

– Ура Мананнану! Споем, ребята!

И твари переместились чуть дальше по коридору.

Странные, нечеловеческие голоса грянули:

На земле я человек,
Сэлки средь морей я.
Глубже всех озер и рек
Мой дом на Скуле Скерри!

III

Трое человек стояли на небольшом холме к северу от поместья. Согласно инструкции, они оставили свои автомобили за территорией поместья. Над головой сияли звезды, но приближающаяся заря окрасила облачное небо над морем в смесь черного и кроваво-красного. Впереди, между ними и главным зданием, темнел лесок. Холм был достаточно вы-

сок, и ничто не загоразивало прилепившийся к береговой скале дом. В предрассветных сумерках лес казался шепчущей массой теней. За домом поднимались столбы дыма от горящих садов.

Позади, у подножия холма, собирались раненые. Стоны и проклятия доносились оттуда, где истекающие кровью люди лежали во мраке на одеялах и на собственных пожитках. В траве горели фонари, и двое медиков в черной униформе СВОР разворачивали полевую операционную. Они готовились ампутировать раздавленную ногу небритому мужику в кожаной куртке. Тот верещал и отбивался. Немного влево жрицы в лиловых рясах кружком стояли над несколькими еще теплыми трупами, чьи лица также покрывали сутаны.

Один из троих, седой мужчина с грубым лицом, в черной спортивной куртке поверх делового костюма, держал в руке полевой телефон. На спине куртки красовались буквы: СВОР. Он обратился к остальным:

– Азраил упал в море. Мы понесли тяжелые потери. Я намерен отозвать моих людей и начать отправку раненых в ближайшую больницу. Могу оставить достаточно людей, чтобы оцепить это место...

– Уэнтворт, – негромким шепотом произнес второй, лысый косоглазый старик с заячьей губой, чье изрытое оспой лицо казалось искаженным злорадной усмешкой. На нем была богато украшенная лиловая сутана, а на цепи на шее – перевернутый крест внутри перевернутой пятиконечной звез-

ды. – О, этого я ждал. Вы так гордитесь своими солдатами и ружьями, но что ружья против тварей ночного мира? Почему вы тогда не убегаете? Я должен был стать правой рукой хозяина, а не вы. Когда он вернется...

– Мистер Колдгрейв, – холодно ответил Уэнтворт, – Азраил только что рухнул в океан с высоты несколько сотен метров. Я знаю, что он призрак, но тело в котором он обитает, несомненно, мертво. Если вы двое не захотите передать мне командование над вашими подразделениями, вождя у нас нет. Азраил, может, и жив – если это слово имеет для него какой-то смысл, – но у нас нет инструкций. Нам придется снова отправиться на его поиски. Мои ученые по-прежнему обслуживают камеры сенсорной депривации в Дэнверской лаборатории, а комиссия до сих пор не выяснила, что я делаю с оперативными фондами. Также я получил из приюта новый объект для опытов и могу заставить ее войти в контакт с Азраилом в мире снов.

– Вы насмехаетесь надо мной, – взвизгнул Колдгрейв. – Теперь меня зовут отец Малигнус: я наследник Парацельса. Ваши экспериментальные наркотики и цистерны для сна просто хлам. Мои последователи способны проникать в царство снов одной силой веры, путем медитаций, с помощью открытых в древних рукописях алхимических тайн. Мы останемся грабить Эвернесс. Кто владеет серебряным ключом, тот способен запирает и отпират врата сновидений. Темный мессия – хозяин – не может умереть. Он восстанет

и вознаградит нас за наше терпение и веру.

Третий, со стеклянными глазами, лежал на траве у их ног. Голова его была обрита и покрыта татуировками с изображением орущих лиц, так что дополнительные рты помещались на щеках, а дополнительные глаза – на лбу. В ушах болталось по дюжине сережек. Он дрожал, поглаживая крупнокалиберный револьвер в руке.

– Н-не, мужик. Вы оба дырявые задницы. Мы с этого ничего не поймеем. Мы не выйдем отсюда живыми. Оно идет. Оно надвигается из черноты, из холода, из сонных черных вод на дне моря. Врата откроются, откроются, словно пасти, – и все голодные, понимаете? Как зубы. А потом выйдет ОН. Выйдет. Выйдет и сыграет с миром. А что вы делаете с игрушкой, когда наигрались? Ломаете ее. Ломаете, и мама выбрасывает ее на помойку. Так случилось со мной. Моя жизнь сломана и выброшена. И это случится с вами. И, черт, я буду смеяться и смеяться, когда это случится с вами. И то же случится с хозяином, с человеком-кошмаром, с Азраилом де Грэм. Потому что ОН – всемогущ. И даже Азраил боится ЕГО.

Колдгрейв покосился на молодого человека в татуировках.

– Анджело, ты, подонок обдолбанный, что намерены делать твои животные? Остаться со мной или удрать в Уэнтвортом? Ты даже не соображаешь толком, а?

Анджело поднялся на ноги, размахивая револьвером.

– Я мыслю ясно! Мир свихнулся. Вы двое не знаете, что произойдет с вашими людьми, а? Они видели слишком много. Они видели, как оживают статуи, и шли плечом к плечу с тюленями-людоедами, одетыми в человеческие тела. Да, да: слишком много, слишком много. Вы не знаете, что творится с теми, кто слишком много видел? Отчего, по-вашему, мы не помним, что делали во сне, когда просыпаемся? Вы не знаете о мгле. Мгла надвигается. А там, во мгле, люди – люди, которым мы очень не нравимся.

– Ты имеешь в виду Пендрагона? – уточнил Колдгрейв. – Амнезия взяла его.

– Он вернулся, – возразил Анджело. – Я видел его, когда пребывал под кайфом. Мое сознание может находиться в двух местах одновременно. Это называется наркотическим ясновидением. Вот почему моя банда запомнит все, что происходит здесь сегодня, тогда как ваши люди, солдатики, и ваши, молящиеся дьяволу придурки, поедут на «скорой» в дурдом. Хе. Можете занять мою старую палату.

У Колдгрейва встревожено дернулось лицо. Он сказал:

– Двое из моих людей позапрошлой ночью пропали. Это случилось как раз перед тем, как во сне нам велели встретиться у мальчишкиного дома. Пендрагон, не исключено, жив. Он может преследовать нас.

– Он всего лишь человек, – отмахнулся Уэнтворт.

– Вы дурак и пустомеля, – окрысился Колдгрейв. – Вы что, не знаете, кто такой Пендрагон? Не знаете, чья кровь

течет в его жилах? Не знаете, какую женщину он выкрал у короля эльфов себе в жены? Некоторым из моих людей было видение Инкуанока, где высится базальтовая твердыня заточенного в ней короля, и они знают, кого Оберон заключил в ее несокрушимом куполе, охраняемом птицами шантак. Вы с вашим оборудованием, вашими цистернами сенсорной депривации, с вашей финансируемой государством лабораторией по исследованию сновидений... Вы ничего не знаете.

Уэнтворт проигнорировал его и обратился к Анджело:

– Твою банду порежут на кусочки. Ты собираешься отойти вместе с моими и обложить поместье? Любовной атакой дом не взять. По крайней мере, без Азраила.

Анджело фыркнул и плюхнулся обратно на траву. Он безразлично пожал плечами:

– Парень, они животные. Как этот сказал. Я не могу отозвать их, когда у них приход. Я накачал их перед тем, как отправить туда. Поразительные вещи можно делать с людьми, если они тебе доверяют, при помощи правильной комбинации химикатов. Они не чувствуют боли.

– Тогда берите своих людей, Уэнтворт, и уходите, – сказал Колдгрейв. – Темный мессия услышит о вашем вероломстве, когда вернется во славе.

Уэнтворт нахмурился.

– Нам надо связаться с некромантом. Я могу позвонить в Неваду и велеть своей сон-команде подвергнуться...

Анджело рассмеялся над ним.

– Вы идиот. Вы что, не понимаете, где находитесь? Это ж Эвернесс. Это место, как я, – наполовину спит, наполовину бодрствует. И бодрствует, и спит, и не надо быть нелюдем-полукровкой, чтобы всякое тут увидеть! Хотите поговорить с Кощеем? С костяным человеком? Смотрите! Смотрите! Вон он!

Когда Анджело указал, двое других разглядели внизу, у подножия холма, где жрицы Колдгрейва присматривали за мертвыми, сгусток черной мглы, закованный в доспехи из человеческих костей, в короне из мертвых рук. Существо медленно и бесшумно кралось вокруг жриц, словно ища проход внутрь их круга. За высокой и тощей черной тварью шлейфом ползли сотканые из тьмы одеяния. Даже в сумерках трудно было не заметить такую своеобразную фигуру. И все же каким-то образом, пока накачанный наркотиками Анджело не ткнул пальцем, ни Уэнтворт, ни Колдгрейв призрака не видели.

Существо медленно повернуло к ним узкий череп, в глазницах у него звездами светились две крохотные точки холодного света. Оно подняло узкую длиннопалую руку ладонью внутрь и поманило их к себе.

Уэнтворт сказал Колдгрейву:

– Придется скормить ему несколько ваших людей. – Он указал на лежащие на траве трупы. – Иначе он не станет говорить с нами.

Колдгрейв ухмыльнулся ему.

– Не важно, что скажет некромант, мы продолжим наступление. Неужели для хозяина не найдется нового пустого тела?

И он двинулся вниз с холма на поклон к Кощею.

IV

У Анджело стучали зубы, и он обхватил себя руками, словно пытаясь удержать какую-то внутреннюю боль или голод, пожирающие его. Сфокусировав один глаз на Уэнтворте, чтобы отвлечься от лихорадки, он медленно произнес:

– Ему нужно, чтобы кто-то говорил, будто все его мерзкие, гнусные, мелкие привычки – это хорошо. И никакая религия ему этого не скажет, поэтому он молится дьяволу, а чародей говорит ему то, что он хочет слышать. Я – тоже понятно. У меня ничего нет, мне нечего терять. Когда мне снится человек в сделанной из крючьев окровавленной клетке и велит куда-то пойти и что-то сделать, почему нет? Я иду и делаю, а сны говорят мне, как добыть денег на наркотики и оружие. Но вы-то... У вас есть все. Богатство, хорошая работа. Люди встречают вас аплодисментами. Вы – я не понимаю.

Уэнтворт сказал:

– Этого недостаточно.

– Чего недостаточно?

– Этой страны. Этой жизни. Образа жизни в наши дни.

– Мы живем очень хорошо. По сравнению... не знаю... с Кубой. Даже у меня есть мобильник.

– Живи Наполеон сегодня в Америке, кем бы, по-вашему, он стал? Чьим-то наемным служащим? Политик – всего лишь наемный служащий избирателей. А пресса – как сварливая жена, мегера, с которой он не может развестись и которую должен постоянно ублаговывать. Военная верхушка работает на политиков. Богатые, если вдуматься, на самом деле работают на налоговиков. Всяк кому-то кланяется. И этого недостаточно.

– А чего будет достаточно? – спросил Анджело. – В смысле, для такого человека, как вы. Ну, разве у вас не все есть?

Уэнтворт холодно взглянул на него и издал короткий резкий смешок.

– Анджело, ты веришь в демократию? Я – нет. Чернь, которая кусает руку, что ее кормит, плюет на воина, который ее защищает, – вот и вся демократия. Это неестественно. Во вселенной должен быть порядок. Лучшие должны править, а остальные – повиноваться. В этом отношении я очень старомоден. – Он поднес к глазам бинокль и просканировал дом в отдалении. – В доме есть дверь. Дверь в иной мир. Мир больше нашего. Темнее. Старше. Иррациональнее. В том мире есть существа, что алчут этого мира. Существа, что некогда правили здесь. И люди были беспомощными игрушками в их руках. Я в свое время работал на... назовем это организаци-

ей... которая знала о таких существах. Но людям, на которых я работал, не хватало воображения. Они почли за лучшее не пускать тот мир к нам. Но я, я обнаружил здесь существенный потенциал. Потенциал для великих свершений. Врата Эвернесса охранял лишь один старик. Сэлки проскользнули мимо него – горстка, меньше дюжины. Я нашел их. Они обладали полезными для меня талантами. И они рассказали мне об Азраиле.

Уэнтворт опустил бинокль.

– Я тоже одного нашел, – кивнул Анджело. – Тюленида. Он сожрал моего соседа по комнате. Им нравятся люди вроде меня – люди, по которым никто не станет скучать. Нарасказывал мне всякого. Про НЕГО рассказал. Знаете, я один раз ЕГО видел. Когда я был не в себе, еще в учреждении. Когда ОН поднимется из бездны, никакой награды вам не будет. Только боль, бесконечная боль, боль без смерти.

– Чародей утверждает, он готовит дорогу для короля, для того, что приведет этот мир в порядок, – возразил Уэнтворт. – Достаточно сильного и способного защитить нас от других существ ночного мира. Я намерен устроиться при этом новом порядке на наилучших условиях. – Он снова поднял бинокль, отворачиваясь от Анджело. – Я рожден придворным. В этом маленьком мире, среди этих глупых людей мне нет места.

– А что, если чародей лжет, так же как вы лжете своим людям? Вдруг он умер?

– Что ж, тогда упомянутая дверь послужит мне запасным выходом, не так ли? И как только она станет моей... Я хотел сказать, как только она станет нашей, разумеется...

– Вы собираетесь убить нас обоих, как только вам представится шанс, верно? Сатаниста и меня, да? – констатировал Анджело.

Уэнтворт не потрудился ему возразить.

V

– У-у-у-ухххх... отвратительно. Где я, черт подери?

– Лежите смирно, Питер, – донесся голос Ворона. – У вас в плече застряла пуля, но кость не задета. Я нашел спрятанную под кроватью сумку доктора Ланселота, теперь прочищаю и перевязываю рану. Давление у вас постоянное. Оно бы падало, если бы имелось обширное внутреннее кровотечение, верно?

– Сопляк пользовался двадцать вторым калибром, подлые крохотные пульки. Эй, уберите свет от глаз!

– У вас черепная травма, но зрачки реагируют нормально.

Питер поднялся, опираясь на локти, увидел лежащего рядом на кровати отца.

– Что это за шум?

– Привет! – Венди, стоя за спиной у мужа, энергично ма-

хала рукой и улыбалась.

– Лежите! – велел бородач. – Статуи ожили и сражаются. Азраил де Грэй упал в море. Вы нездоровы. Лежите!

Из-за главных дверей доносился шум, лающий смех, песни, в которых восхвалялись кошмары, тьма и боль. Судя по звукам, к первой группе тюленидов присоединилась вторая.

– Иисусе! А это что за чертовщина? – Питер уставился в восточные окна, и голос его дрогнул.

Стоя по щиколотку в бурлящих океанских волнах на фоне облаков, теперь тронутых розовым и жемчужно-серым в предвещание скорой зари, высились два силуэта в плащах с капюшонами – громадные, черные и жуткие, выше столбов торнадо. Склонив покрытые капюшонами головы, они смотрели вниз на дом и прибрежные скалы. Женское лицо одного из призраков казалось выкованным из железа, в руках она держала бич. У другого был череп из черной слоновой кости и серп в руках. Они маячили в восточных окнах, такие неестественные и огромные, словно темные созвездия какого-то чуждого зодиака вдруг ожили и шагнули с неба на землю.

– Лежите! Вы нездоровы, – настаивал Ворон. Венди подняла витой жезл из слоновой кости с посеребренным кончиком.

– Это серебряный ключ. Я хотела вас им полечить, но Ворон мне не разрешил. По-моему, он волшебный!

Он заставляет картины в доме разговаривать. Вы знаете,

как он работает? Мы можем их взорвать с его помощью?

– Извините, барышня. Этот день в школе я проспал. Гален, вероятно, мог бы рассказать вам стишок, который и я знал когда-то. Там-да-дам ключ сновидений, там-та-там во-рота бдений, пам-па-пам врата иллюзий... но... Галена больше нет...

– Нет! – воскликнула Венди. – Это был Азраил!

Питер встряхнулся.

– Эта дверь заперта на засов? Хорошо. Справа и слева тоже имеются двери, спрятанные за теми панелями. Вы не можете их запереть, но в смежных комнатах двери крепкие...

– Лежите. Обо всем уже позаботились, – заверил Ворон. – Мы нашли потайные двери. В северном коридоре тоже сэлки, за комнатой с панелями. В южном коридоре получше. Всего один серебряный рыцарь с кровоточащим мечом в коридоре за комнатой с атласами. Думаю, оранжерея в южном крыле сгорела, огонь распространяется медленно. Однако, юг, по-моему, – все же наилучший путь отступления.

– Давайте позовем сон-лошадок и улетим! – предложила Венди.

Питер посмотрел в восточные окна на титанические фигуры в плащах, что неподвижно маячили там выше гор.

– Я не стану лежать, и мы не станем отступать, пока в силах удерживать данную позицию. Я не знаю, что произойдет, если враг займет этот дом, но, по-моему, нечто по-настоящему поганое, типа конца света или вроде того. Имеется труба,

которую нам надо найти и протрубить в нее. Призывает гнев Божий или что-то в этом роде.

– Нет, – сказала Венди, – если подуть в трубу, мир кончится. По-моему, нам лучше вместо этого улететь. Так веселей. Кроме того, Ланселот же улетел. На лошади. Он был мертв, и его забрали вверх, к звездам. – При этих словах голос ее сделался очень печальным.

– Говорите, статуи ожили? – резко спросил Питер. – Это вторая защита Эвернесса. Я только не могу припомнить, какая же последняя. Нам надо разбудить отца. Коснитесь его рогом, Венди! Аполлон, Гиперион, Гелион, День!

– Я ж тебе говорила, он для лечения! – прошептала Венди мужу, наклоняясь и слегка касаясь Лемюэля белым жезлом.

Но старый Уэйлок не проснулся. Ворон показал Питеру маленькую карточку с дедушкиным посланием из Ахерона.

Питер молча прочел. Затем он сказал:

– В центральной ротонде за статуей Аполлона висит лавровый венок. Если мы добудем его и прочитаем стихотворение полностью, это может получить больше силы или вроде того. Потом отправим кого-нибудь в страну золота на поиски.

– Маленькая комната в южном крыле, рядом с драконьим гобеленом? – уточнила Венди. – Я только что оттуда. Никаких магических талисманов не нашла.

Она улыбнулась и пожала плечами.

– А картины?

– Нет. Не то чтобы... В смысле, там были штуки в рамках на стенах, но...

С севера донесся рев, треск, вопль, и через садовую стену перелетели обломки разбитого льва. Из-за угла в расширяющемся пятне инея выскользнул великан – бледная тень в два человеческих роста.

За великаном трусой бежали люди с винтовками, дыхание их превращалось в пар, а воротники были подняты для защиты от холода.

В южных окнах плясали отсветы пламени. Из моря с бурлением вырвалось грозное облако шипящего пара, и громадная рука, сжимающая факел, который все еще горел, словно магний, несмотря на длительное погружение в воду, перекинулась через дамбу и подожгла маленькое дерево в изгибе огромного локтя. Над краем стены показалось перекошенное от запредельной ярости лицо, борода и грива словно дым, глаза как угли.

– Снимите картины в золотом покое, заберите лавровый венок со стены за Аполлоном и возвращайтесь сюда, – велел Питер.

– Кто, я? – не понял Ворон.

Едва заметное отвращение промелькнуло в глазах Питера:

– Ладно, приятель. Кого бы ты хотел послать вместо себя?

– Я пойду! – встряла Венди.

Бородача только начало отпускать напряжение в шее и плечах. Теперь все снова скрутило узлом, и он чувствовал,

как пульсирует в висках кровь. Странное дело: пока ему угрожала непосредственная опасность, страх совершенно не беспокоил его, но появился теперь, когда представилась секунда перевести дух и подумать об этом.

– Разумеется, пойду я, – кивнул Ворон, делая глубокий вдох и выпрямляясь.

– Я тоже хочу! У меня волшебная палочка! – воскликнула Венди.

Муж взял ее за руки со словами:

– Жена, я прошу тебя – ради меня... К тому же ты нужна Питеру. Я умею передвигаться в темноте бесшумно, как волк, ты же знаешь, и тюлениды принимают меня за своего царя. Сейчас не время для тебя.

– Но что, если тебя ранят!

– Мой дом. Мое слово, – отрезал Питер. – Он идет. Ты остаешься. Усекли? Нет времени спорить.

– Это самая большая чушь, которую мне доводилось слышать в жизни! Если вы думаете, что вы такие мачо...

– Заткнитесь, барышня! – прикрикнул на нее Питер. Затем холодно продолжал: – Я вынужден признать, что сегодня утром не в состоянии продолжать бой. Физически не в состоянии, улавливаете? Я не люблю признавать такие вещи. Если у вас недостаточно мужества, чтобы признать это, у вас его недостаточно и для этого задания. Хорошо? Используйте мозги, а не самолюбие. Идет?

Венди надулась, но кивнула. Она печально повернулась к

мужу, встала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

– Но я буду по тебе скучать!

– Больше никогда не разговаривайте так с моей женой, слышите? – сказал Ворон Питеру.

– Можешь потом съездить мне по морде, – ответил старый вояка. – Но сначала передай сюда одно из тех ружей. Нет, большой карабин.

Затем, обращаясь к супруге, бородач пообещал:

– Я вернусь.

Он старался говорить убедительно. Но в его голосе слышались только печаль и страх.

ГЛАВА 21

КНЯЗЬ СВЕТА

I

Венди подоткнула одеяла обоим Уэйлокам. Затем удостоверилась, что у калеки хватает пуль для пистолета, перезарядила винтовки магазинами, которые нашла у него в карманах рубашки. Она аккуратно сложила рубашку, водрузила ее на стул и только-только начала рассказывать Питеру о своем отце и о том, какие чудесные вещи умеет делать Ворон, как услышала крик мужа. Звук шел через южные окна.

Венди, не чуя ног, пронеслась по комнате, увешанной картами, глобусами Земли и Марса, Венеры и Мидгарда. Центральная колонна имела форму высокого обнаженного человека с мукой на лице, держащего на плечах потолок, руки его распростерлись вдоль поперечной балки. Между картами Плутона и горы Чистилища в стене имелась потайная дверь.

Хотя Питер кричал ей, чтобы она этого не делала, Венди сняла засов, приоткрыла дверь и выглянула.

Тонкие щупальца дыма плыли по коридору на уровне гру-

ди, а отсветы пламени скакали и метались за дымчатыми стеклами окон, отчего изображенные на них пери, ангелы и светлые альвы извивались в странном танце.

В дальнем углу коридора совершенно нормальный на вид рыцарь в серебряном доспехе тихонько плакал, спрятав лицо в ладонях. Однако, заслышав доносящиеся из-за угла вопли Ворона, он поднял щит с изображением покрытого оспой лица и выхватил меч, с которого капала черная кровь и хлопья гноя.

Из-за угла выбежали двое в лиловых сутанах. Впереди несся Ворон с сумкой на плече и пистолетом в руке. Ряса оказалась ему не только коротка, но и (Венди разглядела, когда муж повернулся спиной) лопнула по центральному шву из-за ширины Вороновых плеч. Второго человека Венди раньше не видела. Он был светловолос, мускулист, с квадратным подбородком, а в руках держал копье и щит – слегка пыльные, словно их сорвали с какой-то стены. На щите красовался крылатый конь, встающий на дыбы над скрещенными ключами.

За спиной у людей из-за угла доносился рев, складывавшийся из глумливых окриков, лая, смеха и обрывков злых песен.

Бородач вскинул пистолет. Грохнул выстрел. Из-за угла донесся ответный взрыв, затем послышались лающие крики и нарастающий топот множества бегущих ног.

Блондин закричал:

– Русский! У нас впереди проблема!

– Ворон! – взвизгнула Венди.

Серебряный рыцарь возгласил печальным голосом:

– Жизнь всего лишь мука, и вся мудрость – печаль. Сразись со мной! Забвенье ждет!

Ворон заткнул пистолет за пояс и подхватил маленький столик. Стоявшая на нем ваза упала и разбилась.

– Макс, мы сумеем его взять? – спросил он.

– Давай, русский, – ответил блондин. – Он не сможет достать нас обоих. Куда ему с эдакой жаботыкалкой?

Дюжина тюленидов в белой матросской форме и кепках, размахивая абордажными саблями и кофель-нагелями, стремительно выскочила из-за угла. Во главе их несли толстый белый человек с тюленьей мордой, одетый в красный камзол. В одной руке он сжимал дымящийся кремневый пистолет. Оборотень принял стойку и поднял другую руку, в которой тоже оказался пистолет. По обе стороны от него тюлениды расступились, словно волны.

Ворон с товарищем с воплями бросились на рыцаря. Блондин ткнул копьем, а сын гор одной рукой, словно дубину, обрушил столик на противника. Тот легким движением, приобретаемым долгой практикой, отбил столик щитом, отвел наконечник копья, шагнул внутрь защиты блондина и вонзил ему острие меча в центр груди.

Кэлпи выдернул клинок и развернулся к Ворону. Тот поднял столик как щит, но он разлетелся под ударом меча, и

бородач упал с перерезанной и кровоточащей рукой. Венди слышала треск, когда у мужа сломалась рука. В ту же секунду капитан тюленидов выстрелил из пистолета, целясь беглецу в затылок. Но поскольку раненый падал, пуля угодила в голову рыцарю.

Отброшенный ударом пули, он лежал, согнув шею под невозможным углом. Капитан-тюлень исчез в облаке дыма от черного пороха, а кэлпи постепенно растворялся в море крови, фонтаном бьющей из отвратительных останков его лица.

Тюлени-матросы, притормозившие, пока их предводитель стрелял, теперь бросились вперед.

Ворон швырнул сумку Венди, схватил за руку упавшего блондина и побежал вперед неуклюжими скачками. Его сломанная рука болталась, как тряпка, лицо блестело от пота, глаза сверкали яростной решимостью.

Венди кинула сумку в дверь за спиной, в другую комнату, где лежал Питер, и указала костяным жезлом на поддерживающую потолок статую.

– Именем рога Белого Оленя повелеваю тебе: проснись! Спаси моего мужа!

Ворон ввалился в дверь, все еще таща за собой блондина. Тюлени-матросы, наступающие ему на пятки, подняли абордажные сабли и засмеялись. И тогда высокая статуя зашевелилась, ожила и медленным широким движением плеч начала с треском вынимать конек крыши из пазов, снимая стонущий потолок с рамы.

Оборотни на мгновение замерли в ужасе, глядя вверх. Венди бросилась к мужу, схватила его за сутану и попыталась рывком поставить на ноги. Ворон с трудом поднялся, потянул товарища за руку, заковылял вперед и упал через дверь в спальню.

Вопль страха и ужаса вырвался у него, когда он увидел, что тащит всего лишь гнилой обрубок руки – почерневший, покрытый волдырями и воняющий жуткой болезнью. Приступ отвращения заставил Ворона отбросить его прочь.

Тюлениды колебались, не спуская глаз со скрипящего потолка и оцепенев от ужаса. Один с остановившимся взглядом произнес мертвенным голосом:

– Ладно, ребята, у меня есть план...

Статуя сняла потолок и обрушила его на толпу оборотней. Зал карт исчез в лавине кирпича и камней, а стулья и диваны из комнаты выше этажом рухнули вниз в туче пыли. Дверной проем заполнился упавшими балками и кирпичом, и поток обломков хлынул в спальню.

Ворон, шатаясь, поднялся. В глазах его плескалось безумие:

– Венди! Венди! Святой боже!

– Спокойно, приятель, – окликнул его Питер. – Она рядом с тобой. Эй! Не надо!

Они бросились друг другу в объятия, затем отпрыгнули, и Ворон с воплем рухнул на пол, стискивая покалеченную руку.

– Венди! – рывкнул Питер. – Помоги ему добраться сюда, где мы сможем осмотреть руку. По-моему, у этих ребят мечи отравленные.

– Но у Ворона прививка от оспы, – заметила Венди.

– Кто знает? Может, это спасло ему... э... жизнь. Давай опять аптечку доктора Ланселота. – Затем, минутой спустя: – Черт. Перелом есть, да. Однако чистый. Я дам тебе немного морфина, чтобы приглушить боль, пока я буду вправлять кость. От этого на тебя нападет сонливость, но спать нельзя. Венди, подготовьте материал, потом наложим шину. Держись за столбик кровати. Хорошо. Готов?

Ворон выгнулся от боли, лицо у него побелело, на шее под бородой выступили жилы, но он не закричал.

Венди так замутило, что она не могла ни говорить, ни шевельнуться. Наблюдать мучения мужа оказалось страшнее всего, что когда-либо приключалось с ней.

– Добыл? – спросил Питер.

Бородач кивнул на сумку. Она открылась, и содержимое высыпалось на пол. Куча состояла из банкнот в рамках: аверс и реверс однодолларовых, двухдолларовых, десяток, двадцаток и так далее – и россыпи монет. Кое-где стекло побилось. Поверх кучи лежал венок из лавровых листьев, перевитый золотой лентой, чудесно невредимый. Питер махнул рукой.

– Венди, возьми венок и надень отцу на голову. И... Эй, а что это был за парень, Ворон?

– Макс. Не знаю его фамилии. Я взял его в плен, а он вза-

мен согласился мне помочь. Мы были вместе не более пяти минут. Он был хорошим другом, у него было забавное чувство юмора и улыбка. Хороший друг...

В этот момент за главными дверьми раздался громкий крик:

– Навались, парни! Веселей! Хей-хо! – И грохот, затем еще.

Но тяжелые створки даже не дрогнули на петлях.

Питер возложил венок отцу на голову, поднял руки, прижав указательные и безымянные пальцы к ладоням, и пропел стих во славу Дафны.

Он выкрикнул последнюю строчку трижды:

– День, Гелиос, Аполлон, Гиперион! Ты лунное безумие смиряешь, Тобой повержен полночи дракон!

А затем он прошептал:

– Папа, пожалуйста, проснись. Черт подери, старик, просыпайся! Я не знаю, что делать!

Послышался очередной удар, а затем вдруг крики, вопли, визг.

Таинственный красный свет цвета нарождающейся зари появился в щели под дверью, и грянули фанфары, арфы и трубы.

Музыка разлилась в воздухе, будто сияние. И к каждому глиссандо арфовых струн прибавлялась новая, более низкая

нота, вплетавшая свой могучий голос в шествие музыки. И каждый раз, когда такая басовая гудящая нота затихала, элки визжали, словно их расстреливали из лука.

Красный цвет стал золотым, пока не показалось, будто за дверью стоит летний полдень. Музыка вознеслась до раскатистого крещендо и смолкла.

Ни звука элки, ни движения за дверью, но теплые, ясные потоки света струились из всех щелей. Свет прогнал из комнаты все тени.

Красивый, низкий, мужественный голос позвал:

– Галл! Ты мой герольд. Возвести мое появление! И прокукарекал петух.

Ворон сказал:

– Что происходит? Почему кочет кричит? Взгляд Питера был прикован к двери. Венди от радости захлопала в ладоши.

– По-моему, происходит что-то хорошее!

Засов вылетел из скоб, двери с грохотом распахнулись. Внутри хлынул свет, густой, теплый и золотой, и в спальне сделалось светло, как днем.

Золотой юноша, ростом выше любого смертного и неопишимо прекрасный, пригнулся и вошел в комнату. Он был слишком высок для человеческих домов, поэтому в дверях опустился на одно колено, положив золотой лук поперек другого. Глаза не выдерживали сияния многолучевой короны. За спиной у гостя на пурпурной перевязи висела лира.

Пол коридора, откуда он явился, покрывали пятна крови,

в стенах и в полу торчали золотые стрелы – и никаких следов сэлки.

Величественная музыка исходила от его фигуры, понимаюсь и опадая в такт его речи, – торжественная или печальная, в соответствии со словами.

– Ты звал, и я пришел. Твой отец лежит во тьме, поглощенный океанской волной, за пределами моего поля зрения, за пределами моей досягаемости, ибо ни один солнечный луч никогда не касался дна самого глубокого из морей. Я не в силах исполнить обещанное и, следовательно, нарушаю свою клятву Эвернессу. Свою вину я намерен искупить следующим образом. Во-первых, отец твой становится все ближе ко мне, ибо Ахерон, ненавистный город, поднимается. Когда солнечный свет снова найдет его душу, я сам отправлюсь ему на помощь, выслав вперед моего сына Асклепия, дабы исцелить всякую боль в доме его тела. Также велю я своей дочери Урании изгнать остатки безумия светом истинного разума. Однако это не более чем исполнение обещанного. Во-вторых, мой дядя Гадес с бабушкой Мойрой стоят в море за вашими стенами. Они вторглись в мои владения. В моих силах отогнать смерть и судьбу от этих берегов дневного мира, но этому есть цена: камни, что поднялись на защиту дома, должны снова заснуть, ибо созвездия прячутся, когда появляется могучее солнце. В-третьих, я могу исцелить вас от ран, полученных вами в битве за честь Эвернесса. Раны более старые я не могу трогать без позволения моего брата

Ареса. Однако и этому есть цена: исцелены будут все из рода Эвернесса, на радость или на горе. Ибо твой предок лежит, истекая кровью, в лоне волн моего дяди Посейдона, и я не могу исцелить тебя без того, чтобы ему тоже не было позволено восстать, поскольку одно и то же солнце светит всем одинаково, в горе и в радости. Таким образом, я отзову или дарую эти блага по вашему желанию, одно или все. Говори теперь. Что скажешь?

И он улыбался Венди, пока говорил. Она улыбнулась в ответ, но спряталась за спину Ворона.

II

Питер оторвал взгляд от сияющей сверхъестественной фигуры, чтобы посмотреть на ужасные безмолвные силуэты над морем.

– Выбора нет. Мы в любом случае проиграем. Мы не можем атаковать двоих темных богов там снаружи, даже при помощи камней. Но как без статуй мы удержим позицию против бандитов, великанов и сэлки?

Ворон заслонял здоровой рукой глаза, но продолжал смотреть, моргая, на неземное лицо, сияющее под короной лучей.

Венди, которая почему-то могла смотреть на богоподоб-

ную фигуру не мигая, шепнула Питеру уголком рта:

– примени талисманы, как я говорила! Жезл Моли обнаруживает сэлки; молот Мьёлльнир уничтожает великанов; лук Бельфана изгоняет кэлпи; кольцо... не уверена, что делает кольцо...

– Если ты сумеешь вспомнить последнюю защиту Эвернесса, может, нам удастся остановить солдат, – обратился к нему Ворон. – Талисманы изгоняют волшебных тварей, понимаешь?

– Он говорил, – припомнила Венди, – что приходящее с восьмым и последним ударами морского колокола – за пределами наших сил. – Она указала в окно.

– Кто так говорил?

– Гален.

Питер вздохнул.

– А как насчет Галена?

И он подумал: правильно ли принимать исцеление, если Азраил тоже восстанет? Согласился бы Гален отдать свою жизнь, дабы уничтожить основателя наверняка? Согласен ли я?

Но сказал он следующее:

– Правильно это или неправильно, думаю, лучшее, что мы можем сделать сейчас, – это принять блага, а времени на обсуждение у нас нет.

Морщась, он повернулся к коленопреклоненной золотой фигуре и крикнул:

– Делай!

Сияющий юноша повернул голову к Венди.

– Давай! Чего ты ждешь? – сказала она.

III

Не успели Питер с Вороном шевельнуться или моргнуть, как Сияющий, по-прежнему опираясь на колено, поднял лук и выстрелил в них обоих.

На середине полета стрелы превратились в потоки света и ударили их обоих теплым и розовым сиянием. У сына гор перестала болеть рука, а вызванное морфином мутное оцепенение прошло, оставив острое и чистое ощущение жизненной энергии, ясность сознания и спокойную силу.

С плеча Питера спали повязки, кусок расплющенного свинца выжало наружу из раны, которая тут же затянулась, оставив маленький шрам.

Ворон поднял обе руки над головой, удивленно и радостно сгибая и поворачивая их.

Сияющий грациозно пересек комнату, перенеся вес на другое колено. Он выпустил в окна три стрелы, и повсюду вокруг разлился солнечный свет.

Бородач подбежал к окну. Розовое сияние, словно сумерки, медленно тускнело над округой. Темные боги погружа-

лись в море, поглощаемые водоворотами, исчезая, словно дурной сон.

Сын гор бросился на колени:

– Светлый ангел! – выкрикнул он. – Я столько не понимаю! Ты должен мне сказать! Не так часто боги спускаются на землю!

– Преклоняй колена не передо мной, но только перед Всевышним, ибо мы оба слуги Добра, ты не меньше, чем я.

– Но ты же бог?

– Поэт вкладывает душу в свою работу; Творец может сделать не меньше. Если святая сила создала все вещи, все вещи святы. В тебе не меньше божественности, чем во мне, хотя в тебе она смешана с более приземленными элементами: страстью, гневом и стыдом, кои ты должен научиться очищать.

– Погоди!..

– Время старше богов и не поднимет свои упавшие песчинки даже ради нас, своих детей. Уже сейчас ласковые оры запрягли моих нетерпеливых коней, и розово-перстая Заря, моя вестница, отперла врата дня. Задавай последний вопрос, но не проси меня пророчествовать тебе.

Ворон открыл рот, но его охватило ужасное чувство: о чем бы он ни спросил, спустя несколько минут, лет или десятилетий после того, как бог уйдет, он придумает гораздо более важный вопрос, который следовало бы задать.

– О чем мне спросить? – взмолился Ворон.

IV

Золотой голос ответил, звеня:

– Спроси, есть ли жизнь после жизни.

– А есть?

– Есть. Здесь ты живешь в краю невежества, и тебе не ведомы цели жизни, ее причины или результаты. Эта страна тьмы предназначена научить тебя мужеству. Потом ты будешь обитать в стране снов, эльфийской земле, где все возможно, стоит лишь пожелать, и глупцы называют ту землю раем. Этот край должен научить благоразумию и сдержанности. Затем откроется край славы, где ты обретешь сотворенные тобой самим миры и собственных детей, чтобы растить их. Это моя страна. Она учит умеренности (чему отец мой, я порой боюсь, никогда не научится, памятуя обстоятельства моего рождения). После этого ты перейдешь в страну справедливости, где всякий вред будет исцелен. Когда добродетели благоразумия, умеренности, мужества и справедливости окажутся укрощены, они отвезут колесницу твоей души обратно в твой дом, поверхностными и лживыми отражениями которого и являются этот мир и три малых неба над ним. Там откроется причина твоего длительного изгнания. Здешняя боль – розга твоего наставника, но высочайший закон запрещает наставнику наносить удары по истинно принадле-

жащему тебе: воле, суждению, согласию. Боль может касаться только одолженных тебе вещей, учебных пособий: твоего тела, собственности, репутации, обязанностей, детей, жены. Эти вещи вернутся обратно к твоим наставникам по окончании срока обучения, и ты не сможешь, уходя, забрать их с собой. Не привязывайся к ним слишком сильно, но с умеренностью, в соответствии с их природой, смертной и подверженной разрушению. Люби добродетель всей душой, согласно ее природе – бессмертной и неуничтожимой. Ты понимаешь, что рассказал я тебе, юный дух, в этой жизни называющий себя Вороном, сыном Ворона?

– Нет! Я ничего не понимаю! – воскликнул Ворон.

– Тогда учти следующее: те, кого ты воображаешь своими врагами, это нарушители границ из страны снов, которая является обителью волшебников. Ты узнаешь, как победить их, когда постигнешь урок своего мира, а не их. И еще имей в виду другое: несмотря на то, что жизнь после смерти есть, грех убийства не прощается.

А затем огромные двери закрылись за Сияющим, и свет его пропал из глаз.

ГЛАВА 22

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАЩИТА ЭВЕРНЕССА

I

Питер отвернулся от сверкающего солнечного бога и не обращал особого внимания на его прочувствованную речь, обращенную к Ворону. Для старого вояки она звучала проповедью в воскресной школе. Когда солнечный бог шагнул в закрывающиеся двери, Питер смотрел прямо в окно и засек момент возвращения Азраила де Грэя.

Красно-черное небо над головой теперь покрылось узлами и завихрениями штормовых облаков, распадающихся на более мелкие тучки, дабы пропустить лучи зари. Земля лежала еще серая, и верхний краешек солнечного диска только-только выглянул из-за моря.

Море вздыбилось мощной волной. Она ударила о скалы на неестественной высоте и перелетела через дамбу клочьями зеленовато-белой пены, окатив сады и фонтан соленой водой.

Когда волна спала, там, где она прошла, на развалинах дамбы стоял Азраил, абсолютно сухой. Нынешнее его одеяние свидетельствовало о недавнем частичном погружении в царство снов, ибо Питер видел его теперь таким, каким Азраил видел себя сам: развевающийся плащ глубокого царственного пурпура, на шее амулеты силы, а в руке посох чародея. Его земная одежда теперь представляла собой черный камзол и штаны, перехваченные красно-белым шелковым поясом.

У Питера кольнуло в сердце, ибо у Азраила по-прежнему было лицо Галена.

– Выше головы! – воскликнул он. – Азраил вернулся. Захлопните ставни! Выглядывать можно в бойницы. Ну? Расскажите мне, что происходит.

Комната снова погрузилась в темноту, поскольку тяжелые деревянные ставни загораживали рассвет.

Ворон подошел к дверям поднять на место тяжелый засов.

– Кэлпи прыгают в море, – доложила Венди. – Да! Я их не виню. Они все становятся черными и противными, и с них капает, если на них попадает солнечный свет. Зато кони хорошеют прямо на глазах. Спорим, кони и есть настоящие кэлпи, а их всадники марионетки или что-то в этом роде. Ух! Ох! Куча людей с винтовками.

– Пригнись! – крикнул Питер. – Эти стены не остановят пулю большого калибра.

– Не волнуйтесь! – воскликнула Венди. – Азраил не раз-

решает им стрелять сюда. Он отдает приказы солдатам. Вот смешно! Он бегаёт взад-вперед, пытаясь одновременно остановить и кэлпи, и бандитов.

– А не могли бы мы убраться, так сказать, с линии огня? – поинтересовался Ворон.

Жена его продолжала прижиматься лицом к крохотной дырочке и тараторила:

– Спорим, он не может себе позволить убить нас. Мы нужны ему, чтобы заполучить серебряный ключ. По-моему, он не может отобрать его просто так. Уупсс! – Она шарахнулась от окна. – Он обернулся и посмотрел наверх прямо мне в глаза. Думаю, я угадала правильно. Боже, ну и противный же он!

– Дай посмотрю, – подошел к амбразуре Ворон. – Ха! Солнечный свет им не на пользу, думается мне. Азраил заставил ледяного тролля выдохнуть большое облако тумана, но солнце горит сквозь него по-прежнему.

– Ворон, оставайся у окна и продолжай держать нас в курсе, – велел Питер. – Венди, подойди сюда с этим магическим жезлом. Так, ага... гм... что нам полагается делать?

Венди подняла банкноту в рамке.

– Это пейзаж. Пейзаж из царства снов. С помощью серебряного ключа мы можем открыть ворота и шагнуть в них, если заснем.

Питер взгляделся в обратную сторону десятидолларовой банкноты, где было нарисовано здание казначейства на пе-

реквестке двух дорог. Люди прогуливались по тротуару, по дороге ехали «форды» модели «Т». Вдали виднелись другие здания, какие-то кусты.

– Масоны вложили свои символы в американские деньги и национальные памятники, когда перебрались сюда из Англии, – проговорил он задумчиво. – Это часть заклития, примененного ими, чтобы оторваться от Британской империи.

– Я этого не знала! – воскликнула Венди.

– Правда? Мне рассказывали в детстве. Я думал, все в курсе. Так как это делается?

– Не представляю, как мы сможем заснуть, когда снаружи такой бедлам, – заметила она. – Кроме того, когда мы проснемся, плохие парни уже доберутся сюда.

– Не беспокойся, – заверил ее Питер, – я могу вырубить вас и разбудить в один момент. Если понадобится. Но мы не станем так делать, не то здесь место. Я пытаюсь вспомнить, какое заклитие лежит на каждой из этих вещей?

– Гален мне рассказал, – оживилась Венди. – Если бросить молот Мьёлльнир, он вернется обратно, и человек должен быть готов выдержать возвратный удар. Чтобы воспользоваться кольцом Нибелунгов, надо отказаться от любви. Если возьмешь жезл Моли, лишишься самых дорогих тебе иллюзий. Лук Бельфана станет служить только гордому, а тщеславный будет повержен. Меч Справедливости может принадлежать только достойному править.

Питер пододвинул к себе банкноты в рамках и монеты.

– Где находятся талисманы?

– Делайте быстро, что вы там собираетесь, – окликнул их Ворон. – По-моему, сейчас произойдет нечто ужасное.

– Что ты видишь? – рявкнул калека.

– Это что-то... в темноте плохо видно... деревья? Башни? Башни встают из моря, сотни и сотни, словно лес. Между ними повсюду натянуты сети, будто паутина, и веревки.

– Ахерон поднимается! – взвизгнула Венди.

Питер сказал:

– Ладно, девочка! Ткни волшебной палочкой в картинку. В люблюю.

– В которую?

– В люблюю! Я не знаю, где эти талисманы, но они наверняка спрятаны где-то в этих картинках. Ворон, подойди сюда и помоги нам разглядеть эти маленькие штучки на банкнотах...

Бородач, сгорбившийся над смотровой щелью, отозвался:

– Погодите! Это не башни!

– Какое облегчение, – заметил Питер.

– Я нашла один! – крикнула Венди.

– Это мачты кораблей. Клиперов с черными парусами. Толпы и толпы кораблей заполняют залив, насколько хватает глаз. А между ними плавают тюлениды-великаны, больше китов, и глаза у них как фонари. Они одеты не так, как другие. На них греческие или египетские доспехи. На дальних еще более древние штуки, старше всего, что я знаю, а сами

они больше островов. По-моему, они из глубин мира...

– Он прямо здесь, на обороте доллара! – зачастила Венди. – Ясно как день! Эти стрелы в когтях у орла, по-видимому, представляют лук Бельфана. Думаю, оливковая ветвь означает жезл Моли.

– На обороте четвертака другое, – заметил Питер, – Орел держит в когтях фашию.

– Что?

– Фашия – это связка прутьев, которую носили римские ликторы.

– Эй. Прутья? Жезл молнии?

– Тыкай, – велел Питер.

– А мне не надо заснуть? – спросила Венди.

– Где угодно, только не в этом доме. Давай.

В коридоре раздался топот ботинок, затем грохот в дверь.

– Откройте! – крикнул хриплый голос – Федеральная полиция!

– Азраил послал огненного и морозного великанов на дом, – доложил Ворон. – Они идут сюда. Святая Катерина! Человек в небе!..

– Открывайте! – крикнул голос за дверью. Питер выкрикнул имя Морфея с целью вырубить людей за дверью, но он не знал их имен и не имел ничего, что бы им принадлежало, поэтому ничего не вышло.

– Как жаль, что я не могу вспомнить, в чем заключается последняя защита Эвернесса. Теперь самое время.

– О боже! – крикнула Венди и повалилась спиной на кровать.

Белоголовый орлан, крупнее любого настоящего, поднялся с листка бумаги – сначала как видение, но постепенно обрел плотность и реальность и, хлопая огромными крыльями, испустил яростный крик. В одной лапе он держал золотой лук с пучком стрел, в другой – тонкий жезл с растущими из него листьями и цветами. В воздухе вокруг него вращались тринадцать точек яркого света, омывая комнату мягким, но пронизывающим сиянием.

Венди, вскочив на ноги, заворковала:

– Ну-ну, птичка! Ну, орлуша! Ну, мальчик! Дай Венди эти штучки! – И протянула руки к жезлу и стрелам.

Но орел вспорхнул под потолок и произнес величественным пронзительным голосом, звучащим как медная труба:

– Разделение властей – наш закон. Знай, эти талисманы служат ревнивым богам и ни одна рука не может держать больше одного! Кто возьмет лук, не может коснуться жезла.

Ворон, не отходивший от смотровой щели, произнес: – По воздуху бежит человек в плаще из грозовых туч. Он держится позади кораблей и дует им в паруса своей волюнкой...

Голоса за дверью орали и требовали открыть. Питер перевел свой пулемет в боевое положение, прищелкнув последнюю обойму.

В этот момент снаружи поднялся ураганный ветер, визжавший все громче и громче, пока вместе с ним не взвыл

весь мир.

Окна перед Вороном вынесло, деревянные ставни слетели с петель, посыпались осколки стекла. Бородач упал, заслоняя руками лицо.

Вся комната содрогалась, как корабль в штормовом море. Снаружи раздавались треск и скрип вырываемых с корнем из земли деревьев.

Край балкона за северными окнами просел, образовав косою пандус. Когда колонны, поддерживавшие восточную часть балкона, обвалились, северо-восточный угол комнаты оторвался и между двумя стенами открылся провал.

Через эту брешь они видели, как разбивается в щепки маленькая декоративная башенка в северном крыле, как золотые тарелки и древние гобелены поднимает ветер из пыли и мешанины досок и уносит прочь. Над обломками башни по небу два сверхъестественных существа рассекали тучи летящими шагами, и каждый шаг их отдавался ударом грома. Один, одетый римским солдатом, колотил мечом по щиту, так что небеса сотрясались от грома. Другой замешивал смерч воем своей волынки, его плащ и килт развевались в обгоняющих его штормовых ветрах, а столб торнадо следовал за музыкой.

Два князя бури бежали по ветрам на восток, гоня перед собой вал грозových облаков в сторону солнца, словно надеялись заглушить наступающий рассвет.

От двери раздался шипящий звук, и из горячей точки рос-

сыпью брызнули искры. Одна из петель начала плавиться. Там применили ацетиленовую горелку.

Дымящиеся лучи зари заволокло облаками, кэлпи возрадовались, а сэлки запели, и тысячи голосов взревели с корабельных палуб.

Морозный великан заскользил по садам, оставляя позади себя увешанные сосульками деревья. В разбитые окна на юге они видели, как сердитый огневик перешагнул садовую стену, подпалив кусты по обе стороны от себя салютом двух своих факелов.

Орел крикнул:

– Выбирайте!

Второй орел, словно сон, проявился в комнате. Он принес в когтях связку прутьев и уронил ее на пол. В середине связки помещался молот, похожий на кузнечный, но с короткой ручкой. Второй орел выкрикнул:

– Только тот, кто готов выдержать удар войны, может поднять этот молот в бою. Кто возьмет его в руку, не должен касаться иных талисманов, ибо военная власть не может быть независима или стоять выше гражданской.

Орлы кричали так громко и пронзительно, что вой урагана не мог их заглушить.

На глазах у Ворона лицо Питера озарилось триумфальным светом надежды. Слов он не слышал, но прочел по губам:

– ... вспомнил... последняя защита Эвернесса!

Горящая петля отвалилась от двери, которая устояла, но затем содрогнулась под могучим ударом боевого тарана.

Питер сгреб Венди за плечо и кричал ей в ухо, указывая на щель в стене. По счастливой случайности или волей судьбы ветры в это мгновение притихли, и Ворон услышал:

– ... укажи на жезл молнии на том скате крыши! Фулграториан! Как страж Эвернесса на эвернесской земле в час нужды я прибегаю к крайнему средству!

Дверь рухнула, и в проломе появились вооруженные люди: и в голубых шлемах и в черной форме – с М-16 в руках, и в лиловых сутанах с охотничьими ружьями. Первые двое вошли в комнату, по привычке или инстинктивно вскинули винтовки и взяли на прицел висящие перед окнами и дверями обмякшие и неподвижные доспехи.

Следующий вскинул охотничье ружье на Ворона, затем отдернул ствол, заметив на противнике лиловую сутану. Взгляд его обшарил Венди и Питера с Лемюэлем: маленькая юная женщина и два старика в постели. Бандит решил, что здесь большой опасности нет, поэтому начал закидывать винтовку за плечо, выкрикивая:

– Темный мессия объявляет этот дом своей территорией!

Поскольку он не двигался вперед, то и люди у него за спиной не могли все сразу войти в комнату. Тяжелая мраморная колонна, использованная ими в качестве тарана, преграждала им дорогу.

Голос позади прокричал:

– На пол! Все арестованы!

– Привет! – улыбнулась Венди. – Разве вы не видите двух гигантских орлов? Вы настроены не замечать странного? Должно быть, это Азраил так сделал, чтобы вы не напугались.

Питер указал правой рукой на окно, а левой на дверь. Двое человек в комнате приняли это за угрожающий жест и вскинули винтовки. Затраченная на это секунда оказалась слишком долгой.

Калека свел руки вместе, так что оба указательных пальца указывали на людей.

Ворон почуял запах озона и ощутил, как волосы на тыльной стороне ладоней встали дыбом. Гудящее напряжение наполнило его уши. Он дал жене подножку, подтянул в падении ее тело под себя и попытался защитить ее руками.

В комнату влетела молния: ослепительный бело-голубой взрыв жуткого света. Ворона на мгновение оглушило и ослепило.

Когда бородач поднял глаза и его зрение прояснилось, он разглядел возле дыры, на месте которой была дверь, дымящиеся и корчащиеся трупы. Он видел, как по брошенным винтовкам пробегали шипящие искры. Искры жужжали и на дверных петлях, металлических пуговицах и пряжках. Напряжение висело в воздухе, как аура силы, окружающая пульсирующую динамо-машину.

Среди догорающих остатков двери, как в раме, стояло

сверхъестественное существо. Оно походило на человека в длинном черном сюртуке с шелковым кружевным платком на шее. Лицо его казалось жестким пересечением углов: высокие скулы, тонкий нос, узкий подбородок. Длинные темные волосы стояли вокруг лица дыбом и извивались, словно живые.

В затянутой в черную перчатку руке мерцало копьё. Когда он оглянулся через плечо и улыбнулся, Ворон увидел, что в глазах у пришельца горит электричество. Искры плясали между верхними и нижними зубами, так что на секунду показалось, будто у него клыки.

Существо обернулось, улыбнулось, повернулось обратно и метнуло копьё вдоль по коридору вслед убегающим людям. Некоторые кричали, пытаясь сдаться. Там, где ударило копьё, полыхнуло невыносимо-белым огнем. Ворон вовремя отвел глаза.

Сухой нечеловеческий голос произнес:

Я вновь свободен, но на чьей руке кольцо,
Что нибелунгов в себя вобрало рок?
В безумье прелесть есть, но без кольца его
Кто сможет обуздать, когда иссякнет срок?

В вихре черного одеяния существо шагнуло в дымящийся дверной проем вслед за своим оружием. При движении повелитель молнии издавал шипящий шелест, и Ворон слышал, как он хихикнул.

Сын гор, отвесив челюсть, обернулся к Питеру.

– Почему вы, люди Эвернесса, не правите миром, если умеете делать такие вещи?

Старый вояка проворчал:

– Думаю, некогда так оно и было. Потом надоело или еще что. Я не знаю.

II

Венди поцеловала мужа.

– Ты вставать собираешься?! Ты же меня расплющишь!

Ворон поднялся.

– Я не слышу ветра снаружи. Это хорошо или плохо?

Два орла уселись на столбиках кровати, три талисмана поблескивали на полу за изголовьем: узкий жезл с живыми цветами, растущими из мертвого стебля; золотой лук с бледными стрелами в белом оперении; огрызок молота с короткой рукоятью и головой из черного железа.

Бородач выглянул в окно. Два великана остановились и уставились в небо. Оба морщились, когда молния ударяла поблизости. Один поднял свою ледяную маску вверх и начал выдыхать туман, второй сунул факел в лужу морской воды, собравшейся на битой черепице. Факел, будучи неугасимым, шипел и плевался, и от воды вверх повалил пар. Оба гиганта

пытались спрятаться.

Армада сэлки разом притихла. На воду спустили несколько заполненных матросами шлюпок, но теперь на веслах сидели тюлениды, нервно и лукаво посмеиваясь, подначивая друг друга первыми выйти на берег. Рыцари-кэлпи глядели вверх с мрачной решимостью или опускали головы в позе благородной скорби.

– Смотрите! – воскликнула Венди.

На вершине центральной башни раскачивалась молния. Она протянулась от Эвернесса к черным облакам наверху – потрескивающая струна энергии, которая мерцала, плясала, ветвилась множеством рук и побегов, сплетенных в узкий луч.

Вдалеке зазвонил церковный колокол, и Венди представилась изящная старинная церквушка в Новой Англии, обшитая белой вагонкой, увитая плющом, где-нибудь на зеленом холме с видом на тихую бухту неподалеку.

При звуке церковных колоколов сэлки принялись скулить и скрежетать зубами, зажимая уши. Рыцари-кэлпи все склонили головы, исполненные раскаяния, и их красивые черты начали проседать и таять, превращаясь в покрытые волдырями и обезображенные болезнями маски ужаса. Смесь тумана и пара от великанов становилась гуще, окутывая всю местность.

– Это епископальная церковь в Норт-Пойнте, – сообразил Питер. – В это время у них заутреня.

Ворон спросил:

– Мы побеждаем?

ГЛАВА 23

ЖЕЗЛ МОЛИ

I

Ворон, глядя наружу в растущем свете на кошмарную армаду, на толпу больных рыцарей-кэлпи, на великанов, укутавшихся в туман и дым, вспоминал слова солнечного бога, что эти твари из мира снов, мира волшебников. Лоб у него покрылся морщинами от удивления и мрачных мыслей.

А вот и сам волшебник, Азраил де Грэй, – стоит на поваленных камнях сломанной дамбы, одеяние и плащ развеваются в рассветном ветре.

Чародей коснулся ожерелья, поцеловал пальцы и указал на север, в ту сторону, откуда доносился перезвон церковных колоколов.

Колокола смолкли.

По войску прокатилось оживление, слышались окрики и смех.

Но через несколько секунд церковные колокола зазвонили опять, а насмешливые крики превратились в вопли и проклятия и угасли в мрачном молчании.

Азраил направил посох на морозного великана и произнес какую-то команду, которой Ворон не расслышал.

Чудовище подняло огромную руку и отрицательно помотало безликой головой.

Один из стоявших за великаном людей поднял винтовку в салюте:

– Хозяин, пошлите нас! Мы их заткнем!

Азраил наставил свой посох на говорившего и махнул на север. Человек крикнул своим товарищам, и несколько человек в лиловых сутанах трусцой скрылись из глаз за северным крылом.

Ворон сказал Питеру:

– Солнце вредит кэлпи больше, чем другим чудовищам. Кому вредят церковные колокола?

– Князьям бури. Церковные колокола прогоняют шторма. Заметили, как тихо стало? Надеюсь, пойдет дождь. Огонь в южном крыле, кажется, не распространяется, может, они сами выгорят...

– Он посылает в церковь солдат. Он просил великана, но великан отказался.

Вдалеке забормотал двигатель, машина поехала по дороге на север.

Снаружи Азраил взмахнул посохом. Предводитель рыцарей-кэлпи, в том же доспехе и с тем же щитом, что и убивший Ланселота, отсалютовал кровоточащим мечом. Воины уселись на своих скакунов и потрусили шеренгами с края

прибрежной скалы. Каждый передний ряд в свою очередь как безумный бросался в море вниз. Венди заметила, какими красивыми и сильными выглядели теперь кони, арабские скакуны чистейших кровей, казавшиеся такими большими в свете факелов.

Облака, загораживавшие рассвет, начали расходиться, и красные лучи хлынули в разрывы, яркие и живые на фоне темнеющего неба. Наверху не было заметно ни следа двух князей бури.

– Хотел бы я знать, что он затевает, – произнес Питер. – Пока над домом молния, атаковать он не станет, это ясно.

– А князья бури не могут воевать друг с другом? – спросила Венди.

Питер взглянул на Ворона.

– Она права. Когда его бандиты перебьют людей в церкви, он получит своих князей бури обратно, и они набросятся на нашего.

– Давайте применим магические талисманы! – предложила Венди.

Ее муж указал на окна:

– Надо отогнать их флот, прежде чем солдаты остановят церковные колокола. Церковь предупредить никак нельзя? Телефона нет?

Питер покачал головой.

– Вот одна из вещей, за которые я всегда ненавижу это место.

Венди топнула ногой и воскликнула:

– А как насчет магии?! Давайте воспользуемся талисманами!

Калека сел на кровати, руками перекинул ноги вниз и пристроился на краю, опираясь на изголовье, разглядывая лежащие на полу талисманы.

– Я возьму молот, – проворчал он. – С этим заклятием я уж как-нибудь справлюсь. Ударить у меня всегда получалось не хуже, чем принять удар.

– Заклятие именно это и означает? – недоверчиво поинтересовался Ворон. – Эти сказочные штуки иногда такие хитрые, знаете ли.

– Венди? Ты у нас эксперт по сказочному материалу, – переадресовал вопрос Питер.

Когда она улыбалась, на щеках у нее появлялись ямочки.

– Питер, вы должны взять молот, поскольку вы воин. Ворон, ты должен взять лук и стрелы, поскольку ты охотник и ты не тщеславен и не слишком горд.

– Кэлпи уходит, – отметил ее муж. – Вы слышали, что сказал князь бури? Один из нас должен взять кольцо, как его там?

– Нибелунгов, – подсказал Питер.

– Один из нас должен взять кольцо Нибелунгов, или мы не сумеем обуздать князя бури, когда все кончится.

– А я возьму жезл Моли по причине моей невинности. – И Венди захлопала ресницами.

Холодный ужас коснулся сердца Ворона. Питер тем временем рассматривал молот. Наконец он сказал:

– Каждый солдат, стоящий на пути зла, готов получить рану или даже умереть ради возможности нанести врагу удар.

Пока он говорил, его голос, в котором поначалу слышалась нотка неуверенности, наливался решимостью. Недрогнувшей рукой, но осторожно и с уважением, словно огнестрельное оружие, поднял он могучий молот.

Питер смотрел во все глаза. Больше всего талисман походил на кузнечный инструмент, за исключением более короткой рукояти. И чувствовалось, что он сбалансирован для метания. Предмет, казалось, пульсировал в ладони и был теплым на ощупь.

– Эта зараза живая! – прошептал старый вояка. Один из орлов прокричал:

– Встаньте на защиту небесного света и сокрушите яростных и угрюмых великанов, коим этот свет внушает страх и трепет! Клянись не использовать его для темных целей, не откладывать в сторону, не передавать никакому агенту врага, пока не кончится ваша служба или пока Король не вернется и не освободит вас от ваших обязанностей!

Орел склонил голову набок, пристально глядя на Питера желтым глазом.

Тот задал орлу несколько вопросов, но птица молчала. Затем старший Уэйлок отсалютовал орлу молотом и произнес:

– Настоящим клянусь поддерживать и защищать консти-

туцию от всех врагов, внутренних и внешних.

Орел прокричал и исчез. Он не пропал внезапно и не угас постепенно: просто, как бывает с образами из сновидения, стало трудно вспомнить, что он тут был, словно дымка скрыла его от взгляда и памяти.

– Ух ты! – воскликнула Венди. Она посмотрела на другого орла и помахала рукой. – Можно мне взять жезл Моли?

Ворон шагнул вперед.

– Дорогая! Не прикасайся к этому жезлу!

– Почему?

– Я... я... я не знаю, как это сказать, но, я думаю, ты станешь очень несчастна, если коснешься его! Не забывай, он же заклятый!

– Ой, правда? Вы утверждаете, что у меня имеются дорогие сердцу иллюзии, мистер Ворон, сын Ворона? Наверное, вы полагаете, что у меня галлюцинации! – И она фыркнула от смеха.

Питер поднял глаза от молота у себя на коленях.

– Эй, может быть, жезл возьмет кто-нибудь еще, а? Кто-нибудь уже ожесточившийся и циничный. Разочарованный. А не славное маленькое создание вроде вас.

Венди только закатила глаза.

– Ну, давай же! – И она потянулась к нему.

– погоди! – В голосе Ворона появились панические нотки.

– Ну, что еще?

– А если ты перестанешь верить в волшебные сказки, ко-

гда коснешься жезла? Что, если ты перестанешь верить в отца и мать?

Венди хихикнула.

– Ой, Ворон, не будь глупым!

– Нет! Послушай! Не приближайся к этому жезлу! Он заставит тебя потерять родителей! Ты осознаешь, что они никогда не существовали! Ты поймешь, что в детстве никогда не летала! Это был сон! Никогда не висела в воздухе за кухонным окном, чтобы помахать матери! Мамы не было! Это был сон! Чудес не бывает!

Венди выгнула бровь (ее любимое выражение лица).

– И, полагаю, я только вообразила, будто мне стало лучше в больнице? И вчера не произошло чудо? Ты хочешь сказать, что это тоже всего лишь сон? Ха! Некоторые совсем ничего не понимают в жизни!

Сын гор побледнел.

– Ворон? Что такое? Тебе нехорошо? – забеспокоилась жена.

Питер, пытаясь отвлечь ее, произнес:

– Знаешь, Венди, может, он и прав насчет того, чтобы взять кольцо вместо лука и стрел.

Юная женщина хихикнула.

– Но я не собираюсь позволять ему отказаться от любви! Пока он мой муж – ни за что!

– Я подумал о парне по имени Уил. Он бы идеально подошел... Но где среди всех этих денег может быть кольцо?

– Я знаю! – обрадовалась Венди. – Волшебник Франклин поймал молнию бечевкой от летучего змея, говорил Гален. Спорим, он держит кольцо в Зале независимости. Видите, здесь? – Она указала рогом единорога на стодолларовую банкноту в рамочке.

Питер шепнул Ворону:

– Что нам делать, приятель? Никто не может воспользоваться двумя талисманами, таковы правила. Жезл нужен нам, чтобы побить сэлки. А взять его может только невинная душа. Ты невинен? Уверен как черт, что это не так. А искать еще кого-то нет времени.

Ворон посмотрел в окна. Армии Азраила подтягивались стройными рядами. Подавляющее большинство составляли сэлки.

– Я знаю, о чем ты думаешь, парень. Пусть сначала разнесут дом, а? Но этого не случится. Послушай, ты сможешь любить свою жену так же сильно, как сейчас, когда она станет нормальной...

Бородач послал Питеру мрачный взгляд.

– Она зачахнет и умрет без своих фантазий. Сделать ее жестче? Обыкновеннее? Без любви и восторга? Я бы скорее убил, чем позволил... – И тут он поперхнулся, сообразив, что говорит.

Когда Ворон отошел поговорить с Питером, Венди шмыгнула к сидящему на столбике кровати орлу и прошептала ему несколько слов.

Мужчины вздрогнули, когда орел выкрикнул:

– Это так!

– Видите! – зашебетала Венди. – Орел говорил, что все будет в порядке. Не тряситесь вы так. Кроме того, кто сказал, что мужчины имеют право голоса?

И прежде, чем кто-то успел ее остановить, она взяла жезл Моли.

– Венди! – заорал Ворон. – Брось!

Он метнулся вокруг кровати к ней. Она что-то говорила орлу, чего охотник не расслышал, закончила словом: «... обещаю».

Свет потускнел. Второй орел, окруженный венком из звезд, пропал.

Ворон схватил жену за плечи.

– Венди! Говорил я тебе не...

– Отпусти меня, глупый! Со мной все в порядке! И я по-прежнему помню родителей, и по-прежнему верю в фей, и по-прежнему верю в чудеса...

Голос ее умолк.

Он отпустил ее плечи и попятился, зажав рот тыльной стороной ладони. Глаза его наполнялись страхом.

– Нет... – простонал он.

Выражение мудрости, памяти, мысли хлынуло в синие глаза Венди, и они стали похожи на глубокие озера чистой воды. Она заговорила:

– Полагаю, это не было чудом, так? Кошей говорил, что я

могла бы взять жизнь другого человека, если бы согласилась. Но я не согласилась. Видимо, согласился кто-то другой, иначе Кощей не смог бы взять жизнь Азраила у Галена из рук и вложить ее в тело Галена. Галена притянуло ко мне, потому что во мне была его жизнь, не так ли? Ты сказал Питеру, что его сын мертв. С чего бы тебе говорить такие вещи?

Она настойчиво смотрела на своего мужа.

– Это не я... – сказал Ворон. – Я не знал, что получится.

Глупец! Тогда почему ты это сделал?

Он ничего не ответил.

– Мой папа говорит, что сильные люди в состоянии признаться в своих поступках. Знаешь, я всегда хвасталась, какой ты сильный.

Ворон молчал. Пронизывающая холодная боль в сердце, позабытая на время, теперь леденила его.

– Ты ничего не хочешь мне сказать, Вран Вранович? – В голосе Венди послышались четкие металлические нотки.

– Какого черта тут происходит? – не понял Питер. – О чем она, черт подери, толкует?

Ворон умоляюще произнес:

– Ты умирала!

Она пожала плечами.

– Сначала я боялась. Потом справилась с этим. Почему ты не смог? Не смог быть храбрым? Ради меня?

– Но ты же умирала!

– Ты как заезженная пластинка. Но я хотя бы никого не

убила.

– О чем это вы?! Венди! – не выдержал Питер.

– Скажи ему, Ворон. Скажи правду. «Ангелы слышат, когда ты говоришь правду, и дьяволы слышат, когда ты лжешь», – так говорит моя мама. А уж она-то знает.

Но бородач продолжал пятиться, горе и гнев перемешались у него на лице, и он ничего не говорил.

– Венди? – окликнул Питер. Юная женщина негромко произнесла:

– Я думаю, мой муж помог демону убить вашего сына.

Такой взгляд, Ворон знал, видели перед смертью люди, убитые Питером на поле боя.

– Если она говорит правду, Вранович, ты покойник.

– Венди... – Ворон старался, чтобы голос звучал сильно, но из горла вырвался жалкий всхлип. – Я не хотел... Я думал... Он обещал, что это будет незнакомец!

Лицо ее похолодело. Выражение гневной печали и презрения проступило в ее глазах.

– Я сделал это ради тебя! – крикнул он. Презрение уступило место равнодушному безразличию, словно она смотрела на кого-то незнакомого. Церковные колокола умолкли.

II

В это мгновение раздался взрыв, молния и гром, а ветер взвыл так, что Ворон снова сгреб жену в охапку и оттащил подальше от окна, заслоняясь от удара свободной рукой.

Сквозь бреши в стенах виднелись три летящие фигуры с крыльями из грозových облаков. Они падали, взмывали и ныряли, словно дерущиеся ястребы. Ветры, громы и молнии били во все стороны от каждого их движения или взгляда. Вокруг завивались огромные полотнища черных туч, растревоженные воздушной битвой до ураганного гнева.

Бой шел над домом. Улыбающийся и яростный Фулграториан в черном камзоле, как ворон, падал и взлетал, потрясая своим ужасным копьём. Кружевной платок у него на шее казался электрической вспышкой. В визге волюнок и лязге меча о щит его братья неслись к нему через воздушный океан, и их шаги отдавались громом.

Почва, кусты и обломки стены были подняты на воздух. Молния плясала по скученному войску, убивая солдат толпами. Гром ошеломлял и сводил с ума, еще остававшиеся на земле кони-кэлпи встали на дыбы и понесли, топча своих. Тюлениды, солдаты и сброшенные всадники падали под алые от крови копыта.

В следующий момент трое князей бури вихрем умчались вверх, как листья на октябрьском ветру, подброшенные высоко в желто-красное небо. Крохотные фигурки мельтешили в широких просветах между нагромождениями черных облаков, вспышки молнии и дикий грохот следовали за ними

по пятам.

Луч молнии больше не раскачивался на вершине центральной башни. Фулграториан, вероятно, забрал всю свою мощь наверх, дабы сразиться с братьями.

Когда князья бури улетели ввысь, земля внизу снова успокоилась. Войска Азраила пребывали в беспорядке, ибо организованное отступление кэлпи превратилось в хаос, а огненный великан вышел из своего облака дыма и принялся хлестать их факелами, поджигая бегущих лошадей.

Однако подразделения в северной части двора сохранили подобие строя. Здесь находился морозный великан, остатки переодетых солдатами бандитов и бесчисленные толпы десантников-сэлки.

Азраил поднял посох и описал им большой круг: сигнал к наступлению. Тюлениды в человеческом обличье, вооруженные кофель-нагелями, пиками, гарпунами и абордажными саблями, испустили боевой клич и ринулись на дом.

Большая группа взбежала по полуобвалившемуся балкону, словно по пандусу, подбираясь к провалу в стене. Посреди них скользил морозный великан. Оружие лица десантников приходилось ему на уровне пояса, так что казалось, будто он идет среди них вброд. В одной ручище он держал дубину; другая безжизненно свисала. Снег и ледяной дождь от его смертоносного дыхания заполняли воздух перед ним и позади него.

За великаном маршировал в строгом порядке отряд тер-

рористов. Поверх бронежилетов они натянули толстые куртки, воротники подняли; некоторые двигали боевые части своих винтовок руками в перчатках, чтобы металлические детали не примерзали друг к другу.

Венди извернулась в руках мужа и отвесила ему пощечину. Ворон, спотыкаясь, попятился через всю комнату и оказался на развалинах двери.

За спиной у него лукавый ирландский голосок произнес негромко:

– Ты еще не дотумкал, с чего это вдруг твоя красавица столько знает про дом? Откуда бы это?

Один Ворон повернул голову. Питер и Венди пристально смотрели в окна.

Там, где падением балкона оторвало стену, трое офицеров-сэлки в красных камзолах и белых париках вели гогочущую толпу матросов, размахивающих дубинами. Трое офицеров, задрав носы, подняли кремневые пистолеты и выстрелили, их подчиненные тем временем издавали нестройные подбадривающие вопли. Сэлки исчезли за клубами дыма от черного пороха, а плохо нацеленные свинцовые шарики со звоном отскакивали от камня и оставляли щербинки в деревянных частях дома. Воздух взорвался молотобойным громом, когда Питер разрядил обойму пулемета в толпу оборотней. С десятков полегло, остальные шарахнулись назад, некоторые в поисках спасения бросались с высоты третьего этажа. Отчего пули поражали тюленидов, но не действовали ни

на великанов, ни на кэлпи, оставалось неясным.

– Великаны идут! – крикнула Венди.

Питер отбросил пустой ствол в сторону и поднял в руке молот, взвешивая его на ладони, примериваясь...

Ворон поднял глаза. На стропиле восседал в красной шапочке Том О'Лампкин, глаза его сверкали от злобы и ненависти.

– В ее теле жизнь Галена, да-да, помещенная туда тобой самим, ты, убийца. Теперь эта жизнь рвется наружу и говорит ее устами. Она сожрет бедную девочку, и ты станешь дважды убийцей. Но смотри! Здесь американский волшебник, который с помощью знаменитой хитрости янки приручил громовую стрелу!

И правда: призрак Бенджамина Франклина стоял в комнате рядом с Вороном. На носу у него поблескивали бифокальные очки, губы кривила насмешливая улыбка, на голове красовалась дурацкого вида енотовая шапка. На округлый животик из жилетного кармана на цепочке свисало кольцо бледнейшего золота.

Тем временем сэлки в провале с одобрительными воплями подались в стороны. На верхушке наклонного балкона появился морозный великан. Блестя ледяной харей, он с шипением набрал в себя воздуха.

Могучим движением руки Питер послал молот вперед. На руке у него, словно железные узлы, проступили мышцы.

– Возьми кольцо! – прошипел Том О'Лампкин Ворону. –

Откажись от любви госпожи! Ты все равно ее не стоишь!

Череп великана взорвался брызгами льда, мозгов и бледно-голубого ихора. Громадное тело опрокинулось навзничь, давя бандитов и сэлки, и любой, на кого попадали останки падающего колосса, получал ледяные ожоги, обмораживался или погибал, словно облитый жидким азотом.

Когда великаний труп ударился о землю, он, как ни странно, рассыпался на осколки, подобно полой статуе.

Венди радостно завопила и захлопала в ладоши.

В восточных окнах вихрем промелькнули два князя бурь: оглушительное хлопанье килта и пол камзола, руки плотно стискивают противника, сияющее копье запуталось в тростях волынки. Третий гордо вышагивал по воздушным коридорам, спускаясь к дому, плюмаж из конского хвоста на его шлеме бился на ветру, шаги грохотали в воздухе.

– Или ты не хочешь помочь своим друзьям? – прошептал Том О'Лампкин сиплым от ненависти голосом.

Сэлки, одетые матросами, были уже у провала, но бросились ничком, когда Мьёлльнир, посланный какой-то невидимой силой, выдернулся из размозженного черепа великана и пролетел у них над головами к поднятой руке Питера.

Выражение страха мелькнуло на лице старого вояки за секунду до того, как молот ударился об его руку. Его выдернуло из кровати, где он сидел, и швырнуло на пол.

– Моя рука!

Толпа сэлки хлынула в спальню, размахивая пиками и ду-

бинами, перепрыгивая через кровать и хохоча от радости.

Из разбитых главных дверей в комнату также метнулись оборотни, неожиданно зайдя с тыла.

Четверо из них схватили Ворона и бросили его на пол прежде, чем он успел среагировать. Пятый навис над ним, размахивая дубиной, и прицелился, чтобы разmozжить бородачу голову.

Но он превратился в тюленя. Удара не последовало.

Человеческая оболочка отвалилась, словно белый кожаный костюм, и его черное лоснящееся тело, столь гибкое и стремительное в море, шлепнулось на пузо, беспомощно шевеля лапами. Дубина со стуком упала поверх тюленя.

Люди, удерживавшие Ворона на полу, тоже превратились в тюленей. Их руки стали плавниками, и, лишившись ног, солдаты беспомощно хлопнулись на брюхо.

Бородач стряхнул их и поднялся. Того, что попытался его кусить, он пнул по голове.

Питер с молотом в левой руке забил насмерть двоих тюленей на расстоянии вытянутой руки. Но он выглядел таким же беспомощным, как и они, ибо обе его ноги, а теперь и одна рука болтались бесполезным грузом, а на лице застыл страх.

– Моя рука! Я не могу пошевелить рукой!

Он корчил ужасные гримасы, и его мокрое от пота лицо было забрызгано кровью и мозгами убитых им тюленей.

Венди держала в руке жезл Моли. И где она взмахивала жезлом, там сэлки падали, теряя человеческую маскировку.

В одно мгновение целое стадо тюленей беспомощно извивалось на полу, хлопая ластами и твякая.

Многие тут же с яростным лаем и рычанием набросились на соседей и принялись полосовать друг друга зубами, словно внезапно обнаружили легионы скрытых предательств.

Питер принял вертикальное положение, вцепившись левой рукой в столбик кровати и зажав рукоять Мьёлльнира в зубах. Он дернул плечом, чтобы перекинуть правую руку через изголовье, и так обеспечил себе подпорку, когда ноги его, жалкие и смешные, свернулись на сторону.

Он выплюнул молот в левую руку.

– О черт!

Ибо он увидел сердитые глаза огненного великана, глядящие в разбитые рамы южных окон.

Великан занес огромную руку, приготовившись промести факелом, как веником, по комнате и снести все внутри. Но тут увидел, как опирающийся на изголовье Питер неловко, левой рукой, заносит молот, готовясь к броску.

Великан заколебался, из ноздрей вырывались дым и искры.

Они уставились друг другу глаза в глаза, человек и великан, и на протяжении мгновения ни тот, ни другой не шевелились.

Азраил де Грэй шагнул сквозь брешь в стене, слева за ним – Кощей Бессмертный, а справа – князь бури в древнеримском доспехе.

За ними обоими двигались несколько уцелевших бандитов: все в черных куртках и голубых касках.

Тюленей Азраил либо пинком отшвыривал с пути, либо перешагивал через них. Он остановился, заметив Питера с занесенным молотом.

Двое у него за спиной замерли, войдя в комнату на шаг. Высокая тонкая тень Кощея источала могильную вонь, а обрамляющие корону костлявые пальцы царапали потолок. Лицо князя бури скрывал шлем, а плюмаж и красный плащ хлопали на бешеных ветрах, вызываемых малейшим его движением. Он стоял, держа меч-гладиус над небольшим круглым щитом.

Трудно сказать, чей взгляд труднее было выдержать, Кощеев или Азраила. Глаза некроманта представляли собой всего лишь точки мрачного света, плавающего в темных ямах глазниц, нечеловеческие и ужасные. Но глаза Азраила могли бы быть человеческими и некогда были таковыми.

Питер оглянулся через плечо на основателя, затем снова перевел глаза на великана и слегка переместил вес молота, чтобы можно было бросить его в любом направлении. Он смотрел между ними, наблюдая за обоими краешком глаза.

И, возможно, позволил себе бросить один взгляд на единственную оставшуюся руку, напряженно замершую перед лицом.

– Один готов, второй на очереди, – хрипло пробормотал он. Но шутка не получилась.

Кто-то из террористов поднял винтовку, но Азраил вскинул руку:

– Не трогать мою родню!

Великан напряг плечо. Питер глянул туда, Азраил коснулся ожерелья из магнитов и прошептал имя:

– Сомнус, парализуй их. Кровь Полярной звезды делает их досягаемыми для меня.

Ворон ощутил, как конечности наливаются тяжестью. Он упал на колени и рухнул вперед, лицо его оказалось всего в нескольких дюймах от пряжек туфель Бена Франклина. Призрак американского волшебника не двинулся и не заговорил – лишенное жизни изваяние.

Сын гор попытался припомнить имена и заклинание, чтобы прогнать наваждение, но мозг заполнило обвиняющее равнодушное выражение, которое он прочел в глазах Венди.

Тут великан дернулся вперед, но Азраил крикнул:

– Суртвитнир! Назад!

Великан зарычал, изрыгая дым, отодвинулся примерно на фут от окон, но факела не опустил. Горящая дубина размером с дерево ждала возможности разнести комнату вдребезги.

– Бромиион, почему ты не оглушил и не свел их с ума громом? – спросил де Грэй.

Голос у князя бури оказался негромким и гладким, как шелк:

– Здесь побывал архангел Уриэль, правитель Солнца. Ан-

гельские следы освящают. А к освященной территории мы, духи, не подходим близко.

Азраил постучал посохом по половицам, затем отпустил его, и тот не упал, но остался стоять.

Венди распростерлась на полу. Рог единорога по-прежнему торчал у нее за поясом юбки. Азраил пошел вперед, пинками отбрасывая с дороги тюленей, туда, где она лежала.

С минуту он пристально смотрел на нее сверху вниз. Ворон, глядя парализованными глазами, ничего не мог поделать.

Старательно избегая касаться упавшего жезла Моли, Азраил поднял Венди на руки, как мужчина поднимает свою невесту.

Затем шагнул на балкон и занес ее над бездной.

– Я обещал сбросить тебя с этого высокого места, если ты не отдашь мне Клаваргент, и я не лгал.

Он обнял ее за талию, а ноги отпустил, так что весь ее вес приходился теперь на одну руку.

В этот самый миг Ворон увидел крохотную фигурку, бросившуюся со стропил к жезлу Моли.

Азраил произнес:

– Сомнус! Расковать ей конечности! – А Венди он велел: – Теперь вытяни серебряный ключ из-за пояса и вложи мне в руку!

– Милая! Лови! – Жезл Моли полетел через пустоту, Венди поймала его и съездила им Азраилу по физиономии.

Его рука тут же превратилась в дряблую белую перчатку, лицо обернулось капюшоном, сделанным из кожи Галена. Мальчишеские черты осыпались, будто скорлупа, открыв высокого, смуглого, величественного мужчину: ястребиный нос, мрачные складки глубоко залегли вокруг рта, глаза темные и жестокие, волосы тоже темные, за исключением тех мест над висками, где возраст оставил белые пряди. Он выпрямился, оказавшись на фут выше Галена, и одежда на его плечах и вдоль бедер поползла по швам.

Когда то, что казалось рукой Галена, отвалилось, подобно перчатке, Венди выскользнула из хватки волшебника с криком:

– Он не Гален и не может пересекать барьеры!

Ворон почувствовал, как в конечности возвращается сила: заклятие Азраила разбито. Он вскочил на ноги.

Венди мгновение балансировала на сломанном парапете балкона, размахивая руками. Затем с воплем рухнула.

Кулак великана, излучающий ужасный жар, вломился в окно на южной стороне и разнес в щепки кровать. Но Питер стащил отца, перекатился вместе с ним в сторону, и никого не раздавило. Лежа на спине, перепутавшись руками и ногами с безвольным телом старика, Питер левой рукой швырнул молот.

Мьёлльнир полетел быстро и точно, ударив великана между глаз с такой силой, что секунду оба глаза смотрели друг на друга через ширящуюся пропасть крови. Череп провалился

внутри с ревом и вспышкой пламени. Огромное тело в один миг превратилось в колонну пепла, странно бесплотную, и бесшумно развеялось ветром.

– Ворон! – крикнул Питер. – Кольцо! На электрический стул их!

Выражение страха снова появилось на лице Питера, когда молот вломился обратно сквозь стену. Он ударил его по левой руке, и калеку отбросило назад. Он проехался по полу, где и остался лежать, то ли без сознания, то ли мертвый.

Визг Венди превратился в вопль радости, и она легче пушинки всплыла обратно в поле зрения. Волосы и подол юбки невесомо развевались вокруг нее.

Только Азраил не был ошеломлен.

– Слуга Оберона! – воззвал он. – Верни серебряный ключ, или я уничтожу твоего мужа! – И он указал своей длинной тростью на Ворона. Другой рукой он стиснул амулеты на шее.

– Оберон? Мы работаем на Галена! – возразила Венди.

– Гален?.. – Азраил умолк, словно его посетила внезапная мысль.

А Венди рассмеялась. Странно: казалось, ее смех звенит так же ясно и весело, как раньше.

– Притяжению не обязательно тянуть нас вниз, вы это знаете? – бодро поделилась она. – Я пребывала в этом заблуждении всю жизнь. И теперь ты думаешь, будто можешь притянуть меня вниз? Ты, с твоими дурацкими угрозами? У тебя

такой глупый вид, когда ты говоришь подобные вещи! Здесь нет никакой битвы – это иллюзия. Что тебе врата Эвернесса без ключа? Прекрасно! Давай, выигрывай это сражение! А я сейчас просто улечу вместе с ключом! Может, отправлюсь в мамино королевство – теперь, когда я вспомнила дорогу туда.

– Ты насмехаешься над моими угрозами?

– Ты не причинишь вреда ни Питеру, ни Лемюэлю. Они твоя семья. Твои угрозы – иллюзия.

– А твой муж?

Венди посмотрела туда, где стоял Ворон. Заглянула ему в глаза.

– Думаю, это тоже была иллюзия. У меня нет мужа. И она отвернулась, спрятала лицо в локте и позволила ветру легко понести себя прочь над линией берега.

Словно листок на ветру, проплыла она мимо кораблей сэлки, прочь по воздуху к гроздящимся облакам, чьи башни и складки потусторонней белизны уже пропитались глубокими сочными красками восхода.

Один из бандитов вскинул винтовку, но взгляд его не мог сфокусироваться, словно зрелище летящей девушки было слишком странно для него.

Ворон тускло произнес:

– Франклин, передай мне кольцо. Обещаю использовать его по делу и не отдавать другому.

Азраил обернулся:

– Именем Морфея! Остановись!

Но он стоял на балконе снаружи дома, а Ворон находился внутри, и его магия не могла преодолеть барьеры.

Сын гор смотрел на кольцо у себя на ладони, но боялся надеть его. Готов ли он отказаться от любви навсегда?

Он шагнул за спину призраку Бена Франклина. Привидение по-прежнему маячило здесь, а значит, колдовство еще не закончено. Он еще не вступил во владение кольцом; проклятие еще не пало на него. Похоже, бандиты в черной форме точно так же не могли сосредоточить взгляд на Франклине, словно вид духа отца-основателя был слишком странен для них и они не решались смотреть на него.

Азраил произнес:

– Бромион!

– Где ясен след священной тишины, Гром битвы и мятеж запрещены, – отозвался римлянин.

Ворон дышал так, словно поднимал огромную тяжесть. Жена оставила его, так почему бы не отказаться от любви? Разве ему хуже, чем Питеру, который потерял и ноги, и руки?

Внутри белой полоски золота шла надпись: «Tempes-tos, Attonitus, Fulmenos! Ave et Salve! Venire et Parere!» Очевидно, волшебные слова, чтобы управлять князьями бури. Он мог стереть врагов ударами молнии и повелеть ветрам принести жену обратно. Но если проклятие действительно, он

больше не захочет Венди, когда она вернется.

Ворон понимал, что должен надеть кольцо. Еще секунда, и Азраил разбудит своих бандитов или выдумает еще какой-нибудь хитрый волшебный трюк, или...

Но надеть кольцо – значит погасить всякую надежду.

– Кощей, души великанов у тебя? – спросил Азраил. – Ты можешь их восстановить?

– Не при свете дня. Но князь бури все-таки может одолеть сына гор.

– Как это?

– Он убийца, и кровь, что стекает с его рук, осквернила священную территорию, – ответил некромант. – Следы Уриэля, ангела-правителя Солнца, пересекают комнату, это верно, но убийца не ступал по ним.

Ворон поднял усталые глаза. Он смутно понимал, что должен бежать, сражаться или что-то делать. Но произнес только:

– Венди...

Князь бури грянул мечом о щит, и грохот громче любого шума на земле пронзил сына гор до костей. Конечности у него онемели, и Ворон упал ничком. При втором ударе у него пропал слух и отнялся язык. С третьим ударом мысли его рассыпались, обращенные в хаос диким шумом, и бедняга лишился чувств.

Ворона поразило громом. Убитый горем, истерзанный магией, он провалился во тьму и больше ничего не помнил.